К102 5/38

К102 5/38

Н. РОСТОВ

ДУХОВЕНСТВО
И
РУССКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
КОНЦА ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

АТЕИСТ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛ-СБОРНИК НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

„АТЕИСТ“

ЕГО ОТДЕЛЫ:

1. **Религиозно-исторический и культурно-исторический**—статьи по вопросам истории религии и культуры как в нашем, т. е. **материалистическом**, освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный **фактический** материал, исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

2. **Церковь и государство**. Отдел посвящен разоблачению контрреволюционной и шантажной деятельности церковников какого бы то ни было культа.

3. **История атеизма.**

4. **Хроника** антирелигиозного движения у нас и за рубежом.

5. **Библиографический**—сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

Редакционный совет: *И. Вороницын, Е. Грекулов, проф. В. Т. Дитякин, проф. С. А. Каменев, проф. Н. П. Каменьщиков, проф. С. Г. Лозинский, проф. В. К. Никольский, Н. Румянцев, И. Шпицберг* (отв. редактор).

ПОДПИСКА С ПЕРЕСЫЛКОЙ ПО ПОЧТЕ:

На 1930 год на 12 месяцев . . . . . 7 р. — к.
„ „ 6 „ . . . . . 4 р. — к.
Отдельный номер . . . . . — р. 75 к.
Журнал „АТЕИСТ“ за 1925/29 гг. распродан.

Москва, Сретенка 10.
Издательство „БЕЗБОЖНИК“—Тел. 3-63-98

Религия—дурман для народа.

К102
38

Н. Ростов

ДУХОВЕНСТВО И РУССКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

АТЕИСТ

Мособлит 9184 6/V—1930 г.
Тираж 10.000 экз. Заказ 3400.
Рязгостипография.

1930

Гос. Исторический Музей
Инв. № 466361
198 г.

* * *

Массовое движение эпохи первой революции в основном было направлено против ряда социальных групп тогдашего общества. Это движение одним грозило лишением тех или иных привиллегий, других оно готово было уничтожить полностью. **Естественно, что эти социальные группы при первых реальных признаках опасности прибегли к самообороне,** делали отчаянные усилия к тому, чтобы создать противодействие революционному натиску. Из этого сознания своих классовых интересов, готовности отстаивать их и родилось контр-революционное движение. Оно пыталось, правда безуспешно, противодействовать освободительной борьбе масс в моменты его наивысшего под'ема в 1905 г. и даже до этого.

Уже при первых признаках начала массовой борьбы контр-революционные элементы начали создавать свои организации и даже делали попытки активно вмешаться в политическую жизнь страны устройствтм погромов, долженствовавших запугать революционеров. „Контр-революция, говорил Ленин, открыла военные действия, прежде чем революция взялась за оружие".

Но эти первые шаги не были в состоянии предотвратить надвигавшуюся бурю. Революционный размах был тогда настолько силен, а контр-революция настолько еще слаба, что помешать развитию событий до октября 1905 г. она не была в состоянии. Октябрьская забастовка в этом отношении явилась фактором решающего значения. В манифесте 17 октября контр-революция увидела, и не без основания, начало конца. Смертельная опасность как реальный факт предстала пред теми, кого ход исторических событий обрек на погибель. И обреченные встали. Они пошли по пути пред'указанному самой революцией.

Они стали организовываться, сплачивать свои ряды, дотоле совершенно распыленные, лишенные не только единого руководства, но даже единой идеологии. На арене нашей общественной жизни появился новый фактор—действенные политические партии, насквозь пропитанные ненавистью к революции, с ярко выраженным монархическим содержанием, преследовавшие точно определенные классовые цели.

Из каких же слоев тогдашнего общества эти партии вербовали своих сторонников? Интересы каких социальных групп и классов они защищали? Совершенно отчетливые ответы на эти вопросы мы найдем в содержании нашей первой революции, в стремлении ее активных, движущих сил.

Несмотря на свою сравнительную малочисленность, рабочий класс уже тогда был основной силой революции. Вся тяжесть борьбы фактически легла на его плечи. От январьских расстрелов на улицах Петербурга до декабрьских баррикад в Москве, Ростове, Красноярске и в других городах мы неизменно видим его в центре всех событий. Но все удары свои рабочий класс направлял тогда меньше всего в сторону своего классового врага, буржуазии. Центр борьбы был в ином месте. Речь шла, прежде всего, о завоевании политической свободы, об уничтожении царского самодержавия. Посколько остатки крепостничества своей тяжестью давили всю страну, борьба рабочего класса против самодержавия находила сочувственный отклик в среде других классов общества и в частности в среде русской буржуазии.

На первом этапе борьбы наиболее дальновидная часть буржуазии просто в интересах собственного класса не могла выступить защитницей самодержавия, посколько этот, насквозь прогнивший, режим лежал тяжелым камнем на путях ее собственного развития. Буржуазия целиком и полностью оказалась в лагере контр-революции лишь потом, когда движение далеко ушло от тех границ, которые ею намечались.

Но отдельные буржуазные группы обретались в лагере контрреволюции с самаго начала борьбы. То были представители тех капиталистических групп, которые выросли в тесном общении с царским правительством, кормившиеся с его стола и уже в силу этого одного, страшившихся каких бы то ни было политических перемен. Но, конечно, не они явились становым хребтом контрреволюции.

Уже при первых проблесках массового движения, волнения стали охватывать крестьянство. Ограбленное „освобождением" 1861 г., беспощадно эксплотировавшееся и дворянами-помещиками и правительством, крестьянство к 1905 г. пришло в сильнейшее брожение. Темное, невежественное, лишенное элементарных навыков политической организации и борьбы, оно способно было только на стихийные восстания против своих вековечных врагов-помещиков.

Крестьянский вопрос мог быть разрешен революционно только в плоскости конфискации помещичьей земли и передачи ее крестьянству. Класс же дворян-землевладельцев был в то время главной опорой самодержавия. Поэтому борьба против помещиков имела двоякий социально-политический характер. Уничтожая помещичье землевладение революция этим самым не только удовлетворяла крестьянство, но и наносила смертельный удар царизму. Вот почему конфискация помещичьих земель было одним из лозунгов рабочего класса.

Когда запылали барские поместья, дворянство, как класс, не только с'организовалось для борьбы с крестьянскими волне-

ниями, но и явилось центром, душой и главной вдохновительницей всей контр-революции. Вся борьба с революционным движением после 1905 г. была густо окрашена в дворянский цвет.

Контр-революционный стан, однако, не состоял из одних дворян-помещиков. Об участии в нем буржуазных элементов мы уже говорили. Были в нем и другие силы, интересам которых революция готовила жестокие удары.

Во время царизма бюрократия представляла собой внушительную силу. Многочисленное чиновничество было кровно связано с монархией прежде всего материальными узами. Поэтому всякая угроза самодержавию рассматривалась ими, как собственное бедствие. Надо при этом отметить, что бюрократия не была чем то однородным. Низшее чиновничество, вечно бедствовавшее и забитое, было мало заинтересовано в сохранении всех прерогатив царской власти. Но политически оно было пассивно. Все то, что поднималось над этой группой в лагере бюрократии, было тесно связано с дворянством и царской властью, являвшейся источником чинов, орденов и безграничных материальных благ.

Недаром же на знаменах революции отчетливо выделялось требование уничтожения бюрократии, как силы враждебной народу. Поэтому-то бюрократия и выдвинула из своей среды обширные кадры организаторов контр-революции. Ей это было тем легче делать, стоя у кормила власти, располагая всем аппаратом государственного управления, всеми средствами подавления массовых движений, начиная с органов охраны, полиции и кончая войсками.

Но ни дворянство, ни бюрократия, ни буржуазия, все же не смогли бы создать сильное контр-революционное движение, какое мы наблюдали в эпоху первой революции, если б им на помощь не пришел такой крупный политический фактор, как духовенство. Придать контр-революционному движению массовый характер, привлечь к нему элементы из крестьянства, городского мещанства и даже из отсталых, темных слоев рабочих могло оно, только одно, пользуясь тем авторитетом, который оно еще имело в этой среде.

Для дворянской контр-революции важно было придать себе массовый характер, получить хотя бы некоторое право выступать от имени „народа". Это задание духовенство выполнило полностью. И сделало оно это вовсе не потому исключительно, что было служанкой царизма, как это полагают некоторые историки. У духовенства было слишком много собственных интересов, которые сближали его с дворянством и бюрократией.

Духовенство, за единичными исключениями, всегда всецело стояло на стороне привиллегированных, командующих классов. В борьбе народа со своими угнетателями, оно неизменно ока-

зывалось в лагере врагов освобождения. Раболепно потворствуя произволу самодержавия, духовенство санкционировало политику насилий и деспотизма. „Церковь, писал В. Белинский в своем известном письме к Гоголю, всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма. Церковь явилась ерархией, стало быть поборницей неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницей братства между людьми, чем продолжает быть и до сих пор".

Все эти об'ективные причины полностью сохранились и в эпоху первой революции. Но кроме этих были и другие, материальные причины. Революция прежде всего покушалась на обширные земельные владения духовенства. Требование отчуждения церковных и монастырских земель исходило даже из умеренных кругов либеральной буржуазии, пытавшейся этим отвести гнев народный от дворянских поместий. Церковные магнаты, как увидим, в земельных богатствах видели основу могущества церкви. Общая опасность и толкала их в об'ятья дворянской реакции. С другой стороны церковь была частью государственного аппарата. Священники получали от царского правительства те же чины, ордена, жалованье, что и бюрократия, правда не в таких размерах. Естественно, что в минуту опасности духовенство почти целиком пришло на помощь царизму, частью которого оно и являлось по существу.

Роль духовенства в контр-революции после 1905 г. была колоссальна. Оно не только дало этому лагерю массу, но и вождей и идеологов. Оно много поработало над созданием контр-революционной идеологии, развернуло необычайную агитацию, как устную, так и печатную, вдохновляло, наконец, активные выступления враждебных революции сил.

Все это делало духовенство передовым отрядом контр-революции. В нашей работе мы коснемся деятельности только этой последней группы. Но для понимания роли духовенства в контр-революции необходимо изучить социально-политическую сущность этой группы в ее богатом историческими событиями прошлом. Тогда нам станет понятно, почему духовенство в эпоху первой революции могло только так вести себя, а не иначе.

Контр-революционная деятельность духовенства в России вовсе не была неожиданностью. Во все времена, у всех народов, при всех революциях неизменно наблюдалась одна и та же картина. Восставшие народы, низвергая тиранов, натыкались на яростное сопротивление клира, грудью отстаивавшего гнет и насилие. Так было во время английской, а затем и великой французской революций. Князья церкви вместе со светскими князьями всегда составляли внутреннюю сущность всяческих реставраций. Вот почему на головы духовенства всегда обрушивалась ярость мятежных народов.

I. Духовенство и царизм.

I.

В процессе зарождения и развития русского царизма огромную роль сыграло православное духовенство. Идеи христианства и православия пришли к нам из греко-византийской империи. Этим самым древняя Русь не только надолго вошла в сферу влияния византийской культуры, но и усвоила многие политические идеи тогдашних греков. В числе этих идей византийские церковники перенесли в Россию и учение о царской власти, составлявшее важнейший пункт греческого церковного миросозерцания. Самодержавие русских царей выросло на почве учения церкви о сущности власти, как божественного установления. Уже устами апостола Павла церковь превозглашала: „Всякая душа властям придержащим пусть повинуется, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены".

Правда, церковь не всегда в точности соблюдала это правило. Она не раз на протяжении новой истории человечества вступала в ожесточеннейшие схватки и даже войны с теми властями, которые шли наперекор ее интересам. Но в древние времена, только завоевывая себе господствующее положение, церковь охотно признавала принцип божественного происхождения власти, прекрасно понимая всю выгоду для себя от этого признания. Как только византийские императоры приняли греко-православную веру, они немедленно были обожествлены церковью. В их лице духовенство признало главу не только политической власти, но и самой церкви.

На первый взгляд это положение может показаться несколько странным. Общеизвестна жадность церкви к властвованию. Между тем, в данном случае она сама не только признала светского главу государства своим духовным владыкой, но не за страх, а за совесть много поработала над возвеличением этой власти.

Об'ясняется это теми колоссальными выгодами, которые извлекались церквью из этого положения. Стоя во главе церкви, будучи ее верными сынами, византийские императоры этим самым становились ее хранителями. Наделяя царей божественным титулом, духовенство этим самым превращало их в надежный щит собственного земного благополучия.

С другой стороны и царям было выгодно фигурировать перед народами в образе помазанников божьих. Это упрочивало

их власть, изнимало ее происхождение из рук человеческих. Если власть царская даруется самим богом его ставленникам на земле, только он один и может лишать их этой власти. Все эти чисто материальные интересы толкали царизм и духовенство на теснейший союз, исключительно выгодный обеим сторонам. Уже император Юстиан с классической ясностью формулировал это положение: „Мы озабочиваемся, писал он, и охранением православной веры и благоустроением священства, чем надеемся получить великие блага и соблюсти твердый порядок в государстве".

На протяжении веков, не взирая на многократные размолвки, обе стороны свято соблюдали этот союз. В частности, русский царизм от первого и до последнего дня своего существования был ревностным хранителем православия. Точно так же православное духовенство неразрывными узами было связано с самодержавием, всегда являясь борцом за цезаристскую идеологию и царскую власть. И материальные и вероисповедные интересы неуклонно толкали его на путь услужничества царской власти, точь в точь как во времена византийской империи.

Русское духовенство явилось той агитационной и организационной силой, которая первая выдвинула идею уничтожения удельных княжеств и об'единения всей древней Руси под эгидой единого Московского царя-государя. Разумеется, эту работу оно проделало далеко не бескорыстно. Борясь за централизацию русской государственной власти, духовенство думало, прежде всего, о собственных мирских интересах.

„Нет никакого сомнения, говорит В. Милютин, что одной из главных причин преданности духовенства политике князей Московских было убеждение в тех материальных выгодах, которые оно должно было приобрести от сосредоточения всех владений в руках одного князя". Это была чрезвычайно дальновидная политика, хотя на первый взгляд она и кажется несколько нелогичной. Дело в том, что при раздробленности Руси, авторитет главы церкви-митрополита—был очень велик. В течение Киевского периода русской истории глава церкви вообще был независим от светской власти князей. Он назначался Константинопольским патриархом. В случае недовольства митрополитом светская власть в лице князей могла только к нему и аппелировать.

Хотя князья уже тогда вмешивались во внутренние дела церкви, распоряжаясь учреждением кафедр, канонизаций и перенесением святых, но роль их, в виду общей слабости, была невелика.

Во всяком случае, авторитет церкви был выше княжеского. Но в таком случае почему же духовенство столь энергично содействовало созданию сильной царской власти на Москве? Потому что оно не без основания видело в ней свою могущест-

венную опору. Еще до централизации государственной власти в лице великого князя Московского, власть в церкви была давно централизована. После татарского нашествия центр православной церкви из Киева был перенесен на север, в Москву. Естественно, что церковь была кровно заинтересована в распространении власти Московского князя на всю Русь. Этим фактом несметные богатства, скопленные уже к тому времени церковью, получали должную охрану и признание.

Борясь против дробления государства на мелкие княжества (уделы), духовенство в то же время энергично содействовало уничтожению тех вольных городов, где князей вовсе не было, а власть находилась в руках народного вече. Так было с вольным Новгородом и Псковом. Уже на заре нашей истории древняя демократия в лице духовенства имела своего непримиримого врага. Эту характерную черту мы видим в духовенстве на протяжении более тысячи лет, вплоть до уничтожения его власти и влияния, совместно с самой монархией.

Свою силу и мощь духовенство умудрилось почерпнуть не только из возвеличения власти московских христианских князей. Величайшее бедствие, обрушившееся на русский народ в тринадцатом веке в виде татарского нашествия, явилось для духовенства источником усиления его богатств и могущества. Церковь не только быстро приспособилась к игу завоевателей, но сумела извлечь из этого факта огромные для себя выгоды, порой превосходившие те права и привилегии, которые получались ею от христианских князей. Достаточно ознакомиться с теми ярлыками, или жалованными грамотами татарских ханов на имя православных митрополитов, чтобы увидеть сколь велики были „милости“ неверных царей в отношении духовенства.

Все эти ярлыки дошли до нас на древне-русском языке. Это дало повод некоторым смущенным православным историкам оспаривать вообще их подлинность. Попытка эта еще в 1842 г. была безповоротно уничтожена В. Григорьевым в его работе „О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству“. С тех пор, кажется, оспаривать подлинность ярлыков никто не пытался. Но зато делались неоднократные попытки об'яснить необычайную предупредительность мусульманских ханов в отношении православного духовенства их исконной веротерпимостью. Во главе этой группы историков стоит известный автор „Истории православной церкви“ Голубинский. Ближайшее изучение этих ярлыков отчетливо выявляет всю безосновательность теорий этих официальных историографов. Это же изучение выявляет и те причины, в силу которых они должны были притти именно к таким выводам.

Во всех ханских ярлыках православному духовенству оказывались всевозможные права и преимущества: они освобождались

от податей, налогов и пошлин; митрополитам представлялось право суда и расправы не только над всем клиром, но и в отношении всех подведомственных ему людей, т. е. крепостных крестьян. Точно также духовенство безконтрольно распоряжалось церковным и монастырским имуществом. Татарским баскакам (чиновникам) эти ярлыки предписывали величайшее уважение к православной вере и духовенству. За нарушение всех этих прав и прерогатив духовенства баскаки наказывались смертной казнью.

Мы приведем несколько выдержек из этих ярлыков. Нет никаких сомнений в том, что ярлыки эти писались под диктовку самих митрополитов. Это делает их особо ценными документами, характеризующим стремления духовенства.

Жаловались ярлыки каждым ханом при вошествии на престол. За получением ярлыка митрополиты иногда лично отправлялись в Золотую Орду. Иногда же ярлыки присылались с ханскими послами. Все, дошедшие до нас, ярлыки почти однородны по своему содержанию. До нас дошло только семь ярлыков. „Да никто не обидит на Руси соборную церковь и митрополита, говорится в ярлыке Язбека на имя митрополита Петра, и его людей и церковных его, да никто не взимает ни стяжаний, ни имений, ни людей. А знает Петр митрополит в правду и право судить и управляет люди своя в правду, в чем ни будь: и в разбои и в поличном и в татьбе и во всяких делах ведает сам Петр Митрополит един, или кому прикажет. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковные причты, по первым изначала законам их и по первым грамотам нашим, первых царей великих грамот. Да не вступаются в церковное и Митрополичье никто же, занеже то божие все суть, а кто вступится, а наш ярлык и наше слово преслушает, то есть богу повинен и гнев на себя от него приимет, а от нас казнь ему будет смертная. А митрополит... вся своя церковная управляет и судит и вещает или кому повелит такая деяти и управляти. А нам в то не вступатися ни во что, ни детям нашим, ни всем нашим князем". За все это митрополит должен был „молить бога за нас и за наши жены и за наши дети и за наше племя".

В ярлыке хана Атюляка митрополиту Михаилу мы читаем: „От первых царей при Чингиз-царь и по нем иные цари Азис и Бердебек, и так жаловать церковных людей, а они за них молились. И весь чин поповский и всии церковники люди не токмо жаловати их, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы—ино тем церковным людям ни видети, ни слышати того не надобь, чтоб во упокои бога молили и молитву за них воздавали богу. И ныне мы, по первым ярлыкам изыскавши и удумавши и думав не изыначиваем первых ярлыков, потому ж

сего митрополита Михаила пожалован есмя. И он как сядет на своем столе, молит бога за нас и за наше племя в род и род и молитву воздает. И тако церковным богомольцам, попом и черницом и бельцом и их людем от мала и до велика ни какова дань, ни которая пошлина, ни корм, ни питие, запрос, ни дары, ни почестья не воздают никова, ни служба, ни работа, ни сторожка, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выход, ни поветное, ни становое, ни в'ездное, ни мимоходное на дорозе послу, ни баскаку, ни которому моему посланику; или что церковные домы, воды, земли, огороды, виноградьі, мельницы, стада конские, скот и овчина или что ни буди их, в то ся у них не вступает никто, ни насилья да не творят им никакова, а кто будет взял не ведая и он отдает безпосудно".

Этим ярлыком под страхом смерти запрещалось татарским чиновникам отнимать у духовенства их достояние. За убийство татарского чиновника духовным при защите своего добра никакого наказания не полагалось. „А кто наших послов или пошлинников убиют церковные люди над своим добром тому телеватне". За то за убийство церковных людей грозила казнь. „А кого наш убиет церковных людей и тот сам смертию да умрет". За все это „Михайло Митрополит за нас к богу молитвы воздает, дабы церковные люди во упокой за нас молилися, понеже ты прежде, а они потом." *).

Предоставляя духовенству право суда над своим многочисленными подданными, ханам иногда приходилось защищать последних, требуя от духовенства, как указывает В. Милютин, „справедливого исполнения возложенных на них обязанностей".

Все эти ярлыки закрепляли привилегии церкви, „так определенно и так широко, как еще ни разу не было при благоверных российских князьях" **). Это было не самоуправление, а признание за ней суверенных прав в таком размере, какого не знали совершенно светские князья в эпоху татарского ига.

Чем же об'ясняется это необычайное, на первый взгляд, явление? Почему татарские ханы, вначале язычники, а затем мусульмане, воспылали такой нежной страстью к православному духовенству страны, которую они не раз предавали огню и мечу? Нужно хотя бы по летописям читать о тех невероятных насилиях, погромах, сплошных убийствах и разорениях, которые вносились татарами в русскую жизнь, чтобы понять, сколь непомерно велики были „милости" дарованные ханами духовенству.

Как известно, мусульманская религия предписывает величайшую нетерпимость в отношении инаковерующих и в этом отношении не уступает христианской. Чем же тогда об'яснить,

*) В. Григорьев. О достоверности ханских ярлыков.
**) М. Покровский. Русская история.

что ханы-мусульмане давали христианскому духовенству такие привилегии, которые не только шли в разрез с их собственными религиозными убеждениями, но даже были вредны с точки зрения финансов их государства? В то время как духовенство в лице митрополитов возвращалось из Орды, осыпанное милостями, светские князья часто погибали там, принимали смерть за христианство, как учит нас сама же церковная история. Так было с Романом Рязанским, Михаилом Тверским. Значит дело здесь не в религиозной терпимости.

Завоевав всю Русь татарские ханы нуждались в помощи духовенства, чтобы держать весь порабощенный народ в повиновении. Религия тогда безраздельно владела над умами людей, духовенство же пользовалось огромным влиянием. Наделяя духовенство обширными привилегиями, ханы превратили его в свою „молитвенницу"; это значит, что они своим авторитетом освящали их власть. Тем более, что это можно было делать, опираясь на евангельскую мудрость—нет власти, аще не от бога. Следовательно, покоряйтесь тиранам Золотой Орды и их баскакам, злодействовавшим по всем городам и весям Руси, ибо на них почиет благодать господа бога. Только так и можно понимать содержание ярлыков.

За эту помощь ханам приходилось платить очень дорого. Но, повидимому, жертвы эти вполне окупались. Можно ли хоть на одну минуту допустить, что завоеватели—цари будут приносить обильные жертвы духовенству враждебной им религии и народа только за молитвы об их здравии. При этом надо указать, что с точки зрения мусульманина молитва христианского духовенства вообще, в лучшем случае, бесплодна и уж, конечно, до Магомета дойти не может.

В истории взаимоотношений духовенства и русского царизма мы часто видим первых в роли царских молитвенников. При этом мы прекрасно знаем суть этих молитв. Тоже было и с ханами. Призывая русский народ к покорности и терпению духовенство этим самым укрепляло иго завоевателей. С церковных амвонов раздавалась молитва за тех, кто каждодневно в дыму пожаров и в потоках крови топил малейшие попытки к освобождению от этого ига. Все это в конечном итоге являлось соучастием в деле порабощения русского народа.

Спасая „дом пречистой богородицы" русское духовенство жертвовало интересами народа в угоду мусульманским царям. Вот в чем суть ярлыков и вот почему Карамзин пытался опорочить их содержание, отрицая их достоверность. „Союз православного духовенства и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обоих сторон".. Ханы „получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом духовным меч вещественный, который неудобно же было

извлекать из ножен слишком часто" *). Правда, теперь нам видно, что, в конечном итого, ханы проиграли от этого союза. Духовенство, на богатых ханских дрожжах став могущественным классом, перекинулось на сторону московских князей, едва те окрепнув выступили против татар. Но и здесь только сказалась проницательность духовенства. Оно сразу и верно определило соотношение сил и неизбежность победы зарождавшегося московского царизма над разлагавшимся ханством.

Перейдя всецело на службу к Москве, духовенство этим не только спасло все приобретения эпохи татарского ига, но очень многое заполучило от новых помазанников божьих.

II

При ближайшем участии и под непосредственным руководстом духовенства началось возвеличение великого князя Московского и превращение его в царя всея Руси, как самодержца божьей милостью. При этом с самого начала духовенство учило что „русский царь яко христианский государь (не в пример мусульманским царям, Н. Р.) есть хранитель догматов и благочиния православной церкви". А по учению Иосифа Волоцкого— „царь естеством подобен есть всем человекам, властию же подобен высшему богу".

Все эти мысли настойчиво внушались носителям верховной власти. Они то и породили первого царя Ивана Васильевича Грозного, этого типичного воспитанника духовенства эпохи средневековья. Идеология самодержавия, детально разработанная духовными публицистами, была полностью проведена ими в жизнь, вылившись в совершенно законченный тип царя-тирана. Исключительно кровавый деспотизм Грозного, отчасти, вырос из тех поучений, которые он без конца слушал от своих духовных учителей. Изо дня в день они твердили ему еще с малолетства, что он ставленник божий волен творить над своими рабами-подданными все, что вздумает. При этом ревнители православия, духовные отцы сами рекомендовали ему самые лютые меры в борьбе с ересью.

Их кровожадность не знала границ. Так, архиепископ Новгородский Геннадий, обращаясь к собору владык в 1490 г., прямо рекомендовал „еретиков казнити, жечи, да вешати". Эту лютую жестокость наше духовенство, вместе со своими канонами, получило от Византии, от греческих учителей. Жестокость греческих законов духовенство полностью применяло в русской жизни. Так, Новгородский епископ Лука Жидята в XI веке отрезал холопу Дубику нос и обе руки за то, что тот возвел на него хулу. Епископу Федорцу в XII веке, по сообщению Лаврентьевской

*) М. Покровский. Русская история.

евской летописи, митрополит велел „урезати язык яко злодею и еретику и руку правую утяти и очи ему выняти, зане хулу измолве на святую богородицу". Но и этот епископ Федорец сам далеко не был милостивцем. Когда он был епископом во Владимире, рассказывает о нем летописец, „не милостивый был мучитель, одним головы рубил, другим глаза выжигал и язык вырезал, иных распинал на стене и мучил немилостиво, желая исторгнуть у них имение". Приведенные примеры далеко не являются единичными в этой эпохе. Не отказалось от этого духовенство, как увидим, и в последующие века.

Иван Грозный усвоил основательно все поучения церкви и ретиво проводил их в жизнь, утверждая свое царское самодержавие. Он не только систематически истреблял бояр, но порой жестоко расправлялся и с представителями духовенства, поскольку те заподозривались им в „мятеже". Так, по приказу Ивана Грозного был удушен митрополит Филипп. Псковского игумена Корнилия и его ученика Василия раздавили опричники каким то тяжелым мучительным орудием. Новгородского епископа Леонида, по приказу Грозного, обшив в медвежью шкуру, затравили собаками. Целую группу монахов, признанных виновными в „мятеже" против царя, заставили бороться с шестью огромными медведями. Так обернулись поучения духовенства против них самих.

Почувствовав себя окрепшими, цари, конечно, не могли жертвовать прерогативами собственной власти в угоду духовенству. Да те и не очень скорбели о своей подчиненной роли. От первых царей, решительно поставивших свою власть в государстве превыше всего, и до гибели царизма, мы не встретим ни одной серьезной попытки духовенства решительно выступить в защиту своих прав. Только один раз во время Никона, этот вопрос был поставлен в плоскости двоевластия и, как увидим, духовенство само оказалось в лагере царизма.

Мнение некоторых историков, будто тирания московских царей, бесцеремонно обращавшихся с правами духовенства, явилась для последних неожиданностью, вряд ли соответствует действительному ходу вещей. Утверждая деспотизм царской власти, духовенство в этом видело собственное дело. Что касается до столкновений царизма с отдельными деятелями клира, то таковые происходили, главным образом, не с выразителями настроений всей церкви, а с, так называемой, религиозной оппозицией, неоднократно зарождавшейся в недрах православия. В таких случаях сама церковь для подавления своих внутренних врагов прибегала к мечу царской власти.

Беспощадная расправа со всякой ересью руками государственной власти лишний раз демонстрировала, насколько тесен был союз церкви и царизма и сколь необходим он был друг другу.

Церковь никогда не жалела о своем подчиненном положении. Особо ярко это выявилось в эпоху смутного времени. Если бы духовенство мечтало о независимости от царской власти, то лучшего случая для разрыва союза и нельзя было придумать. Исчезновение династии, полный развал царизма—все это чрезвычайно благоприятствовало возрождению сепаритистских тенденций в церкви, если бы таковые существовали. Но духовенство не только не делало никаких попыток к возрождению своей светской власти, а, наоборот, все свои силы и все свое огромное влияние употребило на то, чтобы возродить и укрепить царизм.

Пуще всего боясь народных волнений и смут в государстве, духовенство теснейшим образом связывало свою судьбу с царским троном. Когда после смерти бездетного царя Федора Ивановича, трон оказался вакантным, именно духовенством был возведен на престол Борис Годунов. Главным действующим лицов в этом деле был патриарх Иов, прямой ставленник Годунова.

Достоин внимания тот факт, что само патриаршество было создано в России не духовенством, а царской властью. И не умаление, а усиление собственной власти—вот что преследовал царизм, создавая патриаршество. В июне 1589 г. царь Федор Иванович в первый раз в собрании высшего духовенства высказал об этом мысль. Церковные иерархи отнеслись к ней более, нежели прохладно. Но царизм в собственных интересах осуществил ее. И действительно, начиная с первого патриахра Иова, трон лучшего слугу не видывал. Патриарх занимался больше делами государственными, нежели духовными. Это сразу сказалось во время „избрания" Б. Годунова на царство.

Духовенство не только поставило во главу угла своей деятельности сохранение трона, но самым яростным образом отстаивало неприкосновенность самодержавия от покушений на него со стороны знати.

Когда же Годунов уселся на троне, духовенство было его гвардией. За это Годунов не раз осыпал клир милостями.

Царствование Годунова оказалось недолговечным. Когда в ходе смуты он пал и на Руси воцарилось бесцарствие, духовенство неизменно преследовало одну цель—как можно скорее возродить разрушенную храмину. Ради это оно поддерживало царя Василия Шуйского, ради этого оно даже готово было войти в соглашение с польским кандидатом на русский престол. Оно готово было на все лишь бы был порядок и царь на Москве.

Когда в процессе борьбы за власть стала намечаться кандидатура Романовых, духовенство рьяно ухватилось за нее. Все средства и все силы клира были брошены на помощь этой кандидатуре. При этом духовенство даже не побрезговало пустить в ход в пользу Романовых такой аргумент, как „божественное откровение". Сам бог, явившись ко многим духовным членам

земского собора, указал на Михаила, как на достойного царя. Избрание Романовых явилось отчасти результатом деятельности духовенства.

Вся последующая деятельность церкви было полностью направлена к укреплению власти новой династии. Не без влияния духовенства произошло и изменение титула царя, начавшего именовать себя—„самодержцем".

В правление второго Романова, Алексея Михайловича, духовенство снова получило возможность демонстрировать свою безграничную преданность царизму. Тяготы и поборы царских чиновников привели к целому ряду народных восстаний. Наиболее крупные из них произошли в Пскове и Новгороде, а затем на Волге под водительством С. Разина.

Против вспомнивших свою былую вольность Пскова и Новгорода двинуты были войска, во главе которых стояло духовенство. Усмирением Новгорода деятельно руководил митрополит Никон, а Пскова епископ Макарий. Духовенство во главе карательных отрядов—вот итог тесного союза церкви и государства. „На них царь твердо полагался, да и вообще для правительства было очень удобно в качестве анти-мятежного оружия пользоваться авторитетом церкви. Это было особенно удобно именно в тот момент, потому что неуверенность в народном настроении мешала правительству царя Алексея прибегнуть к крутым военным репрессиям и заставляла рясами архиереев и монахов прикрывать свою внутреннюю слабость" *).

Восстания в Пскове и Новгороде были лишь слабыми симптомами той великой бури, которая разразилась на Волге во дни разиновщины. Народные массы сделали судорожную попытку освободить себя от все более и более душившего их гнета царя и помещиков. Смертельная опасность в дни разиновщины снова повисла над монархией. Порой казалось, что с таким трудом созданный царизм может рухнуть под ударами восставшего народа. И снова, как в Пскове и Новгороде, мы видим духовенство в первых рядах усмирителей мятежа. Недаром разинцы столь сурово расправлялись с святыми отцами, попадавшими к ним в руки, видя в них своих смертельных врагов.

Когда же для царя выяснился неизбежный конец разиновщины, он пригласил к себе патриарха и все высшее духовенство, к которым обратился со следующими словами: „Вор Стенька не перестает и на святую церковь воюет тайно и явно и православных христиан ищитися погубить пуще прежнего. Имея твердое попечение о святой церкви, за помощью того бога терпеть ему вору не изволяем, и вы б отец и богомолец и великий господин святейший Иосиф, патриарх московский и всея Руси со всем

*) Б. Титлинов. Православие на службе самодержавия.

священным собором сообща совет свой предложили“. На это патриарх ответил: „По данной нам от бога благодати,мы смиренные пастыри словесного христова стада и блюстители его закона, того вора Стеньку от стада христова и от святой церкви, как гнилой уд от тела отсекаем и проклинаем“ *).

Все святители повторили это; в тот же день, по церквам раздалась анафема Разину, гремевшая в храмах чуть ли не до самой революции.

III.

Выполняя роль охранителей Романовского трона, духовенство во время Алексея Михайловича особо четко выявило свою сущность во время знаменитой борьбы между царем и патриархом.

Усмиритель Никон, став патриархом всея Руси, сделал попылку возродить власть духовенства в том виде, как она существовала во времена первых князей, когда она, если и не доминировала, то во всяком случае была равна светской власти. Но в основе этого столкновения, несомненно, лежали материальные интересы. Смута и народные волнения разоряли казну. Правительство часто нуждалось в средствах. Естественно, что светская власть косо посматривала на несметные богатства духовенства. Правда, она еще не решалась прямо ставить вопрос о секуляризации церковых имуществ, но медленно все таки шла к этому. При Алексее Михайловиче Земский собор 1648 г. в принятом „уложении“ сделал шаг в этом направлении. Созданный им „Монастырский приказ“ ограничал кой какие владельческие и судебные права церкви.

Все это было грозным предостережением для духовенства. Наиболее дальновидные его идеологи в этом не могли не усмотреть начала покушения на свое экономическое благополучие и могущество. В этом и был корень их недовольства, оппозиции, ярким выразителем которой явился Никон. Со свойственной ему последовательностью он поставил вопрос о сущности светской власти, как соподчиненной духовной. Цари, учил он, это создание рук духовенства. Они—глава мирской власти. Во главе же церкви стоит патриарх, независимый владыка, равный земным царям или даже стоящий над ними. При таком толковании прав духовных владык, само собой разумеется светская власть лишалась возможности распоряжаться церковным имуществом.

Но царизм, охотно принимая все услуги духовенства, решительно воспротивился этой теории, как посягающей на его прерогативы. Теория Никона, несомненно, пользовались успехом во влиятельных церковных кругах. Но огромное большинство

---

*) Костомаров. Восстание С. Разина.

Гос. ... Науч. Б-ка
НКП РСФСР
... № 466361

духовенства решительно выступило против своего идеолога. В холопском усердии перед царем оно провозгласило Никона „нечестивцем".

Для разрешения конфликта Алексей Михайлович собрал церковный собор. При этом он сделал ловкий ход, пригласив на него греческих патриархов. От'явленные проходимцы, за деньги готовые к любой услуге, греки должны были явиться оппонентами Никону и содействовать окончательному торжеству царизма. Так оно и случилось. Опираясь на авторитет восточных патриархов и несомненную преданность большинства русского духовенства. царизм отверг попытки Никона и раз навсегда утвердил свой авторитет в церкви. Разгром Никоновской оппозиции положил конец всяким попыткам этого рода в среде духовенства. Это полностью было использовано светской властью, которах уничтожила всякие внешние признаки самостоятельности духовенства, превратив его формально в своих наиболее надежных слуг.

Но и до столкновения с Никоном духовенство никогда не осмеливалось перечить царской власти. Всякое желание царей, бывшее хотя бы в противоречии с церковными канонами, беспрекословно испо́лнялось клиром. Так, по политическим соображениям царю Василию Ивановичу захотелось развестись с женой Соломонией и митрополит Даниил, вопреки канонам, благословил этот развод. Ивану IV понадобилось в четвертый раз жениться на Анне Котловской и духовенство целым собором в храме Успения разрешило этот брак, но в соборном акте оговорило; „а прочие человецы от мирских царского синклита и до простых никакоже да не дерзнет таковая сотворити четвертому браку сочетатися, аще кто гордостью дмяся иже от неразумения дерзнет—таковая сотворити, пригрозны клятвам, да будет таковой за дерзость по священным правилам проклят" [3]). Таким образом, благословив царя, духовенство за это же грозило проклятьем простым смертным.

Во всей своей деятельности духовенство внимательно прислушивалось к воле царя, от которого оно находилось в полнейшей зависимости. В частности, патриархи, после осуждения Никона, были низведены на степень ничтожества. Во главе церкви царем ставились безразличные люди, способные только на услужение и угодничество. Этот процесс абсолютного приспособления духовенства к нуждам царизма окончательно завершился при Петре I.

О церковных реформах этого царя в некоторых кругах говорят как о своеобразной духовной революции, порвавшей со старым и создавшей нечто новое. Еще Достоевский указывал, что упадок церковной жизни есть результат Петровских реформ.

---

*) Акты архивной Экспедиции т. I.

На этой точки зрения стояли, да и по ныне кой кто стоит, в лагере так называемого „церковного обновления". В их глазах Петр, уничтожением патриаршества и созданием синода, превратил церковь в бюрократическое учреждение.

Соответствует ли это действительному историческому ходу вещей?

Нужно прямо сказать—реформы Петра I никакой революции и церковной области не совершили. Петр I только узаконил то, что существовало фактически, придав определенную форму тому процессу, который начался задолго до него. Больше того, Петр I не только не разрушал церковь, но был одним из ее могущественных охранителей, не взирая на свои выходки против духовенства. Мы нигде не найдем указаний на безрелигиозность Петра. Он верил в бога и любил церковную службу, сам пел на клиросе. Только погрязшее по самые уши в невежестве и преступлениях священство могло говорить о нем, как об антихристе.

„И еще не известно, что стало бы с „домом пречистыя девы", если бы реформы Петра на время не оздоровили быт и нравы духовенства.

Дело не в той, или иной терминологии, а в сущности исторических фактов. Мы уже видели, что духовенство чуть ли не с первых веков своего появления составляло часть царизма, как социально-политического строя, В ходе исторического развития этот строй пережил ряд процессов. От власти удельных князей к великому князю Московскому, от первого царя Ивана Грозного к императору Петру I.

Совершенно естественно, что церковь, часть этого строя, пережила ряд видоизменений. В течение Киевского периода нашей истории глава русской церкви—митрополит был совсем независим от светской власти князей. Роль митрополита была тогда очень велика. Как мы видели, татарское иго содействовало еще большему возвеличению власти, происшедшее при активнейшем участии духовенства. Поскольку церковь венчала царей, как „помазанников божьих", естественно, что они стали себя рассматривать, как главу той же церкви, назначая и увольняя иереев. Это привело к победе светского начала над духовным. Но исторический процесс не остановился на создании царской власти. Он неуклонно шел вперед. Развившиеся экономические силы государства нашли свое отражение в Петровских реформах, в создании императорской власти, которая пред'являла новые требования ко всем классам и в том числе и к духовенству. Но удовлетворить эти новые требования духовенство не могло, ибо оно находилось в состоянии полнейшего разложения.

Петр I, несомненно умный правитель, прекрасно знал и ценил ту роль, которую церковь играла в жизни монархии. Положение тогдашнего духовенства внушало страх за судьбу церкви,

а следовательно и самого царского трона. Вся церковная жизнь была переполнена злоупотреблениями и всевозможными мерзостями. Духовенство вело форменно грабительский образ жизни. Совершение обрядов являлось источником бесцеремонного обогащения. По свидетельству „Духовного регламента", „священники перед святым крестом и евангелием с бесстыдным нахальством старались домогаться чего либо у своих духовных детей и таинство употребляли в средство для достижения своих корыстных целей". Известный Екатериненский писатель кн. Щербатов, не любивший Петра, в своей книге „О повреждении нравов" вынужден был признать, что „чудеса—без нужды учиненные, явленные образы редко доказанные, но всюду прославляли, привлекали суеверное богомолие и делали доходы развратным священно-служителям".

Все это привело к необычайному усилению раскола и других сектантских учений. „Много российского народа, по свидетельству Посошкова, под влиянием такого положения дел в церкви, в погибельные ереси уклонилось".

Могущественная опора монархии—церковь стала разваливаться. С точки зрения Петра „то была явная опасность для государства. Поэтому упорядочение церковной жизни явилось для него крайней необходимостью. В своем манифесте о реформе церковного управления и упразднении патриаршества Петр прямо указал, что делает это в заботах о лучшем благоустройстве самой церкви. Это утверждение было несомненно истинным.

Деятельность Петра I не ограничивалось одними реформами в области церковного управления. Огнем и мечем, совершенно неслыханными казнями, беспримерными даже в кнуто-российских нравах мучительствами Петр боролся против всяческой ереси и отщепенства, за официальную православную церковь. В застенках преображенского приказа и тайных розыскных дел канцелярии, отрицавших авторитет церкви предавали жестоким пыткам и мучительным казням: еретиков жгли на медленном огне, а вольнодумцам вырывали языки. В 1701 г. за „плевательные и ложные письма" сожгли на костре Талицкого. Один фанатик во время богослужения „вывалил" из рук епископа образ и назвал почитание икон идолопоклонством. Его схватили и предали медленному сожжению: поставили на костер, дали в руки просмоленную палку и зажгли ее, палка сгорела, сгорела и рука. Пытка продолжалась 7—8 минут. Только потом зажгли костер *).

Если церковь лютыми казнями в течении веков обеспечивала свое господство, то Петр I в этом отношении был ее достойнейший сын, за великие злодейства свои над инаковерующими

*) Евреинов. История телесных наказаний.

вполне заслуживающий венец святости. Кем же надо быть, чтоб этого московского Торквемаду называть врагом церкви!

Все реформы Петра сводились лишь к одному—приспособить услужающую церковь к новым запросам только что созданной империи. Петр упразднил патриашество, т. е. единоличное управление церковью, заменив его синодом. Но было ли вообще патриаршество олицетворением власти церкви? Отнюдь нет. Патриархи всегда были креатурами царской власти, любимцами монархов и то лишь на известное время. Стоило патриарху не угодить царю и он лишался престола. Это было настолько обычным явлением, что ни в ком даже не возбуждало неудовольствия. Да и само духовенство еще задолго до Петра порой обращалось не к патриарху, а к царю за теми, или иными указаниями в области духовной жизни. Так, игумен Соловецкого монастыря, минуя главу церкви, ходатайствовал перед царем о запрещении монахам держать водку и царь, помимо патриарха, запретил монахам предаваться „пьянственному питанию".

Следует отметить, что власть патриархов при царях была значительно меньшей, нежели власть митрополитов при князьях. Происходило это отчасти потому, что митрополиты бывали греками, не подданными князей, с которыми порой находились в договорных отношениях, как равный с равными.

Упразднив патриаршество, Петр нисколько не затронул сущность церковного управления. Между тем невежественное духовенство, не бывшее в состоянии понять внутренний смысл петровских реформ, в части своей стало к нему в оппозицию. Известен случай, когда Устюжский арихиепископ Александр отлучил от церкви воеводу Кикина, выполнявшего указы Петра. Царевич Алексей, мечтавший об упразднении отцовских реформ, все свои надежды возлагал на попов.

Но в чем заключалась идеология этой оппозиции в рясах?

Приведем любопытное послание патриарха Адриана против брадобрития· „Неужели хотите вы, вопил патриарх, уподобиться скотом бессмысленным, или смешаться с еретиками, которые в такую глубину впали, что не только простые и благородные, но и монахи стригут бороду и усы и от того видятся подобно пификам или обезьянам. Взгляните на икону страшного суда, не видите ли одесную христа праведных, украшенных брадою, а ошую бесерменов, лютеров, поляков и других брадобритников с одними усами, подобно котам и псам. Вот куда ведет вас мнимая красота ваша. Брадобритие не только есть безобразие и безчестие, но и грех смертный. Проклято бо сие есть блудозрелищное неистоство от прежде бывших святейших патриархов, которым и мы согласуемся, то же установляя и подтверждая. Не принимайте же сего злодейского знамения, но гнушайтесь им, как некою мерзостию".

Эту же нелепую аргументацию мы встретим в выступлениях духовенства по поводу других реформ Петра. При этом надо оговориться, что в лагере оппозиции обреталось несомненное меньшинство священнослужителей. Из их среды и вышли участники стрелецкого бунта и заговора царевича Алексея. Естественно, что Петр не церемонился с этими клирошанами. Распопы Борис Леонтьев и Ефим Самсонов были казнены за участие в стрелецком мятеже, а протопоп Яков Игнатьев разделил эту же участь по делу Алексея.

Реформы Петра уничтожали последние остатки никоновщины, превратив церковь в составную часть нарождавшегося полицейского государства, приспособили ее к новым потребностям его. Это новое положение нашло свое блестящее выражение в указе об исповеди 1716 г. дважды повторенном в 1718 и 1722 г.

Еще в „Духовном регламенте" говорилось: „Ежели кто на исповеди духовному отцу своему некое зло и нераскаянное злоумышление на честь и здоровье государево, наипаче же на бунт и измену об'явит, то должен донести вскоре, о том, где надлежит в преображенский приказ, или тайную канцелярию. Ибо сим об'явлением не порокуется исповедь и духовник не преступает правил евангельских, но еще исполняет учение христа, „обличи брата, аще же не послушает, повеждь церкви". Когда уже так о братнем согрешении господь повелевает, то кольми паче о злодейственном на государя умышлении". На этом основании упомянутые указы предлагали священникам доносить все, что узнавали на исповеди. За ценные доносы попу была обещана награда, а за укрывательство—лишение сана и даже живота.

Отметим здесь, что предписания Синода в этом смысле сохраняли силу до революции 1917 г.

Находя в себе столько негодования в связи с брадобритием, духовенство не единым звуком не протестовало против превращения его в сыщиков и дозорщиков преображенского приказа. Оно, несомненно, ретиво выполняло свои новые обязанности.

Исторический процесс при Петре завершился. Царское самодержавие утвердилось в церкви, превратив ее в свою команду, обязанную служить верой и правдой. Начиная с XVII века монархия уже не знает никаких треволнений в этой области. Церковь мирно ужившись в лоне царизма, выполняет ответственную роль охранителя его основ и слуги каждого государя.

IV.

В истории русской монархии весь XVIII век прошел в бесчисленных дворцовых переворотах, цареубийствах. Трон стал форменной игрушкой в ловких руках всевозможных авантюристов, но чаще авантюристок. Любопытна роль во всем этом духовенства. Оно неизменно присягало на верность новому царю, или царице и столь же неизменно проклинало их по низвержении.

Уже после смерти Петра I, не успевшего назвать своего наследника, духовенство приняло деятельное участие в возведении на престол Екатерины I. Последующие цари, а главным образом царицы, совершая государственный переворот, низлагая своих противников, в лице духовенства всегда получали божественное оправдание и благословение. При этом духовенство ревностно преследовало одну цель—во что-бы то ни стало в хаосе дворцовых переворотов сохранить чистоту и неприкосновенность царского самодержавия, противодействовать всяким попыткам ограничить его.

Так было по вступлении на престол Анны Ивановны, герцогини Курляндской. Воспользовавшись слабостью власти аристократы—верховники заполучили от нее письменное обещание править страной с ними вместе. Узнав об этом, духовенство подняло жестокую кампанию, под влиянием которой царица разорвала свои письменные обещания. Во все время царствования Анны Ивановны духовенство не переставало превозносить ее. Но вот престол оказался захваченным, с помощью гвардейцев, Елизаветой. И то же духовенство воспевая новую царицу, всячески поносило Анну Ивановну. Когда после смерти Елизаветы на престол вступил Петр III, духовенство встретило его великим торжеством, для того чтобы через четыре месяца шельмовать как врага церкви, лишь только он был низвергнут и убит собственной женой Екатериной II.

Петр III был чужд православной церкви. Хотя он и принял православие, но продолжал оставаться лютеранином, ибо по происхождению он был Гольштинский принц. Далеко не отличаясь богатством ума, он, однако, отчетливо видел все преступления духовенства, приносившие великий вред государству. Поэтому им и был поставлен вопрос о конфискации церковных земель, идея, с которой упорно носился Петр I, не успевший сделать это за смертью. Реформа эта являлась логическим завершением переустройства церковной жизни и превращения духоховенства в „служилую команду“ царизма.

Это покушение на земельные богатства церкви и явились стимулом для участия духовенства в заговоре Екатерины II и убийстве Петра III. В своем первом манифесте необходимость переворота Екатерина II формулировала тем, что низложенный император „замыслил истребление церковных преданий“.

V.

Царствование Екатерины II началось под ликующий хор торжествовавшего духовенства. Отнятые Петром III земли были возвращены клиру. Но Екатерина прекрасно понимала, что такая крупная политическая сила, как духовенство, опиравшаяся на огромные земельные богатства, может стать небезопасной для верховной власти. В этом отношении судьба ее мужа была красочным к тому примером. В первое время по вступлении на престол, еще не чувствуя свое положение прочным, она всячески угождала влиятельному духовенству. Но как только она почувствовала свою силу, положение резко изменилось. При Екатерине произошла конфискация земельных богатств церкви. Для этого она предварительно заполнила Синод преданными иереями, абсолютно неспособными оказать сопротивление ее намерениям. И тем не менее этот, с точки зрения церковников, величайший акт несправедливости не отринул духовенство от Екатерины II. Причины этого явления следует искать во внутренних осложнениях монархии. До тех пор, пока царизм был крепок и никакая серьезная опасность ему не угрожала, высшее духовенство, руководившее всем клиром, не прочь было иногда пофрондировать во имя небесных прав господа бога и собственных земных имений.

Мы это видели при Алексее Михайловиче, при Петре I.

Но во время Екатерины II на фоне государственной жизни появились тревожные для царизма симптомы. Грандиозное крестьянское восстание, поднятое Пугачевым и шедшее под именем убитого Петра III, в действительности носило глубокий социально-политический характер и было целиком направлено против класса крепостников. Разразившаяся в это же время время великая французская революция, обрушилась всей своей яростью на головы не только королей, дворянства, но и нанесла смертельные удары священству. Все это имело несомненное влияние на русское духовенство. Его мыслящая часть совершенно правильно усмотрела в революционном движении своего злейшего, наиболее заклятого и непримиримого врага. Речь уже шла не о том, или ином покушении на те, или иные материальные права церкви, а о ее существовании, как таковой.

Великая французская революция отнюдь не ограничилась конфискацией церковных имуществ. Она поставила перед человечеством вопрос освобождении из под власти религиозных суеверий. Перед этой опасностью в смолкли все обиды церкви. Она охотно пожертвовала частью, чтобы сохранить целое. Перед лицом общего врага вековечный союз был еще раз освящен.

VI.

В итоге петровских реформ, завершенных в последующее время, управление церковными делами приняло обычную форму министерства. Во главе церкви был поставлен Синод из духовных иерархов, назначаемых верховной властью. Для удобства управления при Синоде был создан институт обер-прокуроров. Не будучи духовными, они должны были наблюдать за деятельностью членов Синода, являясь представителями царя.

Для характеристики нашего духовенства любопытно поведение членов Синода с первого момента их узаконения. В „Уставе Духовной Коллегии" Петр I приравнял синод к другим коллегиям, ведавшим разными отраслями государственной жизни. Но члены Синода на первом же заседании признали крайне несправедливым такое второстепенное положение. Они стали доказывать, что Синод, как приемник власти патриарха, должен стоять на ряду с высшим государственным учреждением—с Сенатом. Петр удовлетворил это желание, разрешив Синоду именоваться „правительствующим".

Этим духовные иерархи с самого начала как бы претендовали на соучастие в государственном управлении. Фактически же, кроме титула, синод ничего не получил, ибо даже в своей деятельности по управлению церковью, он был ограничен властью обер-прокуроров. Последние, отстаивая интересы государства, вынуждены были вести нескончаемую борьбу с отцами церкви. Привыкнув к абсолютному произволу в собственной жизни, духовенство никак не желало сносить контроль органов государства. Поэтому оно тщательно утаивало от государства свои денежные доходы, укрывало преступления членов клира и всячески сопротивлялось попыткам светских властей привлекать их к ответственности. На этой почве в продолжении всего 18 века происходила нескончаемая борьба между обер-прокурорами и членами синода. При этом иереи не брезгали никакими средствами для того, чтобы нанести удары тем обер-прокурорам, которые отказывались покрывать преступления клира.

Как сообщает обер-прокурор Шаховский—в 1744 г. „один архимандрит неподалеку от монастыря найден в бане в ближайщем подозрении с одною девкою и от неучтивых крестьян его взявших в весьма обезображенной одежде обще с тою девкою привезен был в святейший синод" *). На допросе, в присутствии Шаховского, архимандрит признался в своей вине. Но поскольку он был влиятельным пастырем, синод, в виду быстро распространившихся среди общества слухов о крупном скандале в духовном мире, решил во что бы то ни стало замять это дело. Для этого Шаховскому келейно было предложено прекратить дело. Но тот решительно отказался. Тогда члены синода подговорили

*) Записки кн. Я. Н. Шаховского.

арестованного архимандрита отречься от своих показаний и обвинить монастырских крестьян в извете и напрасном избиении. Тот так и сделал. Тогда Синод подал царице жалобу, говоря, что Шаховской без оснований обвинил достойного пастыря, огласив в обществе все дело. „Оным разглашением, писали св. отцы, теперь всенародное посмеяние всему их сану происходит, так что когда из оных кто по улице едет, то нарочно пальцами указывают и в слух говорят с поношением, почитая их быть такими же".

Просьба возымела свое действие на богомольную Елизавету: она приказала крестьян и „тую девку" жестоко наказать. Шаховскому же было об'явлено, „что за это жестоко наказывать должно, кто тайности из синода выносит". Но упорный Шаховский не унимался и доказал Елизавете, что крестьяне зря пострадали. Видя упорство обер-прокурора, члены синода прибегли к необычайному способу. Явившись в полном составе к Елизавете, они упали перед ней на колени и со слезами стали умолять освободить их от невыносимого обер-прокурора.

Случай с Шаховским был далеко не одинок. Ими пестрит вся история обер-прокуроров на протяжении восемнадцатого и отчасти следующего века. При этом, каково бы ни было преступление духовного лица, члены синода его неизменно защищали. Но воюя с обер-прокурарами, члены синода немедленно смирялись, как только на сцене появлялась высочайшая воля. Стоило лишь царю сообщить о своем несогласии с тем или иным синодским решением, как оно немедленно отменялось и заменялось тем, какое угодно было монарху.

Но эта мелочная оппозиция синодских иереев полностью исчезла в начале XIX века, когда обер-прокурором был назначен кн. Голицын, близкий лично Александру I человек. Зная его влияние при дворе, члены синода ни в чем ему не перечили. Со временем это привело к поглощению синодских прав обер-прокурором, ставшим фактически главноуправляющим в синодальном ведомстве. Обер-прокуроры стали министрами духовных дел, а само духовенство обыкновенными чиновниками, получавшими чины, ордера, мундиры, писавшие доносы и сами, порой находившиеся под неослабным жандармским надзором.

Появление синих мундиров в синоде произошло во время Николая I, при обер-прокуроре Нечаеве. В связи с докладом царю обер-прокурора о Нижегородском преосвященном Амвросии, Николай I приказал: „Перевесть; быв в Нижнем я сам заметил, что он не охотник исполнять волю начальства, его надо иметь под строгим надзором" *).

---

* Ф. Б. Благовидов, Обер-прокуроры синода.

На основании этой резолюции Нечаев просил шефа жандармов „учинить над Амвросием особый бдительный надзор местного жандармского начальства". Шеф жандармов охотно исполнил эту просьбу, распространив надзор на ряд других иереев. В сферу жандармского наблюдения попал даже такой столп монархии, как митрополит московский Филарет.

Вообще, к середине XIX века окончательно оформилось высшее церковное управление. Вся власть и духовном мире была сосредоточена в руках представителя светской власти, входившего на равных правах в кабинет министров.

Эпоха французской революции имела огромное влияние на судьбы нашего духовенства. Середина XVIII века известна своим вольномыслием. Учение Вольтера находило живые отклики не только в среде передовой интеллигенции. Вольтерьянцев можно было встретить при дворе, в рядах правящего дворянства. Сама Екатерина II переписывалась с Вольтером. В это время во главе синода стоял П. П. Чебышев, не скрывавший свой атеизм.

Но вот разразились раскаты революции, разметавшие привилегированные классы, упразднившие монархию королей. Вчерашние вольтерьянцы, потеря свои феодальные поместья, поняли свою ошибку. С игрой в атеизм было покончено решительно. Восторжествовавшая после низвержения Наполеона реакция на гребне своем вынесла духовенство, как надежнейшего стража монархизма.

На этот раз речь шла уже не об услугах царизму. Как составная часть монархии, духовенство повело яростную борьбу за нее, а следовательно и за свое существованне. Самый злой обскурантизм и ханжество стали доминировать во всем управлении государством. Малейшие поползновения вольномыслия беспощадно подавлялись. Вся культурная жизнь страны была отдана под начало духовенству. Это выразилось в слиянии обер-прокуратуры синода с министерством народного просвещения в лице одного князя Голицына, к этому времени ставшего отменным мракобесом. Все преподавание в школах носило сугубо-религиозный характер и сама школа превращена была в источник невежества и суеверия.

Запоздалое влияние великой французской революции сказалось в России в восстании декабристов. Уже в этом революционном движении проявились все признаки всякой освободительной борьбы-антирелигиозность. Верное своей преданности трону, духовенство сразу выступило против первой попытки русского народа освободиться от ига крепостничества. Когда восстание было задавлено орудийными выстрелами, с церковных амвонов на головы декабристов посыпались не только проклятия, но и потоки самой низкой клеветы. На следующий день после казни

декабристов церковь возблагодарила господа бога за умерщвление крамольников. С.-Петербургский митрополит Серафим „скача и пляша от избытка духовного веселия", об'явил Николая I „истинным христианином", а декабристов „извергами, исчадием ада, сынами дьявола".

В глазах народа, темного и невежественного, надо было скомпрометировать первую попытку освободительной борьбы, выставить декабристов врагами народа и его религии. Миссию эту духовенство выполняло особо охотно. В выстрелах на сенатской площади в декабре 1825 г. оно, несомненно, услышало и роковое для себя предостережение.

То же самое повторилось и при первых раскатах революции 1948 г. в Европе. Хотя революционное движение не коснулось пределов России и русскому царю никакая опасность не угрожала, Николай I из одной только ненависти к освободительной борьбе народов бросил свои войска на усмирение восставших. Эта роль международного полицейского была расценена духовенством, как мудрость, внушенная царю самим богом. „Приветствуем тебя, богом венчанный и помазанный государь, говорил митрополит Филарет. Бог благословил твою ревность о защите законности. Мечта самодельного народодержавия, взволновавшая многие народы, многих царей приведшая в недоумение, некоторых поколебавшая, некоторых даже низринувшая, обличена державной властью сущего от бога и возвращается от неудачной действительности в область мечтаний".

VIII.

По мере роста и развития революционного движения в России церковный амвон все больше и больше превращался в кафедру для политических проповедей. Но здесь следует отметить, что вся эта реакционная деятельность духовенства носила академический характер. Она еще не облеклась в форму активного политического действия. Священники в церквах произносили проповеди против революционеров и социалистов, всячески понося их в глазах народа. Ему внушали мысль, что социалисты—это антихристово племя, исчадие ада, посланное на русскую землю для его порабошения. Во всех этих проповедях доминировали две темы—божественность царской власти, пекущейся о нуждах народа и погибельность учения социалистов. При этом случалось, что из уст духовенства в глухих углах люди впервые узнавали о существовании таинственных социалистов. Так было в эпоху „Земли и Воли„, „Народной Воли", в начальном периоде массового рабочего движения.

К этому времени всякое разномыслие в среде духовенства исчезло начисто. В новейшем периоде своего существования

оно не знало никаких разногласий с светской властью, ни по каким вопросам. Взаимоотношения царизма и духовенства не подвергались никаким колебаниям. Не из одних религиозных побуждений, а из сознания своих классовых интересов, духовенство делало верность трону центром своего служения. В таком состоянии оно пребывало весь XIX век. Начало следующего века положило конец этой, если так можно выразиться, мирной деятельности духовенства.

Революционное движение, потерпев поражение под народническим знаменем, возродилось как могущественный фактор с началом массового рабочего движения. Из области мечтаний оно стало реальным фактом, живой угрозой царизму и всему тому, что с ним было связано,

Естественно, что в этих условиях ограничиться одной только проповедью против революции было не совсем безопасно. Интересы класса властно требовали активной борьбы против надвигавшейся революционной бури.

На этот социальный зов духовенство откликнулось с огромным под'емом и единодушием. Оно целиком и полностью очутилось в контр-революционном лагере, выполняя там ответственнейшие задачи. Мирные проповедники „слова божия", не переменив рясы на мундиры, превратились в активных политических бойцов с совершенно ясной и оформленной программой. Борьба велась не только ради спасения царизма, как формы правления. Духовенство было дальновидней многих либеральных монархистов. Оно понимало, что в условиях русской действительности монархия без его социальной основы—дворянского землевладения—неминуемо захиреет. Поэтому оно отстаивало самым яростным образом не только свое достояние, но и помещичьи имения.

Если в революции 1905 г. искать вполне законченный тип контр-революционера, его можно найти прежде всего в среде духовенства.

Там не было колебаний в вопросах программных, несмотря на весь религиозно-мистический туман, заполнявший писания церковных публицистов. Отчетливо поставив перед собой задачу служения царизму, духовенство выполняло ее полностью, не взирая на ненависть народных масс, идя против них.

II. Духовенство и землевладение.

I.

Образование земельной собственности духовенства происходило постепенно в течение ряда столетий. Оно началось почти одновременно с введением христианства в древней Руси, задолго до нашествия монголов. Во время владычества „Золотой Орды" оно сделало огромные успехи. Падение татарского ига не только не остановило процесса обогащения духовенства, но увеличило даже его, несмотря на препятствия, которые правительства оказались вынужденными чинить этому процессу, начиная с середины XVI века.

Уже в конце XI века духовенство владело как населенными, так не заселенными землями. По учению церкви ее имущество имело характер неподвижности, т. е. оно не могло очуждаться, как посвященное самому богу. Горе было тому правителю, который посягал на это „божье достояние". В древних церковных сказаниях мы находим множество „чудесных" казней, которые в том или ином виде обрушивались на головы обижавших церковь, отнимая у нее земли. Так „сербский чудотворец Стефан карал князей, поднимавших руку на церковную собственность. Один из них, задумавший взять имущество, где покоились остатки Стефана, наказан был следующим образом: однажды, когда он ехал в монастырь верхом на коне, является ему чудотворец Стефан, сбрасывает его с коня на землю и вонзает ему в гортань два великих гвоздя, проходящие до грудей. На вопросы людей, прибежавших к нему на помощь он велел позвать кузнеца, чтобы вынуть у него гвозди из гортани. И таковым злолютством, заканчивается сказание, окаянную душу свою изверже". *).

Велика и безгранична была власть суеверий в древние времена. Церковь прекрасно это использовала, чтоб укрепить свое материальное могущество. Главнейшим рычагом в деле собирания для церкви земель явилась вера в загробную жизнь. Для того, чтобы не прогневить господа бога и поэтому случаю не угодить в ад, требовалось заступничество духовенства. Но даром, конечно, оно не склонно было хлопотать за того, или иного, много нагрешившего помещика—князя или боярина.

---

*) А. Павлов. Секуляризация церковных земель.

Приходилось дорого оплачивать эту услугу, жертвуя в пользу церкви толику своих земельных богатств. Это было тем более необходимо, что молитва за усопшего не ограничивалась каким либо определенным временем, а должна была совершаться в течение длительного периода.

Поэтому церковная практика выработала целую расценку этих молитв.

Так из „Обиходника Иосифова монастыря" мы узнаем детали этой торговли: „Кто похочет себе учинити вечную память, говорится в нем, и родителем своем, всему роду своему и корму на братии бытии на всяк год доколе и монастырь пречистые стоит даст 100 рублев, или 200, или 300 или 400, или 500, или село, или деревень против того ценою. И за 100 рублев написати его в повседневной список и в сенаники вечные книги, да и род его в сенаник напишут в книгу, да на всяк год учинят по нем на братию корм и в кормовые книги и в список напишут. А кто даст 200 рублев и за то учинят два корма, а кто 300 ино три кормы большие и три души имян их в повседневном списке. А кто даст 500 рублев и того написати в повседневный список и в сенницы до века".

Так как в среде тогдашнего привилегированного класса не было ни одного человека, который не нуждался бы в замаливании своих грехов, не страшился бы мук ада, то щедроты в отношении церкви принимали колоссальные размеры. Она богатела и тогда, когда страна находилась в мире и тогда, когда народ истреблялся в бесконечных войнах. Дальновидные духовные помещики, получая от князей и бояр вотчины в жалованных или дарственных грамотах всегда добивались проклятий по адресу тех, кто вздумал бы отнять эти „милости". Делалось это чаще всего в отношении семей жертвователей, дабы они не вздумали оспаривать правильность завещаний.

Как увидим в дальнейшем, рост церковного землевладения далеко не происходил только за счет дарений и пожалований. В распоряжении духовенства было еще много способов обогощения. К ним относится прежде всего купля земель. Она стала практиковаться церковью чуть ли не с момента своего возникновения на Руси, несомненно под влиянием все тех же греков. При этом следует отметить, что уже тогда вместе с землевладением духовенство обзаводилось крепостными рабами.

Так из Никоновой летописи видно, что „в 1068 г. епископ Новгородский Стефан пойде до Киеву и тамо свои его холопи удавиша".

Новгородский Антониев монастырь владел рабами и землей, купленной его основателем Антонием Римлянином в 1147 г. у Новгородских посадских людей. При этом церковь владела не только поместьями и селами, но даже целыми городами. Так,

в Лаврентьевской летописи под 1239 г. говорится о городе Гороховце, как о собственности Владимирской церкви. При этом обширные земельные богатства уже тогда составляли достояние не только самой церкви, но и лично владык. В той же летописи под 1229 г. сообщается, что „Кирил, епископ Ростовский был весьма богат и кунами и селами и всем товаром".

Богомольные князья, обыкновенно, жаловали церкви земли вместе с населявшими их крестьянами. Этим самым последние попадали в кабалу к духовенству, что вызывало с их стороны ропот и волнения. Порой приходилось князьям силой водворять монастыри в их новые владения. Часто духовенство просто занимало пустовавший участок земли, основывало монастырь и уж затем получало от князей жалованную грамоту на эти земли и за одно на окрестных крестьян. Зная это, крестьяне гнали от себя монахов-основателей, справедливо полагая, что пришельцы впоследствии закрепят их. Но опираясь на светскую власть, монахи приводили крестьян к послушанию и в конечном итоге становились хозяевами. В житии Антония Сийского, между прочим, сообщается, что „когда прибыли в обитель святого посланник от самодержавного государя Ивана Васильевич для устроения царской милости в потребу братия, то жители окрестных сел, не желая покориться монастырю, подняли сильный ропот на святого и стали осыпать его хулами и ругательствами".

Со времени монгольского нашествия земельные богатства церкви во много раз возросли. Владычество татарских ханов явилось для православного духовенства сущим кладом, неисчерпаемым источником материальных благ. Татары всячески покровительствовали церковному землевладению, порой вопреки даже собственным фискальным интересам, наделяя его множеством привилегий. Все дальнейшее земельное могущество православного духовенства выросло под крылом мусульманских ханов, достойно ценивших службу клира властям предержащим.

В ханских ярлыках православным митрополитам земельные и крепостные права церкви тщательно оговаривались и закреплялись. Так в уже упомянутом ярлыке хана Менту Темира от 1279 г. на имя митрополита Кирилла сказано: „Церковные земли, воды, огороды, виноградy, мельницы, зимовища, летовища—да не замают их, а что будет взято и они отдадут без посульно, а что церковные люди: мастера, скотницы, пардусницы (звероловы) или которые слуги и работницы и кто ни будет их людей тех да не замают ни на что, ни на работу, ни на сторожу" *). Под страхом смерти запрещалось монгольским чиновникам отнимать у церкви ее достояние. В некоторых ярлыках смертная казнь фигурировала за обложение церковного имущества.

*) Е. Голубинский. История русской церкви.

Всеобщие переписи, совершавшиеся татарскими чиновниками не касались церковного имущества. В 1255 г. „приехаша чиленицы из татар, сообщает летопись, и сочтоша всю землю Русскую и поставиша десятинкы и сотникы и тысящникы, только не чтоша игуменов, попов и чернецов и кто служит святым церквам“ *).

Об этом же мы находим и в другом документе, относящемся к 1257 г. „Тое же зимы приехаша численицы из татар и изочташа всю землю Суздальскую и Муровскую и поставиша десятники и сотники и тысящники и темники и вся урядивша возвратившася во орду, точию ничтожа архимандритов и игуменов и иноков и попов и дяконов и крылошан и всего причета церковного кто зрит на господа бога и на пречистую богородицу и водворяется в дому господни и служит божиим церквам“ **).

Во время татарского нашествия все сословия бедствовали под игом ханов и их многочисленных чиновников. Только один класс преуспевал, только одно угодничавшее духовенство пользовалось спокойствием, безопасностью и благосостоянием. Татарские баскаки не врывались в монастыри и вопли истязуемых не раздавались под церковными сводами. Естественно, что это приводило к тому, что состоятельные люди, далеко не из одной только набожности, укрывались в монастыри, отдавая им свое состояние, главным образом, в виде ценностей и земельных владений. Тем более, что „подвижничество увенчалось не только славою, но и целостью достояния“ ***).

Если принять во внимание размеры тогдашнего разорения, то нам станет понятно, сколь велики были богатства, доставшиеся церкви в итоге именно этого разорения. При этом следует отметить, что в ханских ярлыках мысль о неприкосновенности церковных земель выражена даже с большей силой, нежели в грамотах русских князей аналогичного содержания. Вот почему впоследствии, когда церковной земельной собственности угрожала опасность, духовенство имело обыкновение ссылаться на ханские ярлыки и ставить их перед русскими царями как образец, которому надлежит подражать. Так митрополит Макарий, ссылаясь на ярлык хана Узбека митрополиту Петру, писал Ивану Грозному: „Кольми паче тебе подобает благочестивый и боговенчанный царь свою царскую веру к богу показати и велие тщание ко всем божим церквам и монастырям не токма недвижимая взимати, но и самому ти подобает давати“.

Падение татарского ига для церковного землевладения не имело никаких последствий. Оно продолжало свой неутомимый

---

*) Софийский. Времянник ч. I 1820.
**) Русская летопись по Никонову списку, ч. III. 1786.
***) Л. Сахаров. Историческое описание Спасо-Ефимиева монастыря.

рост, являясь крупнейшим фактором в общеполитической жизни страны. Митрополиты Московские, в качестве главы церкви, систематически увеличивали свои земельные богатства путем покупок. Приобретались не только села и деревни, но и посады, а то и целые города.

Но помимо легальных, существовал еще целый ряд нелегальных возможностей для увеличения земельных богатств церкви, особенно развившихся после об'единения Руси вокруг Московского царства. Вопреки канонам духовенство в широких размерах практиковало дачу денег на проценты. При этом обеспечением служило, обыкновенно, недвижимое имущество. Получавший у монастыря деньги давал ему земельную кабалу или закладную.

Оцерация эта с XV века приняла широкие размеры и бывали даже случаи, когда к монастырям обращались цари в затруднительные моменты. Если должник к сроку оказывался не в состоянии уплатить долг, закладная превращалась в купчую и земля переходила к монастырю. Таким путем к монастырям перешло огромное количество земель. Хотя с 1581 г. законодательство решительно запретило подобные сделки, они еще долго продолжали иметь место.

К нелегальным же методам можно отнести, наконец, и простой захват земельных пространств. В незаселенных местах монастыри просто захватывали землю, а затем закрепляли ее за собой, на основании давности, срок каковой первоначально даже не был определен. Когда эти захваты приняли обширные размеры, в Судебнике Ивана III был поставлен шестилетний срок для отыскания казенных земель, трехлетний для частновладельческих. В 1551 г. правительство оказалось вынужденным отобрать у духовенства и возвратить настоящим владельцам все земли, которые насильственно были захвачены епископами и монастырями.

Подобные меры не раз приходилось повторять и впоследствии. Вся эта необычайная жадность привела к тому, что по словам Адама Климента, путешествовавшего по России в 1553 г., земельные богатства духовенства составляли одну треть государства. Даже преуменьшенные данные Котошихина говорят, что во времена Алексея Михайловича во владении патриарха, четырех митрополитов, десяти архиепископов, одного епископа и монастырей находилось 118.000 дворов.

Можно даже предполагать, что земельные богатства духовенства превосходили помещичьи. Легко себе представить, как должна была смотреть на это разорявшаяся знать.

И действительно, мы видим, какою великою ненавистью в отношении монахов переполнены писания боярских публицистов той эпохи. „Это духовенство, говорит Ключевский, было в глазах бояр черным пятном на русской жизни... Монах—это раболепный ласкатель и потаковник властей, исполненный преборства и гордыни

нисшими, расхититель и наставник расхитителей, тунеядец, питающийся мирскими крестьянскими слезами, шатающийся по городам, чтобы бесстыдно выманивать у вельможи село, или деревнишку, жестокосердный притеснитель своей братии крестьян, бросающийся на них диким зверем, сребролюбец ненасытный жидовин-ростовщик, лихоимец и прасол, пьяница и чревоугодник".

Не менее яркую картину из области духовного земельного умножения дает историк XVIII века И. Болтин. Говоря о стяжании духовенства, он указывает, что „Успели они в намерении своем больше, нежели по простоте их чаять было можно. Какие средства к тому они употреляли? Самые простые и свойственные тогдашнему веку. Уверили они народ—1-ое, что все то, что дает кто в монастырь возвращено будет тому на том свете сторицею, 2-ое, что восприятием при смерти монашества очистятся все грехи в течение жизни содеянные, а сих двух удостоверений и довольно было к тому, чтоб заставить течь богатства в обители ходящих в рубищах и трудами своих рук питающихся. Каждый уделял часть от имения своего в монастырь, желая получить за то во сто раз больше. Старики обилующие имениями и грехами, но скудные разумом и добродетелями в надеянии живота бессмертного и сокровищ нетленных и вечных, надевали на себя при смерти черную рясу, а имение свое тленное и временное отказывали в монастыри, и лишая сродников своих принадлежащего им наследства, обогащали возложивших на себя обет жить в бедности, в нарушении порядка чувствий и понятия о вещах. Таковыми средствами обогатили монахи монастыри, сиречь себя и оставили приемникам своим великие имения и доходы. Не упоминаю я о тех грубых подлогах, коими плуты, ханжи и лицемеры, имоверную чернь обманывая богатились, несколько веков пользовались всеми благами мира отрекшиеся от мира и всего яже в мире на счет суеверия, невежества и пустосвятства".

В другом месте И. Болтин снова возвращается к этой же теме: „Всякий умирающий должен был необходимо отказать некоторую часть имения своего церкви, но не меньше десятой, во свидетельство своего православия, в противном случае лишаем был напутствия и погребения и считался наравне с самоубийцею. Попы и монахи, входя в дом богатый под видом духовного наставления, умели хитростию своею в их имении делать себя участниками на счет их детей и наследников. Попы и служители церковные привязывались к богатым под разными видами, а чаще якобы проведали, что они имели сообщение с находящимися под запрещением, каковых повсюду премножество было и налагали на них денежные пени по своему благосмотрению, понеже всякое сообщение с отмеченными называются смертным грехом. Всякий еретик признавался за шельмованного

и дети его не могли наследовати его имения. Имея столько средств не трудно было попам делать виноватым кого хотели, а опровергать себя не было другого способа, как слепо повиноваться их повелениям, то есть или дать себя высечь, или отдать часть своего имения под видом добровольного вкладу в церковь, или в монастырь" *).

Духовенство в качестве поместных владельцев не могло не вести и соответствующий образ жизни. Оно занималось в обширных размерах не только ростовщичеством, но и торговлей. Торговали монахи, главным образом, продуктами сельского хозяйства. Еще англичанин Коненс указывал что „монахи торгуют солодом, хмелем, всякого рода хлебом, лошадьми, рогатым скотом и всем, что приносит им выгоды".

В подорожной своему слуге митрополит Филипп писал, обращаясь к духовенству и светским властям: „Послал есмь сынове, своего слугу с добром пречистые богородицы торговати цы бы што приюыло церкви божией в подможении".

Виднейшую статью в коммерческих предприятиях духовенства составляло винокурение. При этом сверх разрешавшегося правительством количества кабаков, духовенство открывало еще нелегальные шинки, где шла оживленная торговля водкой. Так в Киевской епархии было у Михайловского монастыря 3 нелегальных кабака, у Выдубицкого 2, у Киево-Софийского 7.

Коммерческие дела духовенства отнюдь не носили мелкий характер.

„Поземельные акты, говорит Ключевский, больших монастырей XVI века, открывают нам, какие широкие землевладельческие операции совершали иноки посредством вкладов, закладов, покупок, льгот, своза крестьян у других землевладельцев и т. п. Они завели, или деятельно поддерживали на тогдашнем земельном рынке настоящую игру в крестьян и в землю, благодаря которой населенные имения переходили из рук в руки чуть не с быстротой ценных бумаг на нынешней бирже".

В погоне за мирским богатством церковные власти не останавливались перед прямым насилием. „В Киевской епархии в XVIII веке сами монастыри отнимали друг от друга земли. Развивается сутяжничество, достигшее в XVIII веке таких размеров, что издержки на тяжбы были одной из видных причин упадка некоторых монастырей киевской епархии. Гамалеевский монастырь в половине XVIII века одновременно ведет до 100 тяжебных дел. Архимандрит, переведенный в другой монастырь, предпринимает дело против того монастыря, который только что покинул. Тяжбы сменялись подчас вооруженными столкно-

*) Иван Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России т. Леклера. 1788.

вениями. В половине XVIII века экономы рязанского архиерейского дома и рязанского же Богословского монастыря для решения спора о земле собрали целые армии, вооружили их рогатинами, ружьями, дрекольем и стали драться, несмотря на то, что для разбора дела был прислан майор Рагозин и межевщик". „Полководцы" отдали подчиненным приказ бить противников до смерти" *).

Как известно духовенство с исключительной ожесточенностью отстаивало принцип неотчуждаемости „божьего добра". Эта теория неотчуждаемости окончательно сложилась в XV веке. В полном своем об'еме эта теория изложена в послании к Ивану III собора 1503 г. Впоследствии церковные соборы 1551, 1581 и 1584 г.г. подтвердили этот взгляд на церковное имущество, как на неподвижное. Но уже в XVII и XVIII веке мы видим как в интересах спекуляции духовенство не только покупало, но и продавало церковные имения. Монастыри выступали соперниками боярства в области земдевладения и „успешно оспаривали у него самый насущный его интерес, землю с рабочими крестьянскими руками". Поскольку церковные имения почти не облагались, их доходность была выше. Монахи могли предлагать крепостным сманивать крестьян. Но это, конечно, не значит, что под сенью монастырского кнута крестьянам-крепостным жилось лучше вообще, нежели у помещиков.

Монастырские и церковные крестьяне были такие же крепостные, как и подданные дворян. Монастыри и церкви имели на своих крепостных „послушные грамоты", обязывавшие крестьян повиноваться и беспрекословно исполнять волю владельцев. Как все крепостные они должны были работать на своих господ, святых отцов. А те памятуя, что крепостные относятся к разряду людей, лишенных всяких человеческих прав, проделывали над ними всевозможные злодейства. Это было для духовенства тем легче, что жестокость вообще органически была связана с учением греко-православной церкви. Крепостных монастырей и церквей подвергали тем же пыткам и мукам, что и их братьев в застенках дворян-феодалов.

Красочно об этом поветствуют материалы монастырских архивов.

Так Л. Сахаров в уже упомянутой книге о Спасо-Ефимиевском монастыре, описывая „вещи", вышедшие из употребления говорит: „Тут же видим орудия истязания, какому подвергаемы были люди в давнее время—цепи и наручные кандалы: одна из цепей длиною менее двух аршин и весом до двух пудов заканчивается с одной стороны зубчатым ершовым клином, вбивавшимся в стену, а с другой околошейным железным охва-

*) Д. А. Жариков. Крестьяне церковных вотчин.

том с петлями, в которые продевался замок, вероятно пропорциональный с цепью величины и тяжести. Остальные цепи подлиннее и полегче этой. При взгляде на сии, не очень привлекательные, но за то живоречивые препараты старины, невольно рождается вопрос: чьи выи обременяемы были таким ярмом? Пленников ли Лисовского, ссылаемых арестантов-колодников или крепостных людей монастырских? Судьба крепостных людей монастырских под управлением приказа ссудных дел едва ли не была сопричастна сим истязаниям". Это предположение полностью подтверждается автором справками из „реестра о колодниках колико оных Спасо-Ефимиева монастыря в приказе монастырских дел в содержании имелось".

Современному читателю вообще не будет понятно такое наказание, как сажание на цепь. Приходится указать, что истязание это заключалось в том, что человек не мог не только ходить, но даже лежать. Околошейник двухпудовой цепи внутри был зубчатый. Если бы прикованный вздумал бы лечь—зубья впились бы ему в шею.

Все это делалось в монастырских застенках.

Но не мало было преступлений и помимо их. Крестьяне Николаевского Амвросиева монастыря жаловались что их архимандрит „завсегда мужский пол на цепи сажает, мучит и плетьми бьет безвинно". В имениях Новоспасского монастыря, управитель вымогая взятки, по словам крестьян „держит их в цепи и железах недель по пяти и больше и держав бьет плетьми, палками, пинками, смертными побоями и бросив в тюрьму мучит голодною и студеною смертью, бив паки и уграживает предками и хваляся разглашает, что в вотчину затем и с'ехал: разорить всех до конца и искоренить". Крестьяне Саввино-Старожевского монастыря писали, что архимандрит заставив их ломать камень зимой, безчеловечно бьет их палками, чтоб принудить их к работе. Архимандрит Тюменского Троицкого монастыря Софроний обложил крестьян тяжелыми поборами: все начиная с 15 летних должны были работать. Кто же оказывался не в состоянии выполнять эту каторгу, тех, по словам крестьян „Софроний повелевает всякими муками мучить, немилостиво плетьми бил, в студеные чуланы сажал, отчего пришли наши братья крестьяне почти многие в отчаяние, что своих жен и домов лишилися и многих крестьян бил плетьми немилостиво давал ударов ста по три и пяти сот" *).

В 1734 г. архимандрит Лужецкого монастыря Дионисий бил за какую то вину плетьми крестьянина Ивана Матвеева „от которых его побой оный крестьянин умре". Этот же Дионисий в 1730 г. дворника Якова Никитина за то, что тот под-

*) В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II.

косил осиновые подростки „взял кол и прибил до смерти, о чем ведомо было того монастыря всей братии". Архимандрит Волоколамского монастыря „отнимал у крестьян хлеб, скот, морил их голодом, забивал до смерти, томил в заключении. От голода 13 человек умерло, 24 разбеглось" *). От монастырских владык не отставало и соборное духовенство. Так Муромский протопоп с братиею „чинит крестьянам разорение и смертные побои... Поймав на плотах крестьянина Никиту Данилова бил батожьем смертию".

При усмирении крестьян Чернева монастыря в 1762 г., капитан Хрущев арестовал 96 человек, заклепал их в колодки, морил голодом. Затем он вывел арестованных из церкви и об'явил им, что „прислан по именному указу их крестьян разорить и огнем пожечь и потом всех сек плетьми, положа в ряд человек по 15 и 20, без всякого резона и от тех его побой многих на том месте водой отливали, а другие померли, а прочие в постели лежат".

На все эти преступления „крещеная собственность" духовенства отвечала жалобами, беспрерывными волнениями и бунтами, усмирять которые приходилось светскому правительству силой оружия. Обыкновенно крестьяне выбирали челобитчиков, которые приносили жалобы на своих притеснителей высшему церковному начальству. Но редко они достигали цели. Как только духовные истязатели узнавали об отбытии этих ходоков, их немедленно об'являли беглецами, ловили и нещадно были плетьми „за побег". И даже в том случае, если жалобы достигали до высших иерархов, они все равно не имели никакого влияния на судьбу крепостных. И архиреи и синод всегда покрывали преступления своих подчиненных. Об этом красноречиво свидетельствует указ Петра III от 26 марта 1762 г. „о соблюдении правосудия".

„Уже с давнего времени, к нашему неудовольствию, говорится в нем, а к общему соблазну примечено, что приходящие в синод на своих властей или епархиальных архиереев челобитчики по долговременной сперва здесь волоките, наконец, обыкновенно без всякого решения к тем же архиреям отсылаются на рассмотрение, на которых была жалоба и потому в синоде... делается одна токмо потачка епархиальным начальникам так, что в сем пункте синод походит больше на опекуна знатного духовенства, нежели на строгого наблюдателя истины и защитника бедных и неповинных. Нашим императорским словом через сие об'являя, что малейшее нарушение истины накажется, как злейшее государственное преступление, а сей указ не токмо для всенародного известия напечатать, но в синоде к

*) Д. И. Жариков. Крестьяне церковных вотчин.

настольным указам присовокупить". Иерархи не только не выполнили этот указ, но уничтожили самый след его существования, не поместив его даже в собрании законов, для чего они воспользовались гибелью Петра III. Опубликован был этот указ сто лет спустя в „Русской Старине".

Не находя правды по своим жалобам, крепостные духовенства прибегали к последним средствам, к бунтам или к побегам. Так еще в писцовой книге 1629 г. значится, что население вотчин Карачаевского монастыря бежало от „городских податей и от татарской войны и от игумена Варсонофия.

Все эти побеги и волнения усиливаясь в XVII, особо развились в XVIII веке, в связи с усилением эксплоатации крестьян. В вотчинах Новоспасского монастыря волнения крепостных длились с 1763 по 1761 г. Против крестьян была послана военная команда, но она была захвачена в плен. При этом крестьяне заявляли, что пора „не только монастырских властей, но и всех бояр перевести, чтоб их на свете не было". Усмирить крестьян удалось лишь после того, как были присланы значительные воинские силы с орудием. При этом солдаты не раз действовали оружием. В селе Спасском было убито 19 человек. Военные команды расставленные по дворам „насиловали не только крестьянских женщин и девушек, но даже малолетних (был случай изнасилования десятилетней девочки), после чего многие выкинули мертвых младенцев, а одной девушке, сопротивлявшейся насилию, отрубили пальцы на ногах".

Особо многочисленные волнения в монастырских экономиях происходили во времена Екатерины II. На почве усмирения бунтовавших произошел любопытный инциндент между военной властью и коллегией экономии, в ведении которой находились церковные имения. В октябре 1763 г. коллегия экономии пожаловалась сенату на медлительность усмирения все увеличивавшихся крестьянских волнений. Раздраженный этой жалобой, „генерал фельдмаршал Салтыков написал в военную коллегию, что по требованию коллегии экономии приходится почти ежедневно посылать разные военные команды для усмирения монастырских крестьян, а это крайне неудобно". И военная коллегия просила: „нет ли таких средств, чтобы и без воинских команд оных усмирять и в послушании приводить было можно". Но таких средств не было.

При одном только восшествии на престол Екатерины II пришлось приводить в повиновение крепостных в пяти архиерейских домах и 23 монастырях.

В качестве крепостников, владельцев огромных богатств, духовенство вело и образ жизни, соответствовавший этому положению. Монахи усвоили все мерзости, творившиеся в имениях дворян. То же обширное количество слуг, те же гаремы и без-

граничное насилие над личностью крепостных. „В вотчине Муромского собора, жаловались крестьяне, один священник с согласия протопопа, имея законную жену, наглостью своею брал из деревень девок и жен молодых держит у себя недели по две и по месяцу и с ними прелюбодействует". Этими жалобами полны описания жизни крестьян в церковных вотчинах.

Весело и привольно зато жилось монахам.

И. М. Снегирев в своих записках *), рисует любопытную картину из жизни знаменитой Троицкой Лавры, владевшей 100.000 крепостных. „Архимандрит Гедеон любил роскошь. Тогда по принятому обычаю соборные старцы и настоятели носили бархатные и шелковые рясы, исподнее платье с шлифными пряжками из сердара и золота, обувались в шелковые чулки. У Гедеона были пряжки на башмаках бриллиантовые, как гласило предание в 10.000 руб. Владея вотчинами, Троицкая лавра изобиловала всеми благами. Она славилась своими медами, пивами и квасами, виноградные вина выпивались бочками, рыба свозилась от ея рыбных ловлей на реках. Перед всенощной в южный и северный алтари приносились ведра с пивом, медом и квасом для подкрепления клиросных, так что „правый клирос поет, а левый в алтаре пиво пьет". За всенощною в алтаре, после благословения хлебов, подавали служащим в чашах красное вино, так что они выходили на величание, что называлось „на хвалитех".

Торжественно забавным бывал поезд архимандрита на Корбуху в баню. Он ехал шестернею в карете, впереди его верхом дьякон с посохом, позади телега с разными припасами, пол в бане устилался благовонными травами и цветами. На каменку подавали венгерским вином, которым окачивался высокопреподобный.

В Лавре каждому монаху ежедневно отпускалась бутылка хорошего кагору, штоф пенного вина, по кунгану меда, пива и квасу".

К этому надо только добавить, что Троицкая Лавра вовсе не была исключением. Тоже было всюду, где только представлялась возможность.

II.

Первоначально земли духовенства находились в ведении и юрисдикции государства. Наравне со всеми землевладельцами оно платило подати и налоги, поставляло известное количество рекрутов из крепостных. Но уже со времени татар это положение изменилось. Духовное землевладение вышло из сферы влияния светской власти. Царские чиновники не имели права в'езжать в архиерейские имения. Для управления своими обширны-

*) „Русский архив". 1866 г.

ми владениями архиереи создали собственное чиновничество. Располагая всей полнотой власти над многочисленными крепостными, высшее духовенство фактически выродилось в настоящих князей-феодалов. При устройстве своих дворов иерархии во всем подражали светским князьям, внешне целиком копируя их образ жизни. Высшеее духовенство имело собственные полки, которые являлись на войну наравне с княжескими войсками. У митрополита был особый воевода. Полк Новгородского владыки составлял особую единицу в ряду Новгородских войск.

Двор патриарха ничем не отличался от двора владетельного князя. У него были собственные бояре, дворяне, которые сопровождали его при всех выходах в качестве светского окружения.

По мере усиления царской власти духовный феодализм все более и более являлся помехой для ее могущества. При этом цари не могли не сознавать двойственности этого положения. С одной стороны духовенство было могущественной опорой их трона, а с другой, благодаря своим колоссальным богатствам и влиянию—умаляло их власть. Отсюда двойственность в поведении царей в отношении духовенства. Одной рукой они делали попытки ограничить или даже уничтожить это имущество, а с другой сами же укрепляли ее земельными пожалованиями. При этом светская власть, хотя в жалованных грамотах и проклинала тех, кто вздумал бы отнять у церкви ее добро, тем не менее не могла стоять на точке зрения абсолютной неотчуждаемости земельных владений духовенства.

Конфискация этих имуществ имела место чуть ли не одновременно с их возникновением. Так в 1175 г. Владимирские князья Ярополк и Мстислав Ростиславичи отняли у тамошней епископской церкви села и слободы, пожалованные ею Андреем Боголюбским. В 1224 г. Смоленский епископ Лазарь оставил даже кафедру „за много обидения святых церквей иже обидят властели, отнимающие имения и злая без правды творяще". *)

До тех пор, пока Русью управляли татары, духовенство было спокойно за свое имущество, Но с уничтожением татарского ига и возвеличением русских царей, вопрос о церковных имуществах стал государственной проблемой, Не только царская власть, но и светское землевладение в церковных имуществах видело своего непримиримого врага. Особо страдали помещики от обычая завещания имений монастырям. Огромные владения церкви стояли поперек дороги государственного фиска. Церковные земли по их прямому назначению должны были служить делу благотворительности. В действительности же, монастырствующие феодалы превратились в паразитствовавший класс, не приносивший ни государству, ни обществу ничего, кроме вреда.

---

*) Филарет. Житие русских святых.

Все это и толкало государственную мысль на путь изыскания средств к ликвидации землевладения духовенства. Но, разумеется, сделать это было не так просто.

Первая попытка секуляризации церковных владений была сделана Иваном III. Присоединяя к Москве ту или иную область, он всячески старался ограничить вотчинные права тамошнего духовенства. Таким образом он конфисковал значительные земельные богатства Новгородской кафедры. От местных попыток Иван III вскоре перешел к постановке этого вопроса в общегосударственном масштабе. Но самому выдвинуть эту проблему он не решился, а предпочел укрыться за спиной деятелей из самого духовенства, отрицавших за церковью право владения земельными богатствами и известных под именем „нестяжателей". Их руками светская власть и пыталась заполучить в свои руки огромные богатства церкви.

В 1503 г. в Москве был созван духовный собор. На нем старец Нил, один из „нестяжателей" и поднял вопрос о передаче в ведение светской власти церковных имений. Но клир полностью выступил против секуляризации. Иван III не был в состоянии померяться силами с духовенством и отступил. Но уже самый факт этого покушения заставил духовенство задуматься над методами обороны. Новгородское духовенство, дважды пострадавшее от Ивана III первым включило в „чин православия" следующее анафематствование: „Вси начальствующие и обидящие святые божие церкви и монастыреве отнимающие у них данные тем села и виногради, аще не перестанут от такового начинания, да будут прокляты". Анафема эта произносилась ежегодно в первую неделю поста. Вслед за Новгородским это анафематство было усвоено и духовенством других кафедр.

В древние времена анафема значила очень многое. Понятно, что Иван III не только отрекся после этого от своих намерений, но даже выдал головой „нестяжателей" на растерзание ортодоксальному клиру. Однако первое столкновение царства и духовенства по такому серьезному вопросу не привело к охлаждению древних союзников. „Сохранение церковью своих имуществ надолго сделалось причиной нового усиления и упрочения зависимости „святительской власти" от земной. Опасение потерять эти имущества располагало „святителей" ко все большей и большей уступчивости". *)

Первоначальное поражение светской власти еще не значило, что она отказалась бесповоротно от идеи секуляризации. Да она и не могла этого сделать, соблюдая, собственные интересы. Поэтому вопрос о церковных имуществах снова всплыл при Иване Грозном. Снова были созываемы церковные соборы, на которых всякое

*) Г. В. Плеханов. Мысли о религии.

посягательство на церковное имущество наталкивалось на яростное сопротивление. Тщетно Иван IV в 1551 г. говорил собору: „В монастыри постригаются не ради спасения своей души, а для покоя телесного, чтобы всегда бражничать. Во всех монастырях держутся хмельные напитки и монахи предаются пьянству. По кельям не зазорно ходят девки и робята молодые живут там невозбранно". Отцы духовные оставались глухи к этим аргументам, справедливо видя в землевладении основу своего могущества.

Попытка Грозного повисла в воздухе, но зато лютые казни его содействовали увеличению земельного фонда церкви. Многие бояре, обреченные царем на истребление оставляли церкви свои поместья на „помин дущи". Да и сам Иван Грозный, усердно молившийся после казней, жаловал монастырям поместья.

В эпоху смутного времени государственной власти оыло не до церковных земель. Но духовенство даже в те годы не забывало забот о своем добре. Мы видим как в проектах всевозможных договоров с претендентами на престол оно настойчиво оговаривало свои права на землю,

Первые цари из династии Романовых, столь обязанные духовенству своим возвеличением, всячески покровительствовали церковному землевладению. Реакция в этом отношении началась только с Петра I. В 1701 г., в связи с началом северной войны и нуждой в деньгах, Петр I лишил монастыри права распоряжаться доходами с своих имуществ, передав управление ими Монастырскому приказу. Но с учреждением синода управление церковными имуществами снова вернулось в руки духовенства. Правда, на этот раз оно должно было это сделать уже в интересах государства, в качестве органа государственного управления. Но на этом Петр I не остановился. Желая превратить монастыри в убежища для отставных солдат и инвалидов, он 28 января 1723 г. воспретил в дальнейшем поступление в монахи. Но все эте меры были отменены почти полностью при дальнейших правительствах.

Положение церковных крестьян в итоге всех этих переходов от одной власти к другой значительно ухудшалось. Еще Петр I отметил, что хотя церковные крестьяне „за равных с прочими признаются, но гражданские управители не в равенстве их содержит... обретаются оные не токмо в каком призрении, но как от всяких обид, нападков и отягощений несносных зело разорены".

Исключительно же́стока была эксплоатация крестьян церковными управителями имений. Еще в 1757 г. был создан проект отстранения духовных от управления имениями и замена их офицерами. Хотя этот проект и получил высшую санкцию, провести его в жизнь не удалось, благодаря сопротивлению духо-

венства, пользовавшегося поддержкой императрицы Елизаветы. Только после ее смерти в феврале 1762 г. Петр III решил пришил принять энергичные меры к водворению порядка в церковном землевладении. Указом 21 марта 1762 г. для управления церковными вотчинами была учреждена коллегия экономии, которая должна была поставить во главе управления этими вотчинами офицеров. Землю, которую обрабатывали крестьяне на духовенство, согласно указа следовало им отдать. Остальную землю надлежало сдавать в оброк желающим. Все дела о крестьянских беспорядках, за исключением дел об убийствах, надлежало прекратить.

Указ этот вызвал яростные протесты духовенства. Посол Прусского короля Фридриха Гольц сообщал в Берлин: „Духовенство подало императору представление на русском и латинском языках, где жалуется на насилия и странные поступки с собою вследствие указа об отобрании церковных имуществ; таких поступков духовенство не могло ожидать и от варварского правительства, а теперь должно терпеть их от правительства православного". Протесты духовенства не возымели никакого влияния и указ стал проводиться в жизнь.

Как известно, духовенство нашло, однако, способ защищать свои маетности. Конфискация церковных земель была одной из причин убийства Петра III и захвата власти его женой Екатериной II, которая открыто признала „отобрание имений мерой необдуманной". 16 июня 1762 г. имения были возвращены. Сенату же было предложено в случае, если возвращение под крепостное иго духовенства вызовет крестьянские волнения, то таковые „смирять по гражданским законам".

Этим, однако, об'ективные причины, вызывавшие необходимость для государства конфискации церковных земель, не были уничтожены. Волнения церковных крестьян все увеличивались. Хотя за жалобы царице крестьян нещадно били плетьми, тем не менее поток этих жалоб не уменьшался. По словам Екатерины до 100.000 крестьян отказались подчиниться указу о возвращении под власть духовенства.

В этих условиях правительству осталось сделать только одно—освободить крестьян от крепостной зависимости духовенству. 26 февраля 1764 г. в этом смысле и был издан указ. 991.761 крепостных были из'яты из подданства духовенства вместе с обрабатываемой ими землей. За это освобождение крестьяне должны были платить в казну в год полтора рубля с души сверх семигривенного подушного оклада. Сумма эта превышала прежние налоги и указывает на истинные причины этого шага—правительству нужны были деньги.

Реформа 1764 г., несмотря на серьезность удара по экономической базе духовенства, не покончила с церковным землевла-

дением. Прежде всего, согласно указа 1764 г. за духовенством была оставлена часть земли. Указом 18 декабря 1797 г. монастырям было выделено по 30 десятин земли. В 1838 г. монастыри получили право приобретать лесные дачи от 50 до 150 десятин. А затем во внимание достойной службы царизму, росту церковного землевладения препятствия не чинилось вообще, хотя юридически монастыри могли приобретать землю исключительно с царского разрешения. В действительности, это была одна фикция, ибо цари никогда в этом им не отказывали.

Это привело к тому, что накануне первой революции монастырское землевладение значительно превышало норму, предусмотренную законом. В среднем на монастырь приходилось до 1000 десятин, в то время как норма определяла количество земли в 100—150 десятин. При этом, как правило, монастырям всегда отводилась лучшая земля с мельницами, лесами, рыбными ловлями, озерами. При этом следует отметить характерную деталь. Землевладение духовенства росло в зависимости от политического состояния страны. Стоило, например, Александру III задушить революционное движение „Народной Воли" и повергнуть страну в злейший омут реакции, как это сразу же оказалось на численном росте монастырей и духовного землевладения. За десять лет, с 1881 по 1890 г., было основано 160 монастырей— факт исключительный даже по признанию „Церковных Ведомостей". Соответственно росло и количество земли духовенства. По далеко неполным данным с 1890 по 1900 г. монастырям было отведено из казенных земель 25.191 десятина.

Общая картина духовного землевладения накануне первой революции может быть дана на основе следующих данных. Духовное землевладение разделялось на церковное и монастырское. Согласно существовавшим законам в обеспечение церковного духовенства правительство отводило в их пользу из казенных или крестьянских земель наделы до 99 десятин, помимо усадьбы. Из этих наделов и составлялся общий фонд церковного землевладения, равнявшийся почти двум миллионам десятин. При этом норма в 99 десятин чаще всего фигурировала в качестве минимума. Сотни церквей имели земли от 250 до 1500 десятин. Ценность этой земли по официальным данным за 1889 г. равнялась 116.195.118 руб. Надо прибавить, что с 1889 г. церковная земля значительно выросла. Так за 15 лет с 1900 г. по 1915 г. церковной земли прибавилось 200.000 десятин. Этот рост продолжался неуклонно до низвержения царизма. Вся церковная земля законодательством признавалась „неприкосновенной церковной собственностью", огражденной „от всяких притязаний".

Общее количество монастырской земли равнялось в 1900 г. 754.968 десятинам. При этом некоторые монастыри владели имениями, превышавшими десятки тысяч десятин. Так, Соловецкий

монастырь имел 65.000, 2) Саровская пустынь—26.239, Бирюков монастырь—25.963 десятин, 4) Кожеозерский—24.836, 5) Успенская пустынь—19.872, 6) Троицко-Зеленецкий—19.272. Если взять среднюю цифру по всей России, то получится, что в 1905 г. на каждого монаха, или монахиню приходилось по 40 десятин. В общей сложности по самой низкой оценке монастырская земля стоила свыше 50 миллионов рублей.

Огромные доходы монастырей тратились бесконтрольно на собственные нужды. При этом богатые монастыри, имея обширные собственные средства, получали еще субсидии от государства. Так в 1903 г. три богатейших монастыря—Троицко-Сергиевской, Александро-Невский и Почаевский получили от казны 37.035 р. 96 к. Но так как они в средствах не нуждались, то сумма эта попросту была поделена между девятью епископами по 2500 р. на брата, а остаток был причислен к суммам Синода на неотложные потребности.

Как известно, монастыри по смыслу своему обязаны озаботиться о бедных. Повидимому, эти девять епископов были признаны теми бедняками, которым монастыри пришли на помощь.

Жизнь монастырская в последние годы их существования мало чем отличалась от эпохи крепостного права. „Отрекшиеся от мира монахи, писал в 1910 г. церковник Н. П. Попов, в большинстве случаев получают хорошую трапезу и на расходы 300—400 р., а в богатых монастырях и больше, от нечего делать они пьянствуют и творят нечто такое, о чем страшно есть и глаголати даже мирянину. Там в обителях стараются скрыть даже тяжкие преступления".

Несмотря на свою всегдашнюю готовность пойти на встречу пожеланиям духовенства, царское правительство иногда по чисто физическим причинам не было в состоянии наделить ту или иную церковь или монастырь положенным количеством земли. Тогда оно компенсировало духовенство денежными взносами, составлявшими ко времени первой революции крупную сумму.

Несмотря на свои богатства, духовенство еще пользовалось целым рядом податных льгот. Так их угодья освобождались от уплаты земского сбора, торговые предприятия не платили никаких государственных налогов.

Для характеристики духовного землевладения остается еще остановиться на характере его использования. Здесь мы видим одно общее явление. Духовенство, за ничтожнейшими исключениями, нигде само землю не обрабатывало. Земля, полученная духовенством от крестьянского общества, ему же сдавалась в аренду за высокую плату, или же обрабатывалась наемной силой. Это относится к мелкой земельной собственности, главным образом, церковного причта. Что касается до крупных землевладельцев, то они вели обычное помещичье хозяйство.

Мы остановились только на земельных богатствах духовенства. Но помимо этого оно владело огромным количеством материальных ценностей в виде городских домов, промышленных предприятий, капиталов в акциях, облигациях или в виде вкладов. Все эти несметные богатства составляли тот фонд, из которого впоследствии контр-революция не раз черпала свои рессурсы.

Теперь нам станет понятна социально-политическая основа духовной контр-революции в эпоху 1905 г.

Она естественно вытекала из материальной заинтересованности класса, над которым повисла угроза экспроприации. Эта угроза была тем более реальна, что даже часть буржуазной оппозиции определенно высказалась за эту экспроприацию. Только одно дворянство оставалось верной союзницей клира. Общие экономические интересы тесно спаяли эти группы. Победившая дворянская реакция щедро вознаградила своего верного союзника. Во времена Столыпина в наказе землеустроительным комиссиям прямо предписывалось заботиться об интересах духовенства. При этом землей наделять надлежало не только существовавшие приходы, но, по предложению синода и те церкви, „которые еще могут быть построены". Для будущих церквей надо было выделять „соответствующие участки и не пускать их в продажу крестьянам".

Разделив общие победные лавры, пришлось потом вместе выпить и чашу поражения.

III. Массовая борьба и активная контр-революция.

I.

Начало XX века впервые поставило русский царизм перед лицом массового революционного движения. В борьбе с этой опасностью царизм мог оперировать только такими средствами, как насилия и репрессии. Моральной помощи со стороны общественных сил ждать ему не приходилось. Все социально-близкое было распылено. Близость схватки становилась все более и более очевидной. Исход же борьбы для наиболее дальновидных деятелей монархии не предвещал ничего хорошего.

В этих условиях царизм сделал попытку диверсией в области внешней политики поправить свои внутренние дела. Сознательно идя на разрыв с Японией, царское правительство добивалось об'явления войны. Но результаты этой войны оказались плачевными. Даже не результаты, а первые их симпомы. Уже первые поражения обнаружили всю внутреннюю гниль монархии и ее неспособность к военной борьбе с японским народом, столь недавно приобщившимся к новейшим условиям экономической жизни.

Неудачи в борьбе с японцами имели логическим следствием такие же поражения в борьбе с освобождавшимся русским народом. А все эти неудачи, вместе взятые, дезорганизующе действовали на власть. Разложение начало проникать в органы самого правительственного механизма. Почва под ногами заколебалась. В поисках выхода царизм прибегал то к мнимым уступкам, то к свирепой расправе, пытаясь преступлениями и насилием приобрести доверие к своему падавшему авторитету. Но и то и другое не давало желаемых результатов. Неумолимый ход событий влек монархию к кризису и катастрофе. И она разразилась.

II.

Уже при первых признаках опасности духовенство высказало свою абсолютную готовность притти на помощь своему исконному союзнику. „Совершенно сознательно и с удивительной прямотой оно стало на сторону крушившегося строя, защищая его своим телом от окончательного развала. Так могут поступать только близнецы, навсегда соединенные одним главным нервом, разрыв которого равносилен смерти обоих“ *).

---

*) В. Обнинский. Новый строй.

Монархия это все видела, знала и достойным образом ценила. Русские цари во все времена старались прикрыться мантией царя небесного. Николай II в этом отношении не был исключением. Но царствование этого последнего совпало с наиболее трудной эпохой в истории монархии. Влачивший жалкую жизнь раба, русский народ вознамерился освободить себя от попечения божьего помазанника. Эти намерения далеко не улыбались Николаю II и мы видели, как в его царствование делались отчаянные потытки разжечь в народных массах религиозный энтузиазм, долженствовавший прикрыть наготу деспотизма. Для этого пришлось прибегнуть к методам средневековья, изобретать не только „чудеса", но и „угодников". Надо было влить новую кровь в одряхлевший организм духовенства, памятуя его неизменную преданность. По этим политическим соображениям и были прославлены „чудотворцы" Феодосий Черниговский и Серафим Саровский.

Несомненно, что XX век оказал свое влияние на эти чудеса. Достаточно указать хотя бы на такой факт, как обилие жандармов при прославлении, аресты корреспондентов либеральных газет, могущих усомниться в наличии „мощей" вообще. Тем более, что данных для этого было более нежели достаточно. Ведь случился же грех с Тамбовским архиереем Дмитрием Ковальницким, которому были поручены предварительные изыскания относительно нетления останков Серафима. К удивлению своему Дмитрий не нашел нетления, а обнаружил только кости, да волосы.

Эти открытия Дмитрия на миг смутили иерархов. Ведь речь шла о таком крупном предприятии—святой Серафим из своей мрачной могилы должен был благословить Николая II, который для этого лично прибывал в Саров. Естественно, что мощи должны были оказаться нетленными. Для этого в помощь Дмитрию был послан настоятель (вернее комендант) Спасо-Ефимиевского монастыря, этой знаменитой монастырской тюрьмы, Серафим, в мире моряк Чичагов.

После этого назначения всякий живой, не желавший превратиться в мощи, должен был признать святость Саровского угодника.

И действительно, Дмитрий от прославления был отстранен, а по донесению бывшего лихого моряка Синод признал „всечестные останки—святыми мощами". В июне 1903 г. в Саровской пустыни царизм и духовенство в сотый раз демонстрировали свою близость перед народом. Николай II сам нес „нетленные мощи" в их новую обитель. Тысячи паломников должны были разнести по всей стране благую весть о благодати, которая почиет над самодержавием. Об этом шумела вся реакционная печать, голосили священники со всех амвонов.

Увы, все усердие пропало даром. Через какой нибудь месяц мощная волна невиданной в России всеобщей забастовки прокатилась по всему югу, вовлекая в движение сотни тысяч рабочих. Весь ангельский синклит земного бога — сыщики, жандармы, полицейские, собранные в огромном количестве в Сарове, прямо с прославления вынуждены были ринуться в южные города, тщетно заклиная именем новорожденного святого бушевавшее море народного негодования. Для усмирения рабочих понадобились более веские аргументы в виде штыков и пуль.

III.

Известный деятель русского либерализма Вл. Набоков как то печатно жаловался, что царское правительство создало для революционеров исключительную монополию политической деятельности. В этом парадоксе было много подлинной правды. Самодержавный строй в принципе не признавал ни за кем никакого права на политическую деятельность. Население должно было покорно сносить опеку бюрократии. Исходя из этого положения, правительство запрещало не только революционные или оппозиционные партии. Под запретом были и консервативные организации, душой и телом преданные монархии.

Революционная общественность меньше всего считалась с волей царской власти. Она создавала нелегальные организации, партии, которые вели подпольно свою работу. Остальные классы, может быть и отрицательно судившие о деятельности правительства, но относившиеся к нему лойяльно, подчинялись этому запрету и были потому вне политической жизни. Вот почему к началу массовой революционной борьбы правильно организованные политические партии, с ясно формулированными программами, мы находим только в лагере революции. В стане же охранителей царизма мы видим совсем иную картину. Никаких организаций там не было и в помине.

Понадобились грозные предуказания последних лет, чтобы процесс организации контрреволюционных сил стал фактом. Правда, легально создать партию монархистов реакция еще не решалась. Уже очень соблазнителен был бы такой факт для других общественных групп, по своей умеренности не примыкавших к революции.

Поэтому реакционные элементы прибегли к организации „культурно-просветительного общества“, под флагом которого и укрылась первая в России контр-революционная партия. То было известное „Русское Собрание“, официально открытое в в С.-Петербурге 26 января 1901 г. С этой даты ведет свое начало политическая активность монархистов.

Состав „Русского Собрания“ сразу и безошибочно давал точное представление о целях и задачах этой организации. Она

целиком состояла из членов господствовавшего класса помещиков, бюрократов и капиталистов. В этой среде заметную группу составляло духовенство. Среди деятелей „Русского Собрания" мы встречаем Арсения—архиепископа Харьковского, Стефана—епископа Могилевского, Феодосия—епископа Елизаветградского, священника Восторгова и др. Епископ Серафим был членом руководящего центра „Русского Собрания".

В начале деятельность этой организации носила характер культурно-литературной, с явным реакционным содержанием. Но по мере роста и развития революционного движения эта деятельность все более и более окрашивалась в политические цвета самого махрового монархизма.

Политическая оживленность имела своим следствием распространение деятельности „Русского Собрания" на целый ряд провинциальных городов. При этом в отношении духовенства обнаружилось одно характерное явление — провинциальные батюшки оказались политически более активными, нежели столичные; в списках провинциальных отделений „Русского Собрания" процент духовенства значительно выше, нежели в Петербургском. И еще одна характерная деталь: в тех губерниях, где рост революционного движения проявлял себя особо бурно в среде крестьянства, духовенство проявляло себя, как наиболее активный отряд контр-революции. Так было в губерниях Харьковской и Саратовской, где разгром помещичьих имений принимал массовый характер.

Да, такой фактор, как революция всегда дает возможность проверить взаимоотношения классов данного государства. Служба помещикам отцов церкви ведет свое начало еще с дальних времен. В рассматриваемую эпоху она рельефно проявилась во время первых аграрных беспорядков.

В 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях разразились крупные крестьянския волнения, выразившиеся в разгроме дворянских поместий. На правившие круги эти беспорядки произвели огромное впечатление. Если там понемногу стали привыкать к революционности рабочих, то в возможности крестьянских восстаний вряд ли кто верил. Поэтому против крестьян были сразу же брошены сильные воинские отряды, жестоко расправившиеся с ними не столько свинцом, сколько розгами. При этом, наравне с полицейскими силами, заработал и духовный аппарат.

Илларион, епископ Полтавский, обратился в духовную консисторию с предложением от 17 апреля за № 2180 дать немедленно циркуляры благочинным для об'явления духовенству, с предписанием каждому священнику при воскресных и праздничных богослужениях, а также и при совершении приходских треб внушать прихожанам полное повиновение властям от бога и ца-

ря поставленным, мирную, честную, трудовую жизнь, доверие только тому, что об'является в церкви и местным начальством, чтобы от неизвестных им людей не принимали никаких внушений, направленных к их же вреду и нарушению порядка. *) Заслушав это предложение консистория приказала: „с приложением резолюции его преосвященства дать циркулярные указы духовенству епархии к надлежащему исполнению".

На события в Полтавской и Харьковской губ. откликнулся также и синод. 2 августа 1902 г. состоялось секретное заседание, на котором иерархи имели суждение „о мерах к предупреждению смут, производимых злоумышленниками в простом народе".

Приказали: принимая во внимание, что в некоторых местностях нашего отечества злонамеренные люди—противники законной власти возмущают народ и нарушают мирное течение гражданской жизни, святейший синод признает необходимым поручить епархиальным преосвященным приглашать священников тех приходов, в коих есть опасность возникновения смут к принятию всех зависящих от них пастырских мер к предупреждению смут и раз'яснять пастве всю лживость уверений злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя поставленным и к покушениям на чужое добро".

Для этой цели священникам предлагалось произносить политические проповеди с амвонов, для чего конспект подобной проповеди был разослан всему духовенству. Слово это начиналось с указания, что в „Полтавской и Харьковской губ. случилось несчастье и безумное дело, доныне неслыханное. Явились в селения крестьянские и простым людям злые обманщики, называя себя царским посланцам и стали уверять их, что правительство дозволяет им грабить и разорять чужие достатки у людей зажиточных. Поверили им простые люди и пустились разорять чужие усадьбы. Довелось им плакаться на свою глупость... Берегитесь, православные люди, слушать бродячих обманщиков"**).

В дальнейшем синод цитатами из евангелия доказывал святость прав помещиков на землю. После этого указа началось массовое выступление деревенских священников против крестьянских попыток освободить себя от удушавшего их ига дворянского землевладения.

Но скоро выяснилось, что одними проповедями духовенство далеко не ограничилось. Оно стало выполнять полицейские функции, донося властям об участниках беспорядков и вообще о настроении в селах.

В интересном письме Хорольскому исправнику священник Вознесенской церкви, села Суборабовки писал: „Доверие ко мне

*) „Революционная Россия" № 8 за 1902 г.
**) „Красный Архив" № 26.

нескольких лиц должно мне помочь разобраться в настроений села, когда это доверие помогло мне добыть то, что держалось под полой и о чем громадное большинство ничего не ведало. Разумею листки социал-демократической партии. Пользуясь доверием я знаю, что у меня в приходе творится и могу твердо защищать самодержавие и общественный порядок, лишая же меня доверия среди прихожан тем самым лишаются хоть и не большого, но все же не безразличного защитника престола и отечества. А принимая во внимание, что мы не знаем чем чревато будущее, мы должны дорожить доверием, а не губить его в корне" *).

Эта деятельность духовенства в Харьковской и Полтавской губ. получила уже в то время широкую огласку. Даже такой архиумеренный церковник, как Н. Д. Кузнецов вынужден был признать, что „во время известных массовых беспорядков в Харьковской и Полтавской губ. роль духовенства в некоторых случаях приравнивают к деятельности агентов тайной полиции... некоторые из них занимались отыскиванием виновников и донесениям куда следует. И расказам русское общество легко поверило, имея в виду историческое опыты и существующее положение вещей" **).

Полицейская служба духовенства отнюдь не ограничилась перечисленными губерниями. Стоило одному крестьянину в Саратовской губ. спросить священника—„правда ли, что правительство отберет скоро от помещиков землю и роздаст ее крестьянам поровну?", как тот об этом немедленно донес по начальству, что повлекло за собой обыски.

Духовенство Саратовской губернии вообще отличалось своими контр-революционными подвигами.

В феврале 1904 г. по селам Саратовского уезда происходили массовые обыски и аресты по доносам духовенства. „Они испугались стремления народа к просвещению, испугались первых проблесков пробудившейся в массе самостоятельной критической мысли. Жалобы на неуважение к попам давно рождаются в церквах. А вместе с этим явилось опасение за свои доходы. Отсюда у них страшная затаенная злоба против всего светлого. Злоба делает их неразборчивыми в средствах. Шпионство, доносы стали излюбленным средством попов. Попы наши настолько теперь популярны как доносчики и шпионы, что власти их предпочитают чинам полиции. Это жандармы в рясе. Лиховский поп Архангельский на исповеди всех допрашивает: не читал ли нелегальных книг, от кого получил, не давал ли учитель. Обыски

*) Дело департамента полиции № 1 ч. 72 за 1902 г.
**) Н. Д. Кузнецов. Церковь, духовенство и общество.

были произведены через два—три дня после поездки попа Архангельского в Саратов. Такие же факты известны нам о попах Балашевского и Сердобского уездов" *).

IV.

В начале XX века революционное брожение широко разлилось по учебным заведениям, обнаружившись даже в стенах духовных семинарий. „Русское Собрание" явилось инициатором создания черносотенных организаций из учащихся, которые должны были противодействовать революционерам. Духовенство же со своей стороны ретиво принялось за искоренение крамолы в своих учебных заведениях. Епископы обратились с секретными указами ко всему духовенству, предлагая самым решительным образом вытравить вольномыслие из духовных школ.

Особо характерен в этом отношении указ Георгия, епископа Тамбовского и Шацкого. Указав на размеры беспорядков, Георгий писал, что революционеры стремятся „беспорядками среди воспитанников подорвать доверие правительства к духовным школам и вообще по всему духовенству, представить последнее политически неблагонадежным (!) элементом, незаслуживающим того внимания и заботливости со стороны правительства, которое выразилось в обеспечении духовенства жалованием, законом об увеличении пенсии духовенству и в новом значительном ассигновании на вознаграждении труда и улучшении быта учащихся в церковных школах. Такая агитация грозит большими опасностями и тяжелыми испытаниями как для учащейся молодежи, так и для их родителей". И епископ Георгий грозил увольнением не только учащимся, но и их родителям, если первые примут участие в беспорядках. Угроза эта впоследствии не раз проводилась в жизнь.

Зато ссылки Георгия на внимание правительства были правильны. Правительство, всегда ценившее преданность духовенства, перед лицом грядущей опасности удвоило к нему свое внимание. Уже в манифесте Николая II от 26 февраля 1903 г. было сказано: „Продолжать деятельное проведение в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства, усугубляя плодотворное участие священнослужителей в духовной и общественной жизни их паствы".

Но еще до это манифеста правительство многое сделало для улучшения материального положения духовенства. Во „всеподданнейшем отчете председателя государственного совета за 902 г." мы находим указания на этот счет. „Принятые прави-

*) «Революционная Россия" № 44 за 1904 г.

тельством, говорится там, за последние годы меры по улучшению материального положения православного духовенства, получили за истекшую сессию дальнейшее развитие в представленном проекте о пенсиях священникам и псаломщикам. Новый устав представляет пенсионные права не только священникам, дьяконам и их вдовам, но так же псаломщикам и семействам их. Оклады устанавливаются: для протоиереев—в 500 р., для священников в 400 р., для протодиаконов в 300 р., для диаконов 200 р., для псаломщиков 100 р. Полный оклад пенсии полагается за 35 лет службы. Последовавшее по сему предмету мнение государственного совета был утверждено Вашим Величеством 3 июня 1902 г".

Об этой заботливости говорит и К. П. Победоносцев в одной из своих записок. В тех условиях, в коих должна действовать церковь, на громаднейшей территории, в незаселенных пустынных пространствах, посреди разноплеменного и не культурного населения, посреди бедности народной—она была бы обездолена без помощи со стороны государства и всем известно, сколь обильно в последнее время снабжена церковь денежными от государства пособиями на содержание духовенства, на пенсии, земельными наделами из казенных земель и т. п." *).

Все эти меры были направлены к тому, чтобы окончательно изолировать преимущественно нисшее духовенство, стоявшее ближе всего к народу, использовав его влияние в интересах борьбы с революционным движением. Поскольку сельские священники в материальном отношении были хуже всего обеспечены, нельзя не признать разумность, с точки зрения монархии, этой заботливости, результаты которой очень быстро сказались. В массе своей сельское духовенство оказалось всецело в лагере контр-революции. Те небольшие группы священников-прогрессистов, о которых мы будем говорить в другом месте, выступившие против реакции, служили лишь прекрасной иллюстрацией этого положения.

V.

События девятого января 1905 г. сыграли крупную роль в деле организации контр-революционных сил. Выстрелы на улицах Петрограда возвестили начало активной борьбы между революцией и царизмом.

После 9 января надежды на мирный исход столкновения исчезли беповоротно. Ясно стало не только революционерам, но и их противникам, что вопросы власти буду решаться не в кабинетах, а на улицах. При этом отчетливо вырисовывалась не-только картина будущей борьбы, но и ее внутреннее социаль-

*) А. Р. Историческая переписка о судьбах православной церкви.

ное содержание. Революционные волны пока еще только перекатывались из одного города в другой. Но внимательному глазу не трудно было заметить, что и деревня не останется безмолвной свидетельницей борьбы. Там были все данные для взрыва. Вот почему параллельно с ростом активности и организованности в лагере революции, мы наблюдаем эти же явления и в лагере реакции и, в частности, в среде духовенства.

Январские убийства дали повод духовенству лишний раз прокламировать свою преданность трону, только что заливавшему улицы столицы кровью безоружных рабочих. 12 января правительство усиленнейшим образом распространяло лживую телеграмму никому неведомого „Латинского агентства" из Парижа: „Огромные суммы истрачены англичанами на провокацию в России. Об'ясните русскому народу истину; всякая симпатия беспорядкам—преступление, измена. Японцы в Париже хвастаются устройством беспорядков".

Вскоре выяснилось, что телеграмма эта—продукт творчества известного реакционера и мошенника подполковника А. И. Череп-Спиридовича, сфабриковавшего ее с чисто провокационными целями.

В виду того, что царское правительство усиленно распространяло эту клевету, английский посол заявил протест. Тогда царское правительство уведомило его, что клевета об „английских деньгах", якобы найденных в карманах убитых рабочих, повторяться не будет.

А 15 января на улицах Петербурга раздавалось послание синода, в котором гнусные измышления авантюриста получили духовное освещение. „Всего прискорбнее, что происшедшие беспорядки, говорится в воззвании отцов церкви, вызваны подкупами со стороны врагов России и всякого порядка общественного. Значительные средства присланы ими, дабы произвести у нас междуусобицу, дабы отвлечением рабочих от труда помешать своевременной посылке на Дальний Восток морских и сухопутных сил, затруднить снабжение действующей армии всеми необходимыми для нее припасами и тем повлечь на Россию неисчислимые бедствия".

Величайшая трагедия народа в устах отцов церкви превратилась в уголовный роман.

Синод этой аргументацией предопределили содержание выступлений всего духовенства в связи с январскими убийствами. Митрополит Антоний в речи к рабочим Путиловского завода во всем обвинил врагов русского народа. „Предатели, говорил владыка, бодрствовали, мы в беспечной доверчивости пребывали". Потоки самой низкой лжи и клеветы полились с церковных амвонов по адресу петербургских рабочих.

Но духовенство не могло не видеть, что пропеведи их висят в воздухе, что они даже не производят должного впечатления, не говоря уже о том, что не имеют никаких результатов.

На январские выстрелы страна ответила бурным взрывом массовой революционной борьбы. Нечестивые слова клеветников тонули в громах революционной бури. Ей надо было противоставлять нечто более реальное. Свинец,—но он сам по себе мало действителен, без известной, хотя бы ограниченной, общественной базы.

Январские события окончательно развязали контр-революционные силы страны. Они энергично приступили к созданию политических партий. „Сплотимся, взывал их лейб-орган „Московские Ведомости", составим общую всероссийскую дружину вокруг царского престола, для того, чтобы общими силами отразить начавшийся штурм на твердыню самодержавия".

Эти призывы были услышаны и вскоре в Москве была создана „Русская монархическая партия" и родственный ей" Союз русских людей". И в этой и в другой организации, более нежели выдающуюся роль с самого основания, играло духовенство.

„Русская монархическая партия" была основана двумя идеологами наиболее реакционной части дворянства и духовенства протоиереем И. Восторговым и Грингмутом. В списке почетных членов этой организации мы встречаем митрополита Владимира, епископа Гермогена, епископа Никона, епископа Серафима. Активными работниками, помимо Восторгова, были священники Востоков, Воскресенский, Ильинский, В. Лукин, Алеманов, Айвазов, архимандрит Макарий Гневушев.

Верховным шефом этой партии был Иван Кронштадтский.

Помимо духовенства „Русская монархическая партия" включала в себя, главным образом, дворянско-помещичьи элементы. „На народ, говорит Левицкий, она смотрит по барски, сверху вниз. Презрение к буржуазии проникает всю ее литературу".

„Но этот замкнутый дворянский характер ограничивался только Москвой. В провинции монархисты сразу стали создавать опорные базы, мобилизуя вокруг себя наиболее черносотенные, деклассированные элементы, способные на любое преступление за известное вознаграждение. Программа этой партии была лаконична. Она имела „своей главной задачей сохранение монархической самодержавной власти русских царей".

За этим следовала ничем не прикрытая защита политических привилегий дворянства и его земельной собственности.

Обилие духовенства накладывало на „Монархическую партию" некий религиозный отпечаток. Само собой разумеется, что защита официального православия составляла главнейшую задачу партии. Духовенство сразу превратилось в пропагандистский аппарат монархистов, предоставив к их услугам и себя и свои

амвоны. „Служители церкви стали прислужниками дворянской реакции. С этих пор церковные проповедники стали необходимой принадлежностью каждой контр-революционной организации“ *).

Одновременно с „Монархической партией“ возникла в Москве другая контр-революционная организация „Союз русских людей“.

Преследуя по существу одни и те же цели „союз“ отличался от „монархической партии“ больше всего своей тактикой. Хотя основателями „союза“ явилось то же духовенство—архиепископ Анастасий и то же титулованное дворянство—Шереметьевы, Голицын, Урусов, Волконский, Щербатов, Трубецкой, Гагарин—тем не менее он был несколько „демократичней“ монархистов. В то время, как последние решительно отвергали какое бы то ни было „народное представительство“, хотя бы и лишенное законодательных прав, „союзники“ стояли за „постоянное и тесное общение верховной власти с землей через выборных местных людей“.

Своеобразный „либерализм“ проявили „союзники“ в области церковной жизни, предлагая возродить выборное начало в приходах и созыв Церковного собора. Но все эти теоретические построения составляли лишь одну декорацию, завесу, за которой скрывалось самое подлинное черносотенство.

На практике обе контр-революционные партии проводили одну и ту же политику защиты самодержавия и помещиков. Эта деятельность не только сближала их, но делала возможным участие одних и тех же лиц в обеих организациях.

Возникновение этих двух партий имело большое значение для всего контр-революционного дела в России. По их образцу стали создаваться организации по всей стране. Точно спеша наверстать потерянное, враги освобождения проявили максимум энергии в деле организации и сплочения боевых кадров монархии, несомненно предвидя их активное участие в ближайших боях с революцией. Этот организационный поток охватил не только города, но и села. Всюду под разными названиями, но с одинаковой сущностью, точно по мановению волшебного жезла, появились черносотенные организации, незамедлившие на практике продемонстрировать свои цели и средства к их достижению.

При этом следует отметить, что монархисты прибегали не только к созданию легальных партий, но и тайных сообществ. Так было в Херсоне, Екатеринодаре, („братство Кречетов“), Петербурге (общество террориттов—консерваторов „белый медведь“), Твери—„Народный Союз“, призывавший в прокламациях:

*) Общественное движение в начале XX века, т. III.

„составим списки всем крамольникам в городах и селах и будем бить их кому как и чем удобнее, ночью из за угла, через окна".

Эта террористическая тактика далеко не была уделом одного только Тверского „Народного Союза". В марте газета „Вечерняя почта" сообщила: „Крайняя правая политическая партия, имеющая своих главных вожаков в Москве, формирует боевую организацию. При Чудовом монастыре учреждается братство, на началах православия, самодержавия и народности. Учредителями этого братства являются преосвященный Никон, Грингмут и проф. Георгиевский. В селе Лопатине, Саратовской губ. была создана „Дружина борьбы с крамолой", душой которой был местный священник. В самом Саратове было создано боевое „Общество монархистов", о деятельности которого мы находим любопытные сведения в одном нелегальном документе.

„Как известно, многие лица, причастные к освободительному движению получают угрожающие письма от Саратовского Комитета монархистов. Мы узнали, что этот Комитет не миф и разсылаемые им письма не есть простое хулиганство, или недостойные шутки. В Саратове действительно организовалось общество монархистов, управляемое особым Комитетом. Председателем Комитета, его душой и главным распорядителем состоит инициатор общества протоиерей Лев Иванович Владыкин, а его наперсником и главным помощником кн. Крапоткин. Из числа других более активных деятелей называют купца Н. Селиванова и старьевщика Уварова. Общество действует по благославению архиерея Гермогена, который состоит его покровителем и почетным членом. Общество имеет в своем состове 500 человек и очень хорошие средства. Между прочим ему отданы те 1000 руб., которые архиерей Гермоген выпросил у епархиального духовенства" на бедных и сирых. Все члены прекрасно вооружены. Местная администрация прекрасно осведомлена об этом обществе" *).

Все эти контр-революционные организации повели яростную прогромную агитацию, засыпая города и села бесчисленными прокламациями.

Размах этой деятельности был столь велик, что департамент полиции счел нужным вмешаться в эту подпольную деятельность своих друзей и союзников. Товарищ министра внутренних дел, заведывавший полицией, ген. Рыдзевский обратился ко всем губернаторам и градоначальникам со следующими секретным циркуляром: „За последнее время в разных местностях империи появились в обращении листки агитационного характера, воспроизведенные по общей части гектографскими способами

*) Архив Коммунистической Академии. Фонд проф. Семевского д. № 165/А л. 199.

и издаваемые от имени тайных патриотических организаций, присвоивших себе различные наименования. Так, 1) в С. Петербурге был случай обнаружения воззвания „К врагам отечества“ от имени тайного общества монархистов-террористов. Члены этого общества, называя себя „консервативным элементом“, заявляют о своем об'единении для борьбы с представителями революционного движения и о намерении отвечать прокламациями на их прокламации, смелым вызовом на их угрозы и бомбами на их бомбы. 2) В Ковно появился гектографированный листок „Просьба великому царю земли русской от верноподданных“. 3) В Тамбове появилось гектографированное „Воззвание к русским патриотам“ от имени „Тамбовской партии патриотов“ с призывом „дать урок“ участникам забастовки в учебных заведениях Тамбова 26 и 27 марта, на которую будто бы местная власть не обращает внимания. 4) Во Владимирской и Тульской губ. появился печатный листок, издание „Народного Союза“, направленный к агитации против представителей интеллигентного общества земцев и вообще „господ“, будто бы желающих ограничить русскую самодержавную власть в личных своих видах. 5) В Бессарабской губ. распространялось воззвание „Союза истинно-русских людей патриотов Бессарабии“, обращенное „к солдатам“ с приглашением не слушать агитаторов, не брать, от них прокламаций, а передавать агитаторов в распоряжение властей. 6) Там же появился „Устав Бессарабской патриотической Лиги“, имеющей целью служить интересам правительства и быть подмогой администрации в борьбе за сохранение существующего государственного строя. 7) В Уфимской губ. появилось малограмотное воззвание „К рабочим и народу и ко всем православным христианам“, приглашающие к насильственным действиям против евреев и крамольников, под которыми разумеются представители свободных профессий и учащаяся молодежь. 8) В Двинске появился ряд гектографированных воззваний „Первой русской партии в защиту самодержавия“, обращенных „К русскому народу“, „К начальству“, „К духовенству“. Воззвания этой партии носящие местный характер заключают в себе призыв к вооруженному отпору ополчившейся на царя и русскую веру „жидовской смуте“ и ее русским сторонникам. Духовенству пред'явлено требование истинного служения богу и царю, ежедневных проповедей, раз'ясняющих народу вред революции.

Кроме указанных „известно гектографированное воззвание“ „к старообрядцам“, которые как исконные патриоты, всегда крепкие в вере и преданиях старины, приглашаются спасти русскую землю.

Распространение подобных воззваний в настоящее тревожное время представляет собою явление несомненно нежелательное и даже весьма опасное, так как расчитанная на возбужде-

ние одних слоев против других, подобная агитация может вызвать в невежественных массах серьезное брожение и повести к погромам. Вследствие сего и исходя из того соображения, что истинно преданные существующему порядку русские люди не нуждаются в подобной искусственной поддержке своих патриотических и верноподданнических стремлений и,несомненно, без всякого стороннего побуждения с'умеют исполнить свой верноподданнический долг, прошу ваше превосходительство обратить самое серьезное внимание на необходимость тщательного выяснения как источников появления данных листков, так и лиц занимающихся их распространением и в случае обнаружения таковых немедленно принимать меры к прекращению такой нежелательной агитации и доносить департаменту полиции для получения дальнейших указаний".

Если мы сопоставим предпосылки настоящего циркуляра с выводами его, то получается разительная картина. С одной стороны призывы к убийствам и погромам, а с другой „выяснить... донести..." и... все. Ясно, что ген. Рыдзевский не очень то хлопотал о прекращении этой контр-революционной деятельности. Но картина станет еще разительней, если мы укажем, что источником происхождения этих прокламаций был... сам департамент полиции. В тайниках этой цитадели охраны и покоился центр контр-революции. Многие из перечисленных прокламаций нелегально печатались в подполье департамента полиции и затем уже через надежных членов монархических организаций разбрасывались по селам и городам.

Контр-революция отнюдь не ограничивалась одной нелегальной работой. Такую же погромную деятельность она вела параллельно совершенно гласно, используя для этого печать, собрания и, главным образом, церковные амвоны.

Помимо обычного типа контр-революционных организаций, духовенство стало создавать собственные, полудуховные, полусветские союзы, с успехом состязавшиеся на реакционном поприще. Немедленно вслед за событиями 9 января высшее московское духовенство во главе с епископом Серафимом создало при Князе-Владимирском храме „общество хоругвеносцев" из духовных и мирян, наиболее ревностных в делах веры и преданных царскому самодержавию. По примеру этого общества вскоре начали создаваться подобные же кружки и при других московских церквах. Впоследствии черносотенная пресса определяла общее количество „хоругвеносцев" в восемь тысяч человек. Эта организация и дала потом основные кадры „союзу русского народа" в Москве. Из среды „хоругвеносцев" вышли многочисленные активные участники контр-революционных выступлений.

Само духовенство, послушное зову синода, ринулось в великий поход на революцию. Близкое к крестьянским массам,

оно развило свою активную деятельность, прежде всего в деревне. Под влиянием церковных проповедей во многих деревнях Московской, Тверской, Саратовской, Калужской и др. губерниях, крестьяне вынесли многочисленные приговоры в защиту самодержавия. Через Победоносцева эти приговоры вручались Николаю II.

Каковы были эти приговоры, видно из адреса „крестьян и духовенства Новгородской губернии", врученного Николаю II в феврале 1905 г. В нем говорилось „Кликни свой клич и мы будем с тобою, чтобы итти на общего врага".

Но порой святые отцы даже не дожидались клича свыше. Тогда их проповеди принимали ярко погромный характер. Именем бога они призывали крестьян к избиению, главным образом, сельской интеллигенции,—учителей, врачей, земских служащих, т. е. всех тех, кто в те годы являлся носителем идеалов освобождения в деревне.

Священники, говорится в одном документе, „теперь ведут под охраной полиции темную войну против тех, кто всегда работал по мере сил своих для народа и среди народа. Они вооружают крестьян против тех, кто хочет новой, свободной жизни и нового государственного устройства равного и справедливого для всех, а не для кучки попов, чиновников и полиции. Пусть же отшатнется крестьянство от этих исконных врагов свободы" *).

Со страниц духовных изданий в эту пору неслись самые бешеные призывы к истреблению всех противников царизма.

Ненависть сельского духовенства к революции, помимо общих, имела еще свои, особые причины. Их доходы катастрофически падали. Крестьянство неохотно стало оплачивать требы.

Вся эта ненависть являлась лишь отражением настроения высшего клира. „Все слои общества, говорил в Исакиевском соборе в Петербурге 20 февраля епископ волынский Антоний, как волки голодные требуют себе всяких прав и льгот. Они дышат себялюбием и ненавистью и злорадством, все их поведение, все их речи суть сплошная ложь. Не забывай же о них русский народ, берегись богохульников, кощунников, мятежников, желающих оторвать тебя от вечной жизни".

Одновременно другой сановник церкви, епископ Серпуховской Никон, издал свою проповедь от имени Троице-Сергиевской Лавры. „Вот горе, говорилось в ней, вот великая скорбь и стыд и позор для нашей земли: оказалось, что и у нас дома завелись изменники, мечтающие о том, чтобы отнять у царской власти самое главное, ее самодержавие. А там... там скажут, что и совсем царя не нужно"... Ехидно кивнув в сторону

*) Архив Селивского. Дело № 165/ АЛ. 197.

японцев, Никон восклицает: „они не погнушались безмолвно протянуть дружескую руку заклятым врагам России, на знамени которых помещен дракон, символ сатаны.. Братья православные, русские люди, дадим отпор всякой смуте, заградим уста, глаголящая неправедная. Берегитесь таких изменников царского самодержавия, гоните их прочь от себя".

Этот же Никон в качестве апостола контр-революции предлагал сельским старостам выписывать только черносотенные газеты. Когда же церковный староста с. Никольского крестьянин Журавлев отказался это сделать, Никон указал на существование губернатора и полиции.

А вот характеристика участников революционого движения—„земцев, студентов, рабочих"—данная „Саратовскими Епархиальными Ведомостями" в № 17 в статье „К родителям". „Все эти дармоеды, тунеядцы, грабители и убийцы, неспособные ни к какому разумному труду, ничего не понимающие в делах государственного управления, в делах образования и воспитания, вечно живущие на чужой счет, не сделавшие никому в жизни добра и пользы и не признающие ни того, ни другого, постоянно стремящиеся причинить всем и каждому одно зло, произвести повсеместно смуту и беспорядок—весь этот зверинец, вся эта безнравственная, нечестивая и безумная орда, под управлением жидов и печати, кричит с пеной у рта о своем недовольстве государственным строем в России, требует упразднения правительственной власти, требует конституции и собора и, наконец, полной свободы во всех своих подлых действиях, какие бы им не пришли в голову".

В той же саратовской епархии в апреле 1905 г. усиленно распространялся разрешенный духовным цензором П. Юнгеровым и подписанный священником В. Веселицким листок, где говорилось: „Настанет час и всему этому „баста" скажет русский человек и пойдет спасать царя батюшку. И вот тогда то действительно начнется раскачка, такая, какую еще мир не видел, раскачка для социалистов, революционеров, льстецов, воров и всяких прочих негодяев".

„Раскачка" действительно произошла осенью 1905 г. и именно в тех размерах, какие предуказаны были священником Веселицким. Весной же и летом 1905 г., в связи со всей этой агитацией по России прокатилась волна зверских погромов, явившихся только прелюдией к жутким ужасам октябрьских дней.

Прежде всего следует категорически отметить, что все эти погромы произошли при непосредственном участии всех этих тайных организаций, специально для этого созданных.

„Большинство этих организаций, говорит В. Левицкий, носит совершенно эфемерный характер, ни одна из них не пере-

жила октября 1905 г. Все они немногочисленны, представляя из себя тайные заговорщицкие кружки, терпимые и покровительствуемые властью. Цель их вызвать погром, после которого эти организации, обычно, распадаются".

В числе деятелей этих организаций мы уже встречаем прославленного впоследствии иеромонаха Илиодора.

Первая серия погромов 1905 г. произошла в городах Житомире, Минске, Курске, Гомеле, Керчи, Пскове, Тифлисе, Нижнем-Новгороде, Смоленске, Балашове и др. Были они и в ряде сел и деревень. При этом были случаи, когда духовенство вдохновляло погромщиков не в подполье тайных организаций, а совершенно гласно, с церковных амвонов. Так в Елани Аткарского уезда пьяная толпа хулиганов, под впечатлением проповедей местного духовенства, напала на школу и произвела погром. Учитель спасся только благодаря тому, что был предупрежден учениками.

Такие органы контр-революции, как „Московские Ведомости" и „Русское Дело", явившиеся столпами церковности гласно солидаризировавшись с погромщиками.

9 июля в связи с полугодовщиной январского расстрела, в Нижнем Новгороде произошла революционная демонстрация, завершившаяся погромом и убийствами. По этому поводу „Русское Дело" в № 30 писало: „Про грабежь не слыхать, искали и убивали только бунтующую интеллигенцию. Нечего и говорить, что в первую голову были биты все сколько нибудь похожие на студентов и на способных к забастовке рабочих. С наступлением темноты начали расходиться, при чем народ пел „боже, царя храни"... „Вот оно, началось великое народное движение, теперь и царь поймет, за кого его народ".

Чрезвычайно любопытны материалы о Балашевском погроме. Еще до событий, писатель Тан в № 192 „Русских Ведомостей" предупреждал, что в „Саратовской губ. возникла тенденция подвергать избиению всех несогласно мыслящих. Для этой цели произносятся проповеди с церковной кафедры и даже расклеиваются соответствующие воззвания".

А 12 июля возбужденная этой агитацией толпа учинила погром земским служащим.

В Керчи перед погромом толпа отслужила молебен в соборе и начала громить под звуки „спаси господи..." И так было везде.

Уже во время этой погромной прелюдии наметилась основная тактика власти. Для погромщиков создавалась атмосфера не только безнаказанности, но и безопасности. Всякая активная самооборона избиваемых подавлялась силой оружия. Облик грядущей контр-революции накануне решающих событий был совершенно ясен.

VI.

Решающим моментом в истории русской контр-революции был октябрь 1905 г. 5 октября в Москве в заседании Центрального Бюро железнодорожного союза был окончательно решен вопрос о всеобщей забастовке. На следующий день, 6 октября это решение организованно было проведено в жизнь. Всеобщая забастовка железных дорог вовлекла в борьбу огромные массы пролетариев города. Колосс монархии заколебался... Временами казалось, что пламя восстания вот вот охватит все здание царизма... Именно в этот момент пришли в движение все силы контр-революции.

Центром контр-революционных выступлений в разгар забастовки была Москва. Это понятно, ибо и всеобщая забастовка зародилась здесь. Уже в первые дни забастовки черносотенные отряды, руководимые полицией, нападали на железнодорожников. Когда же забастовка приняла характер явно угрожавший монархии, контр-революция в Москве разработала детальный план настоящей гражданской войны, долженствовавший потопить в крови движение рабочего класса.

В центре этого плана оказалось духовенство.

„Союз русских людей“ 14 октября сообщил в „Московских Ведомостях“ о своем следующем решении: „1. Взять на себя почин организации, предлагая организовать русским людям местные приходские комитеты порядка, которые должны немедленно приступить к восстановлению нарушенного смутой порядка. 2. Для этого в воскресенье 16 октября все благомыслящие жители столицы должны собраться в своем приходском храме к литургии и после молебствия произвести избрание не менее 10 лиц на каждый приход, прося настоятеля войти в состав комитета и дать у себя помещение. 3. Произвести запись всех желающих в образуемые при каждом приходе дружины порядка, имеющие своим назначением личную и непосредственную борьбу со смутой. 4. Выбрать „Общее совещание для образования главного комитета“.

Не трудно догадаться каковы были стремления деятелей „Союза русских людей“. Церкви превращались в штабы активной контр-революции, в источники вооруженной борьбы. Подобная перспектива напугала даже московскую власть, не говоря уже о том негодовании, какое она вызвала в среде населения Москвы, над которой нависли определенные угрозы погрома.

В этих условиях митрополит Владимир оказался вынужденным несколько отступить. 15 октября он опубликовал заявление: „Московское столичное духовенство обязывается на воскресной литургии, имеющей быть 16 октября к **точному исполнению лишь того, о чем получит определенное распоряжение от епар-**

хиального начальства. Допущение производства каких либо выборов в храмах епархиальное начальство признает неудобным".

Итак, соучастие в черносотенном замысле, готовившем убийства и разгромы, признано было неудобным. Но это вовсе не значило, что духовенство отказалось от попыток оказать влияние на ход октябрьских событий.

В тот же день настоятели всех московских церквей получили следующее распоряжение за № 9514: „В воскресенье 16 октября во всех церквах города Москвы после литургии, по распоряжению его высокопреосвященства должен быть совершен молебен о прекращении тяжелой смуты народной, при чем должны быть вознесены особые прошения и произнесено перед началом молебна особое поучение, текст которого при сем прилагается".

Особым же поучением оказалась прокламация известного черносотенца епископа Никона, напечатанная в „Московских Ведомостях", под названием „Что нам делать в эти тревожные дни?" Мы приведем несколько отрывков из этого обширного воззвания пастырей. „Сердце обливается кровью, когда видишь, что творится вокруг нас. Русские люди, потеряв страх божий, доверившись крамольникам, держат нашу первопрестольную столицу, как бы в осаде. По приказу подпольных крамольников начались повсюду стачки и забастовки и на фабриках, и на заводах, и в школах, и на железных дорогах. О, если бы знали наши несчастные рабочие, кто ими руководит, кто подсылает к ним смутьянов-подстрекателей, то с ужасом отвернулись бы от них, как от гадин ядовитых, как от зачумленных животных. Ведь это так называемые „социал-демократы", это революционеры, давно отрекшиеся от бога в делах своих. Обманув несчастного, они толкают его на самые ужасные преступления, якобы, ради общего блага и действительно обращают его в послушного раба. Вот каковы эти обманщики, изверги рода человеческого. Пора нам одуматься, пора стряхнуть с себя духовную леность и больше не допускать к себе и детям нашим этих опасных зачумленных людей. Нам грозит беда, что в лютых зверей обратятся все эти одичавшие толпы разных забастовщиков, коими руководят безбожные анархисты.

Но что же делать? Очнуться, проснуться надо. Сознать всю опасность надо. Русский человек спроси у твоей совести. Она напомнит тебе верноподданническую присягу. Она скажет тебе: будь любящим сыном родной земли, будь беззаветно преданным слугою своего царя. Исполняй то, чего от тебя потребуют слуги церкви, что скажут тебе пастыри церкви. Будь готов умереть за царя и за Русь".

Этот погромный призыв был напечатан **„по распоряжению высшей Московской епархиальной власти“.**

Когда 16 октября в церквах стали читать это воззвание, раздались крики негодования многих прихожан. Это вызвало ряд зверских расправ со стороны черной сотни. В Алексеевском монастыре озверелая толпа на церковной кафедре чуть не убила одного протестанта. В церкви старого Пимена один студент при чтении этого воззвания заявил священнику, что не следует таких проповедей говорить, на что тот ответил: „не знаешь сыне, что творишь“, и велел его вывести. Церковный староста, выведя студента, сказал толпе—предаю его вам. Толпа немедленно набросилась и чуть не растерзала студента.

Деятельность епископа Никона отнюдь не ограничилась одной Москвой. Чья то таинственная рука разослала его поучение чуть ли не по всей России. 16 октября мы встретим это воззвание в Одессе, где его будут читать накануне страшного погрома. Воззвание читалось и в других городах.

VII.

Помимо Москвы, погромные попытки имели место в ряде других городов, но в тот момент заканчивались столь же безуспешно. Видимо организаторы ждали чьих то указаний. Появились они вслед за изданием манифеста 17 октября. И вот тогда то и разразилась катастрофа. Ныне, отделенные четверть веком от ужасных октябрьских погромов, мы не можем представить себе размеры этого величайшего бедствия, охватившего обширные области страны и унесшего столько жертв.

18 октября телеграф разнес по всей России текст манифеста 17 октября. Широчайшие массы населения в политических обещаниях царя увидели если не полную, то, во всяком случае, крупную победу над деспотизмом, в результате всеобщей забастовки. Да и сам манифест, начинавшийся словами: „Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей“... отчетливо говорил о „происхождении“ этого акта. Пункт первый манифеста „даровал“ населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов“. Пункт 3 фактически упразднял самодержавие, признав за Думой законодательные права.

Для всех сторонников самодержавия манифест имел двоякий смысл—они рассматривали его совершенно правильно, как акт вынужденный и как неизбежное начало крушения собственного социального могущества. Из этих положений они сделали логический вывод—нужно немедленно реагировать на это событие и если удастся, то попытаться аннулировать его, прекрасно зная,

что последнее не встретит возражений со стороны царя, всегда готового отречься от того, что ему было навязано ходом событий. Но манифест был актом легальным. Следовательно, выступить легально против него, это значило стать на путь переворота.

Оставался другой путь, внелегальный. Нужно было инсценировать якобы народное недовольство манифестом. Сделать это было тем более легко, что в распоряжении контр-революции к этому времени уже имелся готовый нелегальный аппарат для учинения подобных выступлений. „Погром устроить можно какой угодно, заявил жандармский ротмистр Комиссаров, видный деятель департамента полиции, хотите на 10 человек, хотите на 10 тысяч". И это не было бахвальство, это был реальный факт, осуществленный в октябрьские дни со всей ужасающей последовательностью.

В центре погромной организации стояли такие деятели, как генерал Е. Богданович, староста Исакиевского собора, автор многочисленных черносотенных листков, издававшихся „Кафедрой Исакиевского Собора", доктор Дубровин, Грингмут. По сведениям записки горнопромышленника Львова, погромная организация включала в себе **сто три крупных администратора.** Располагая этой организацией, контр-революция выполнила свой кровавый план.

Но нужно оговориться, никогда погромы не приняли бы таких исключительных размеров, если бы в течение года не совершалась их подготовка. Только в атмосфере погромной агитации, ведшейся неустанно изо дня в день в печати и с церковных амвонов, погромы и могли разразиться.

Подвиги контр-революции в октябре 1905 г. поражают нас своим исключительным зверством. „Читая материалы, относящиеся к октябрьским погромам, чувствуешь, что холодный ужас, которым веет со страниц этих документов, зажигает в душе яркое пламя ненависти, кровь застывающая в жилах, при первом впечатлении бурно и гневно закипает, когда первое оцепенение проходит" *).

Мы помним, как священник В. Веселицкий грозил революции „раскачкой", какой еще мир не видел. Мы видели, сколь восторженно церковно-монархическая печать приветствовала первые шаги погромщиков и убийц, поощряя их на дальнейшие подвиги. Подобное озверелое настроение было доминирующим в среде духовенства.

Было бы исторически неверно, если бы мы стали утверждать, что все духовенство полностью было причастно к погром-

*) Матерьялы по истории русской контр-революции, т. I.

ной агитации. Несомненно, что часть была против, участия в этом преступлении внешне не принимала. Но не эта часть задавала тон всему сословию. Это ничтожное меньшинство в лучшем случае умывало руки, или ограничивалось публичным отречением от кровавых преступлений, в то время как большинство неистово взывало—бей крамольников.

Яркий пример в этом отношении дает нам епископ Антоний, в мире небезизвестный А. П. Храповицкий. Это не рядовой член духовного сословия. Это вождь. На церковном соборе в 1917 г., во время избрания патриарха, Антоний и Тихон получили наибольшее количество голосов. Патриархом он не стал случайно. В конце 1921 г. мы снова видим его председателем Карловицкого собора. Ныне он вождь эмигрантов монархистов.

Послушаем же этого человека во дни 1905 г.

Свои задушевные мысли он излагал в письмах к известному контр-революционному деятелю доценту Б. В. Никольскому. 9 августа Антоний пишет: „Итак, будем еще дышать в надежде на лучшее будущее, которое водворится даже в худшем случае, т. е. нигилятина добьется своего на $1^1/_2$ года, а потом придет мужичек с вилами и проткнет пузо либеральному барину и опять наведет порядок".

Манифест 17 октября вызывает у Антония такие мысли в письме от 6 ноября: „Эх, надо бы войска воодушевлять, солдат, офицеров, юнкеров. И как этого не понимают. Нужны профилактические законы о забастовках путей сообщения и почты". И дальше: „Нет, не союзы русских людей на литературном и т. п. поприщах могут остановить революцию, а диктатура государя, военное положение везде, закрытие $^3/_4$ редакций и в случае нужды державный призыв всего населения к вооруженной самозащите и линчеванию революционеров. Баня была бы сильная, но за то в один месяц революция была бы сметена с лица русской земли и мы воротились бы к спокойствию. Частная инициатива не должна ограничиваться организацией думских выборов..., а должна начинаться с запаса оружием и с намечания себе тоже линчевания первоклассных артистов революции. Иные способы действования уже запоздали мне кажется".

3 января 1906 г., уже после подавления восстания, Антоний мечтал: „Боюсь, что они все вообще мужички пожалуют без приглашения в города, солдатики снабдят их орешками, а они эти орешки будут подкладывать под те домики, где учились студентики, равно и под другие заведения... На пожарищах города народ выберет царя из Романовых, если кто либо из них останется жив, а если всех убьют мятежники, то добудут хоть из заграницы, или из Эллады родича и вручат ему самодержавие. Все таки теоретически я убежден в том, что борьба с револю-

цией должна начаться с казни гр. Витте. Хороши воззвания, умные речи и книги, но начать то надо с этого самого"*).

В других письмах к Киевскому митрополиту Флавиану Антоний писал о своих контр-революционных планах. Любопытно его отношение к манифесту 17 октября. На молебне по этому случаю Антоний „ничего не сказал и мой молебен был похож на панихиду по России... Молитву читал не благодарственную, а за царя, что положено на литургии. Горе нам, если народ не вступится за себя и за царя, иначе Витте доведет его до эшафота. Россия продана и погребена, погребена заживо".

Когда в Киеве распространились слухи, что в Житомире не было погрома в октябре, благодаря выступлению Антония, смиренный владыка поспешил опровергнуть это. „Я против избиения ни слова не говорил, писал он Флавиану, и когда мне приписывают заслугу в том, что в Житомире не было избиений, то не знаю радоваться ли этому, или скорбеть" **).

Таковы были мысли виднейшего иерарха церкви, христианина, каждодневно проповедывавшего о любви к ближнему. Можно ли после этого удивляться тому, что погромная проповедь в условиях нашего тогдашнего культурного одичания дала столь обильные всходы.

Внутреннее содержание октябрьских погромов ныне уже отчетливо ясно. Это была контр-революция, полностью организованная агентами власти при ближайшем участии всех реакционных сил страны.

Погромы охватили сотни городов, местечек, сел и повлекли за собой десятки тысяч жертв. Вся обстановка погромов указывает на наличие единого руководства, единой властной руки. Везде они начинались одинаково. В церквах устраивались молебствия, затем толпы возбужденных проповедями хулиганов, темных, невежественных людей с иконами и портретами царя, в сопровождении властей, войск, духовенства устраивали „патриотические" манифестации, всегда являвшимся сигналом к погрому. Под охраной тех же войск бандиты совершали величайшие зверства, под рокот радостных криков в честь царя.

Все эти преступления творились до тех пор и в тех размерах, какие пред'указывались властью. Когда мавр завершал свое дело, ему предлагали уходить. На развалинах домов и над горами трупов водворялся порядок. Так было везде.

Нет нужды перечислять здесь места, по которым прошла контр-революция. Мы остановимся лишь на нескольких, наиболее красочных фактах. По совершенно из ряда вон выходящим зверствам первое место заняли тогда Одесса, Киев, Томск. Обо

*) „Былое" № 1—1921 г.
**) „Красный Архив" № 31.

всех этих городах даже ныне нельзя говорить сохраняя спокойствие; от ужасов совершенных там веет мраком средневековья.

Одесса... Погром начался 18 октября, как раз в то время, когда в другой части города демонстрировала ликовавшая по случаю манифеста толпа. Но еще до этого погромная агитация усиленно велась среди подонков общества. „В воскресенье 16 октября духовные ораторы говорили о событиях, призывали к мести и позорили врагов церкви и царя. Известное московское послание нашло себе живейший отклик *). Но вот в городе был получен манифест.

„В 11 ч. утра, пишет 18 октября Подольцев, по поручению, градоначальника был у архиепископа с телеграммой манифеста, прося сейчас же служить молебен, чтобы отвлечь народ в церкви. Архиепископ приезжал к градоначальнику. Молебны не служились“ **). Почему? Да потому, что духовенство не одобряло содержание манифеста. Во время погрома „духовенство совершенно бездействовало. Из всех священников Одессы только один о. С. нашел в себе мужество обратиться к толпе со словом отрезвления и спас „свою“ улицу ***). Остальные либо являлись зрителями, либо активно вдохновляли убийц. А эти последние творили волю пославших“.

Ужасы Одесского погрома почти не поддаются описанию. Убивали десятками, сотнями... Уродовали, вспарывали животы, насиловали женщин, которым отрезали груди, разрывали на части и выбрасывали из окон. Насиловали детей и разрывали их на части. Целые семейства истреблялись с холодной жестокостью—обреченным самим предлагали становиться в очередь за пулей, или ударами топора. Войска только стреляли по тем, кто оказывал сопротивление. Таким образом, были убиты сотни членов самообороны. Переодетые полицейские не только явно руководили погромом, но принимали в нем активное участие. Когда был отдан приказ прекратить резню, на мостовых лежало свыше тысячи трупов, несколько тысяч раненых и около полутора тысяч помещений в руинах.

Точно такая же картина наблюдалась в Киеве. Утром 18 октября в Софийском соборе был отслужен молебен по случаю манифеста. В это время погром уже начался. Прямо из собора, толпа, в сопровождении духовенства и оркестров, неся иконы и царские портреты, устроила патриотическую манифестацию, а затем влилась в погромную массу, довершив этим начавшееся злодеяние. Как и в Одессе полиция и войска тщательно охраняли убийц и грабителей.

---

*) „Право“—1905 г.
**) Материалы по истории русской контр-революции т. I.
***) „Право“ 1905 г.

Все остальные бесчисленные погромы носили тот же характер, напоминая по своим размерам либо Одессу, а чаще всего Киев. При этом избивались и убивались все те, кого реакция могла заподозреть в сочувствии революции.

На этом кроваво-мглистом фоне особо выделился своим безмерным злодейством погром в Томске. 20 октября, с'организованные полицией черносотенные банды стали собираться у пожарной части. Получив из участка два царских портрета и множество дубин, черносотенцы направились в собор, где архиерей отслужив молебен, благословил хулиганов. В это время в железнодорожном театре происходил 3000-ный митинг. Узнав о движении черносотенцев из собора в сторону театра, собиравшиеся покинули здание и вышли им навстречу. Между железнодорожниками и черной сотней произошло столкновение, в результате которого часть железнодорожников укрылась в здании управления службы пути и тяги Сибирской ж. д. Черносотенцы обложив это здание потребовали выхода укрывшихся, намереваясь расправиться с ними. Получив отказ, громилы через окна стали врываться в здание, но натыкались на сопротивление. Тогда на глазах полиции и войска к зданию был доставлен керосин, которым черная сотня облила нижние этажи и подожгла их. Огромное здание с 228 окнами запылало. Находившиеся внутри железнодорожники пытались спастить, стали выбрасываться из окон, их ловили и убивали. Страшное пожарище пылало весь вечер и никто из властей ничего не предпринимал для его прекращения. Больше того, войска сами не раз стреляли в окна пылавшего здания.

В разгар пожарища „кто то обратился к архиерею Макарию с просьбой попытаться вразумить толпу. После отнекивания он вышел на улицу и издалека благословил побоище... кого... избиваемых, или избивавших, так и осталось тайной"*).

Зато в 6 ч. вечера, в соборе, расположенном в 50 шагах от пылавшего здания, где заживо сжигались сотни людей, шла обычная всенощная. Только в 11 ч. вечера, когда рухнул потолок и крыша здания, бандиты отступили, разрешив пожарным тушить огонь. Всего в этот день было убито 150 человек и несколько сот сгорело заживо. Многие трупы убитых были изуродованы до неузнаваемости.

Поведение главы Томского духовенства во дни погрома скоро дало себя знать. Население, в особенности железнодорожники, отвернулись от церкви. Это забеспокоило Макария. Весной 1906 г. он обратился с секретным письмом к начальнику Сибирской железной дороги. „Усматривая из исповедных росписей, писал епископ, что не говевших и не исполнивших долга исповеди и св. причащения ныне особенно много среди чиновных лиц и

*) „Право" № 45—46. 1905 г.

служащих в разных учреждениях и озабочиваясь исполнением своего пастырского долга в отношении к таким членам Томской православной общины, обращаюсь к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой оказать мне ваше содействие приглашением состоящих в вашем ведении лиц к исполнению христианского долга исповеди и св. причащения в дни текущей четыредесятницы и распространением среди них прилагаемых листков" „Поговейте". Но этот призыв ни к чему не привел.

Железнодорожники воочию видели образцы исполнения христианского долга...

Таковы были деяния активной контр-революции. Но, в тот момент, эта попытка потерпела поражение. Все злодеяния контр-революции обнаружили только ее внутреннюю слабость. Она оказалась способной только в роли убийцы и то лишь под надежной охраной штыков. Ибо без охраны последних она вообще не рискнула бы на свои погромные выступления.

Таким образом, основная задача контр-революции—заставить правительство отказаться от манифеста 17 октября—не была выполнена. Правительство ходом революционной борьбы было вынуждено этого не делать. Именно в те дни „пролетариат завоевал всему русскому народу хотя и на короткое време невиданную на Руси свободу печати, собрания, союзов" *).

Но было бы ошибочно преуменьшать роль октябрьских погромов. Поскольку центры революции—Петербург и Москва не были ими затронуты, многие в то время не придали им должного значения. Между тем, провинция была основательно обескровлена в октябре и это отчасти сказалось в решающие дни декабря. Но этим влияние погромной полосы не ограничилось. Сама контр-революция увидела, что одним лобовым ударом реальные завоевания революции не сокрушить. Тогда она применила у себя тактику своих врагов, обратившись к „организации своих сил для давления на власть".

„Дни свободы", длившиеся от конца октября до поражения декабрьского восстания, были таким образом периодом лихорадочной организации не только для революционных, но и контр-революционных.

---

*) В. И. Ленин. Уроки революции. т. XI ч. II.

IV. Наступление контр-революции.

I.

Погромы „пронеслись над страной, как чудовищный ураган, много разрушили и истребили, но... не оставили никакого реакционного приобретения, прочного следа". *) Они оказались политически бесплодными. События продолжали развиваться прежним темпом. Невзирая на октябрьские кровопролития, революционная волна в городах продолжала вздыматься все выше и выше. Больше того—из тесных улиц городов движение вырвалось на простор деревенской шири. После манифеста 17 октября аграрные беспорядки приняли массовый характер, охватив половину землевладельческой России. Всюду пылали помещичьи усадьбы; на смерть перепуганное дворянство спасалось в городах. Самые худшие предположения помещиков начинали оправдываться.

Правительство графа Витте, чуть ли не с первых дней своего существования, стало ареной внутренней борьбы. В то время как сам Витте и большинство членов кабинета, выражая настроения и пожелания архи-умеренной монархической буржуазии, пытались подвести под правительство хоть какой нибудь „общественный" фундамент, министр внутренних дел П. Н. Дурново, один из лидеров феодально-помещичьей клики, являлся решительным противником серьезных реформ, затрагивавших интересы дворянства. Борьба между этими двумя течениями в правительстве могла закончиться только победой Дурново, поскольку за его спиной стояла вся активная контр-революция, с царствовавшим домом во главе.

Опираясь на Дурново, контр-революционные партии повели яростную борьбу против Витте. Тщетно этот бюрократ, видя влияние контр-революционных групп, старался перещеголять их свирепостью своих расправ с рабочими и крестьянами. Для последних Витте был прежде всего автор ненавистного манифеста 17 октября, за это одно на его голову призывалась всяческая погибель. Контр-революция повела бешеную атаку против Витте. Дошло до того, что на одном из публичных собраний черносотенцы обсуждали план его убийства. Витте пытался бороться с черной сотней мерами государственного воздействия, но из этого ничего выйти не могло, ибо репрессиями распоряжался... Дур-

*) С. Меч. Силы реакции.

ново, который не был склонен обрушивать их на головы своих ближайших друзей и соратников. Поэтому угрозы Витте по адресу черной сотни вызывали в их среде только злорадство.

Борьба эта не была особенно длительной и закончилась победой крайних реакционеров. В процессе этой борьбы и завершился процесс формирования контр-революционных сил.

Центральное место в этом процессе занял тот класс, социальным интересам которого угрожала наибольшая опасность. Мы говорим о дворянах-помещиках. Они то и явились главными вдохновителями всей контр-революционной активности в этом ее поступательном периоде. Сравнительно малочисленные, но сильный с своим экономическим и политическим влиянием, помещики сумели мобилизовать вокруг себя не только все, что социально родственно было контр-революции; к своему классовому делу им удалось привлечь силы социально себе чуждые, а порой даже явно враждебные. Мы, например, встретим в среде дворянских организаций крестьян и даже группы темных и отсталых рабочих. Помимо общего невежества и политической отсталости большую роль в деле вовлечения этих слоев в ряды контр-революции сыграло духовенство, выполнявшее функции передового отряда контр-революции во вражеском стане.

Немедленно вслед за манифестом 17 октября в Петербурге все боевые силы контр-революции слились в одну партию, получившую название „Союза русского народа". За короткое время эта организация заняла руководящее положение во всем контр-революционном движении. Основателями „союза" были: доктор А. И. Дубровин, А. А. Майков, Полторацкий, А. и С. Тришатные, Пуришкевич, И. И. Баранов, а из числа духовенства—настоятель Воскресенского монастыря Арсений, епископ Митрофан, Иоаннн Кронштадский. Последний, пользуясь огромным влиянием при дворе Николая II, сразу же сблизил „союз" с царем. Этот же Кронштадский „пророк" освятил первое знамя „союза".

О деятельности „союза русского народа" меньше всего можно судить по его программе, которая была расчитана исключительно на уловление широких масс. Поэтому там имелись такие демагогические требования, как „уравнение всех трудящихся", „ответственность должностных лиц", „увеличение наделов малоземельных крестьян" и проч.

В действительности же, „союз русского народа" преследовал совершенно определенные контр-революционные задачи. Главнейшие из них были—борьба за восстановление царского самодержавия, неприкосновенность дворянского землевладения, подавление рабочих, крестьян и все нерусские национальности государства. Для этого „союз" не ограничивался одной пропагандой, организацией своих сторонников и агитацией. Он пер-

вым прибег к новому методу борьбы с революцией. Наравне с организацией погромов, „союз“ стал практиковать политические убийства, или белый террор.

С этим багажем „союз русского народа“ и двинулся в битву с революцией в тот момент, когда ее волны достигали своего наивысшего предела.

Высшая церковная власть благословила „союз“ уже при его зарождении. Так, по хлопотам П. Н. Дурново, вселенский патриарх Иоаким III в конце 1905 г. прислал ему свое первосвятительское благословение.

21 ноября 1905 г. в Петербурге в Михайловском манеже состоялось первое публичное выступление „Союза русского народа“. Как сообщает очевидец, „собравшийся народ состоял из жандармов, полицейских, монахов, военных в штатском, дворников. Перед под'ездом стоял двойной контроль. Билеты получались дворниками из участков. Речи состояли из выкриков—за веру, за царя... Музыка играла „боже царя храни“, монахи стали петь „царю небесный“... „тебя бога хвалим“... *) По окончании митинга состоялась демонстрация, собравшая в Петербурге, центре бюрократов, менее десяти тысяч человек. Во время демонстрации раздавались листки, изданные на средства министерства внутренних дел.

Уже по этому первому публичному оказательству „союзников“ можно в точности представить себе их состав и дальнейшую деятельность. Это было прежде всего сброд всех деклассированных элементов общества, за деньги способных на любое преступление: затем шли прикосновенные к органам полицейской охраны—жандармы, дворники, шпионы, полицейские. Все это люди с здоровыми кулаками, зычными глотками, всегда готовые неистово петь „боже царя храни“, но предпочитавшие более лаконическое—бей!.

В центре—руководящее ядро из незадачливых интеллигентов, сановников, бюрократов, помещиков, купцов и без конца духовных пастырей.

Последние в „союзе русского народа“ играли положительно доминирующую роль, особенно в провинции. Во многих городах „союз“ бывал делом исключительно их рук. Духовенство не только организовывало отделы и руководство их работой. Оно сплошь и рядом превращало церкви в „союзнические“ приюты. С подобного рода фактами мы часто будем сталкиваться в дальнейшем.

В лагере контр-революции „союз русского народа“ развил наиболее энергичную деятельность. Эта бурная активность привлекла к нему симпатии многочисленных мелких монархических

*) „Право“ № 47—1905 г.

организаций, которые почти полностью влились в него. Из этих организаций и создавались отделы „союза“ в провинции. Московский, например, „союз русского народа“ был совсем церковного происхождения. Он родился в недрах „общества хоругвеносцев“.

Параллельно с „союзом“ создавались и другие контр-революционные партии, имевшие особые назначения, но работавшие в тесном контакте с ним. К этому числу относится, прежде всего, „Союз землевладельцев“.

Контр-революционное движение среди помещиков началось еще в сентябре, но только в ноябре 1905 г. оно оформилось организационно в виде „Всероссийского союза“. 17 ноября в Москве собрались представители 33 губерний. Помимо членов организационного комитета, в квартире А. М. Каткова присутствовало на открытии с'езда 203 делегата. Среди деятелей этой махровой контр-революции мы встречаем уже прославленные имена Булацеля, Щербатова, Дорера, Павлова, Чемодурова. Все это деятели партии монархистов, или „союза русского народа“.

Первое слово в этом собрании, естественно, принадлежало духовенству. Священник Д. П. Лавров произнес прочувственное слово. „Братья, говорил он, черная грозовая туча нависла над родиной, страшная неслыханная смута разоряет наше царство... Смута в вере, смута в умах, смута в государственных, земских и церковных воззрениях, смута в народе, смута в правительстве, смута даже в войсках. Отечество в опасности и нет нигде защиты нам“. Но... не так уж страшно. „Как проблеск желанного солнца, как утреннюю зарю ясного дня, как предвестника этого великого, всенародного совета русских людей, мы горячо от всего сердца приветствуем открытие с'езда учредителей всероссийского союза землевладельцев и по благодати священства нам дарованной, всеми силами нашей души призываем на вас божие благословение.“ И тут же смиренный иерей наметил политическое содержание с'езда, как две капли воды совпадавшие с программой „союза русского народа“. „Во имя неприкосновенности православной церкви, державных прав русской народности и самодержавной власти русского царя вы собрались сюда.“ *)

В своих решениях помещики полностью солидаризировались с Д. П. Лавровым. От их имени председатель заявил, что **„краеугольный камень наших политических убеждений—это православие, самодержавие и народность.** Эти основные принципы безусловно обязательны для каждого из членов нашего союза и никакие споры и толкования по этим основам в нашей среде безусловно недопустимы“. Тут же выяснилось, что „высочайший

*) Первый всероссийский с'езд союза землевладельцев.

манифест 17 октября вверг нас в полное недоумение и как бы в ответ на него начались погромы и пожары наших усадеб и экономий".

Естественно, что при таком политическом настроении, главарь „союза русского народа" Дубровин произнес „краткое, но твердое приветствие, которое вызвало общее сочувствие и искреннюю признательность".

После всех этих излияний с'езд принял ряд решений, впоследствии проведенных в жизнь правительством. В них формула „православие, самодержавие и народность" переведена была на обыкновенный, общепонятный язык. Отметив, что судя по поведению правительства Витте „семейства наши, дома и имущество осуждены на истребление", помещики требовали:

1. Временное командирование в уездные города кавалерийских отрядов для охраны жизни и имущества землевладельцев.

2. Повсеместное, немедленное учреждение постоянных коннополицейских отрядов, коих сельская Россия до ныне лишена.

3. Прекращение самым решительными репрессивными мерами революционной агитации.

Такова была программа дворянской контр-революции, выполнение которой становилось обязанностью для правительства. Защита дворянских поместий превратилась в знамя всей реакции. Для духовенства этот вопрос был тем более важен, что оно само по себе стало об"ектом нападений крестьян. Аграрные волнения охватывали то и дело церковные земли. Опасность нависла над основным достоянием клира. Волынский архиепископ Антоний издал специальное возвание, посвященное земельному вопросу и обращенное к духовенству: „Держитесь крепко за землю, взывал он, которую пожертвовали церкви благочестивые наши предки для спасение душ своих. Не верьте льстивым обещаниям либералов заменить вам земельные доходы жалованьем от думы. Гораздо вероятнее, что они будут домогатся в думе отнять и то жалование клира, которое он теперь получает. Смотрите, чтобы не остаться без земли и без жалованья. Отнять землю без согласия вашего мудрено, а отнять жалованье. если не в первый набор думы, то во второй, весьма легко. Читайте, что делается во Франции с духовенством и религией и знайте, что либералам желательно то же в России делать".

Погромы помещичьих имений были резко осуждены духовенством. При этом оно сочло нужным подчеркнуть, что речь идет только о погромах дворянского достояния. Те же погромы, которые учинялись черной сотней в городах молчаливо, а иногда даже громогласно, одобрялись.

Епископ Андроник, поучая свою паству о сущности погромов писал: „После манифеста 17 октября господство красных продолжалось только три дня (местами же и того меньше), а с 20 и 21 октября уже пошли быстро собравшиеся народные патри-

отические манифестации, Народ гнал красных. Местами бывали и побоища. Только испытавшие на своих боках силу растущего народного движения красносотенцы поспешили опозорить это движение, прозвавши патриотов черносотенцами, погромщиками. И многие трусливые и малосмысленные поверили этой клевете"*).

Но совсем иным языком говорили иереи, когда речь заходила о погромах дворянских имений. „Человек питается не грабежами, а собственным трудом, поучал протоиерей Восторгов, глава московских монархистов. И не земля, не инструменты, не машины, не отнятый хлеб кормят человека, а его собственный труд. Кто завидует богатому и идет на погром его имения и на грабеж его добра, тот вдвойне грешит. Во что обратится жизнь людей, если каждый будет считать себя вправе грабить чужое имущество. Погромы и грабежи только позорят народ".**)

Хорошо известный нам Антоний Волынский, радостно не раз приветствовавший погромы и убийства в городах, в своем „Окружном послании в волынской пастве" писал: „Когда я слышу о бесчинствах в усадьбах некоторых помещиков, то не помещиков я жалею. Их обида быть может искупит некоторые согрешения их перед богом. Но я жалею вас, добрые крестьяне. Жаль мне душ ваших, которые вы хотите убить, участвуя в делах разбойничьих. С меня бог спросит о душах ваших. Могу ли я беспечно взирать на тот дух зависти, наглости, дерзости и грабежа, которому желают враги подчинить ваши сердца Люди! Кого вы начали слушать, нанятых, недоучившихся мальчишек, беглых матросов, изменивших царской присяге, выгнанных учителей, которые поступили в услужение врагам царя и России. Люди! Вы знаете, что я, ваш мужицкий архиерей, слушайте, что скажу вам. Поняли ли вы почему мятежники появились в ваших деревнях не раньше, а сразу после того, как по разным городам крестьяне **побыли и пожгли огнем бунтовщиков,** ругавшихся над царскими портретами около 20 октября. Бунтовщики испугались простого народа. Они увидели, что невозможно им уничтожить веру и низвести царя, пока не соблазнят крестьян. Они наняли разных негодных людей, по одному человеку на пять сел, дабы эти бессовестные и коварные люди, представляясь как бы доброжелателями вашими, внушали бы вам забастовку и грабежи. Не верьте воззваниям от ложного „крестьянского союза" в Москве. Такого союза нет. Это бунтовщики и обманщики, главари которых уже арестованы"*).

Проповедь неприкосновенности помещичьей и церковной земли голодавшему крестьянству, превращало духовенство в

---

*) Епископ Андронин. Беседы о „союзе русского народа".
**) Прот. Н. Восторгов Доброе слово православному русскому народу.
*) „Почаевский Листок" № 50.

об'ект ненависти последних. В деревнях на этой почве происходили бесконечные столкновения, завершавшие бойкотом, а то и изнанием священников из сел.

В таких случаях на помощь духовенству приходила полиция. Не раз бывали случаи, когда священники водворялись в свой приход с помощью вооруженной силы.

II

Процесс консолидации контр-революционных сил в середине ноября 1905 года завершился созданием всероссийского центра. 20 ноября в Москве официально об'явил о своем существовании временный „всенародной русский союз". Эта организация и занялась подготовкой всероссийского с'езда монархистов.

С этой затеей пришлось спешить. Ноябрь не только не принес успокоения в стране, но еще больше обострил положение. Революция делала несомненное успехи, проникая в такие области, как армия. Организация рабочего класса за короткое время „дней свободы" приняла небывалые дотоле размеры. Советы рабочих депутатов на глазах у колебавшегося правительства превращались кое где в органы власти. Революционная печать, точно вешние воды, проникала в самые отдаленные углы страны, всюду разнося призывы к борьбе за освобождение.

Контр-революция отчетливо видела все это и отдавала себе отчет в ближайших перспективах. Из этой среды и раздался клич о сильной власти. Только диктатура и беспощадное подавление революции способно спасти нас—вот основной мотив всех излияний реакционеров в эту пору. Жалуясь на безволие Витте, Иоанн Кронштатский писал в „Московских Ведомостях".

„Духовное руководительство, власть церкви попраны, богослужения пренебрегаются, проповедь бессильна. Анархия растет. Да где же власть сильная, авторитетная, самосозидающая?" И дальше обращаясь к царю: „Возьми ты власть и данное тебе от бога право и твердую рукою держи данные тебе богом скипетр и державу и будь страшен всем врагам. Тогда, увидев скипетр и державу в крепких руках, все злые будут приведены боятся тебя".

Правый лагерь даже выдвинул кандидата на пост диктатора в лице графа А. П. Игнатьева. В этом генерале контр-революция видела того сильного человека, который с'умел бы обуздать восставший народ. Но колебавшаяся монархия в те дни еще не решалась призвать Игнатьева к власти, опасаясь, что своей решительной реакционной политикой он только усилит размах революции. Энергично отстаивали кандидатуру Игнатьева и церковные круги. Не даром после убийства Игнатьева в 1906 г. епископ Платон говорил, что тот был единственным из государственных

деятелей, имя которого было на устах у всех русских, когда им приходилось особенно трудно. Среди общей растерянности, слабости и метанья из стороны в сторону, какие можно было наблюдать в правящих сферах (в конце 1905 г.), всем казался твердым один только Алексей Павлович".

Не чувствуя за собою почти никакой широкой общественной силы, контр-революция пошла по кратчайшему пути давления на власть. Для этого она прибегла к непосредственному воздействию на царя, путем депутаций, изображавших из себя „представителей народа".

В конце ноября московские контр-революционные организации: „союз русских людей", „монархическая партия", „союз землевладельцев" и „общество хоругвеносцев" избрали делегацию к Николаю II. Перед отъездом из Москвы 27 ноября в Чудовом монастыре было совершено напутственное молебствие. Литургию совершал архиепископ Никон, Арсений и многочисленное духовенство. Архиепископ Никон, обратившись к делегации, сказал: „Кто из истинно русских людей теперь не болит душой при виде той смуты, что мутным зловонным потоком разливается по лицу родной земли. И вот скорбящие люди в лице своих избранников решили пойти к самодержавцу своему, поведать ему все то, что измучило их душу, истомило, истерзало из сердце".

Делегация состояла в большинстве их представителей дворян-помещиков—кн. Щербатов, Чемодуров, Павлов, Булацель. От духовенства в ней участвовал игумен Арсений. I декабря делегация была принята Николаем II. В своих речах делегаты убеждали царя быть твердым и проводить решительно политику усмирения революции. В тот момент это легко было говорить, но делать куда трудней. Еще неизвестно было, каков будет исход столкновения царизма с революцией в ближайшие дни. Поэтому Николай II дипломатично ответил делегатам, что „манифест 17 октября не подлежит изменению".

Но картина резко изменилась после того, как восставшая Москва в декабрьских боях была залита кровью и побеждена. Спасительный страх уже не оказывал на царя свое влияние и он заговорил другим языком.

Накануне московского восстания контр-революция решила продемонстрировать в Москве свои силы. 6 декабря на Красной площади был устроен церковно-черносотенный парад. Устроители предполагали, что на призыв духовенства и правых организаций соберутся десятки тысяч людей. В воздухе уже пахло порохом и подобной манифестацией контр-революционеры надеялись отвлечь народные массы от революции. Но получалось нечто иное. Было на крестном ходе много духовенства, но народу мало. Манифестация вышла бледной, жалкой и никаких реальных последствий не имела. Даже преветственная речь московского

генерала-губернатора Дубасова никого не воодушевила. Зато разразившее вскоре вооруженное востание охватило всю Москву и усмирять его пришлось силами, вызванными из Варшавы и Петербурга. При усмирении Москвы впервые активно участвовали контр-революционные дружины, созданные при ближайшем участии духовенства „обществом хоругвеносцев". При этом следует отметить, что эти горе—вояки оказались неспособными ни к каким самостоятельным действиям. В лучшем случае они только помогали войскам и полиции.

Не одна Москва, вся Россия в те дни испытывала на себе все ужасы усмирения. Декабрь знаменовал конец колебаний Витте и торжество твердого курса Дурново. Наступательная тактика контр-революции в те дни получила первое признание.

23 декабря Николай II принял вторую черносотенную делегацию, на этот раз состоявшую из одних деятелей „Союза русского народа". Патентованные погромщики не только демонстрировали свою преданность трону, но домогались определенных политических обещаний не итти на уступки революции, как это имело место в октябре. На этот раз Николай II был разговорчивей. Милостиво беседуя с черной сотней, он призывал их к об'единению вокруг престола и даже принял из рук Дубровина два значка „союза" для себя и наследника.

Эта аудиенция имела большое значение для „союза". После высочайшего поощрения, бюрократы, генералы и сановники церкви наперерыв друг перед другом стали вступать в ряды этой контр-революционной организации.

„Губернаторы, архиереи и войсковые начальники, украсив себя значками союза, присутствовали на открытиях отделов, чайных и на всяких союзнических собраниях, давали часто средства для их поддержки, рекомендовали литературу, рассылали ее по земским начальникам и довели дело до того, что союз занял место какого то нового органа власти" *).

Завершился 1905 г. аудиенцией у Николая II делегации „Русского Собрания" 31 декабря.

Известный „союзник" Б. Никольский произнес перед царем такую резкую речь, что придворная цензура не разрешила ее напечатать. Во главе правительства, говорил Никольский, поставлен человек, которому никто в мире не доверяет, которого вся Россия презирает и ненавидит, которого каждый шаг встречается всенародным негодованием, которого убийственное бездействие предательски влечет нашу родину в бездну погибели.

Убийство, грабеж и разбой царят во всем отечестве нашем... Зарево октябрьских пожарищ, ураган неслыханных избиений и небывалое декабрьское побоище в Москве, показало с полной очевидностью, что сам народ на переломе и на предательство не

*) В. Обнинский. Новый строй.

согласен. Он вопит о власти, о той самодержавной власти, которую доверил некогда предку вашему... Воспряньте же карающим самодержцем. Военною властью, мощною военною властью да будет сокрушена, истреблена и сметена крамола. В противном случае мы не видим спасения ни вашему царствующему дому, ни нашему русскому строю".

Это энергичное выступление контр-революции об'ясняется распространившимися в эти дни слухами, будто по предложению Витте царь готовился присягнуть на верность конституции. „Московские Ведомости", передавая эти слухи, требовали от правительства опровержения их. И оно не замедлило последовать. Одновременно с яростным выступлением Никольского, помошник управляющего делами совета министров Вуич писал в редакцию „Московских Ведомостей": „По приказанию председателя совета министров сообщаю, что слухи эти представляют совершенно пустой вымысел, не имеющий никаких оснований".

И это была правда. Николай II не собирался присягать конституции, которую он ненавидел не меньше „союзников". Наоборот, вместе с ними он готовился уничтожать манифест 17 октября. У него только не было решимости сделать это сразу. Колебания и трусость царя вызывали настоящую ярость у правых, которые в своих секретных переговорах не скрывали свою ненависть за это к нему, хотя гласно называли его божеством. В письмах к Антонию Волынскому тот же Б. Никольский говорил: „Увы, ходынка—символ царствования... Мое мнение таково. Помочь делу может только катастрофа. До нового царствования лучше не будет (это вовсе не значит, что с новым царствованием будет лучше). Действовать еще рано, ибо реакция в обществе не назрела".

Эту же мысль Никольский высказывал в другом письме к вождю московских контр-революционеров Грингмуту по вопросу о гибели царской династии. „Помните мое слово года два назад, что династия погибнет на сербский лад от сибирских офицеров, прошедших в гвардию. Армия ненадежна, истины больше не скроешь. Если еще подождать немного, так разнуздаются все стихии".

Такова была наиболее последовательная контр-революция. Любопытно, что такой вождь духовенства, как епископ Антоний, соглашался с Никольским о возможности истребления всей династии Романовых. Поистине несть пророка в отечестве своем.

III.

Подавление революции после декабря было отдано в руки отменных палачей, не знавших ни границ, ни пределов своей зверской жестокости. Огнем и мечем яростно истреблялось все то, что имело хоть малейшее отношение к восстанию рабочего класса. Столь же свирепо расправлялось правительство и с крестьянским движением. Казалось все требования контр-революции выполнялись министерством Витте—Дурново. Но правые были далеки от мысли примириться с Витте, вокруг которого сосредоточилась вся их ненависть. Действуя, главным образом, за кулисами правительства, в придворных кругах, они добивались, прежде всего, отставки Витте. Епископ Антоний даже обвинил его в преднамеренном разжигании революции.

В письме в киевскому митрополиту Флавиану, Антоний писал: „Я на днях ездел по селам. Повсюду забастовка, а где и попытки разграбления. Я горячо обличал крестьян. Революция работает, а правительство графа Витте бездействует, может быть нарочно".

Агитация правых имела несомненный успех и, если Витте не был уволен еще в декабре, то только потому, что при дворе никак не могли столковаться о его заместителе. В марте Б. Никольский, человек несомненно хорошо осведомленный, писал некоему П. Ш. „Изменник, негодяй и висельник Витте со своею шайкою все еще не выгнан. Порадую вас, впрочем, достоверною вестью, что его уход до думы давно уже принципиально решен. Все дело в преемнике. Преемник один—граф А. П. Игнатьев, но именно потому, что сама сила вещей его выдвигает, готовы назначить кого угодно, только не его".

С самого начала 1906 г. в центре внимания правых были выборы в государственную думу. Повидимому, совершенно не учитывая настроения народа, черная сотня серьезно мечтала о завоевании большинства. Разгром революционеров в декабре казался им решающим, а закон о выборах в думу, отдававший во многих местах большинство выборщиков крестьянам, вселял в них уверенность в благополучном исходе выборов. Это настроение отразилось в постановлениях с'езда уездных и губернских предводителей дворянства, 4 января 1906 г., высказавшагося против наделения крестьян землей, но за скорейший созыв думы. Через несколько месяцев эти иллюзии рассеялись как дым.

С самого начала 1906 г. контр-революция стала энергично готовиться к выборам, сплачивая свои организации, создавая всероссийские об'единения. 8—12 февраля в Петербурге состоялся первый с'езд „истинно-русских людей", созванный „Русским Собранием".

По вопросу о сущности царской власти с'езд признал, что „Манифестом 17 октября не введена конституция и самодержавная, неограниченная царская власть остается в полной силе". Это было голословно, ибо манифестом 17 октября за думой признана была законодательная власть, что естественно ограничивало самодержавие. Но этим решением „истинно—русские люди" декларировали не то, что существовало хотя бы в теории, а к чему они стремились, т. е. к упразднению манифеста 17 октября. Совершить это могла только военная диктатура. Поэтому с'езд и признал, что „твердая власть и законный порядок должны быть восстановляемы правительством всеми, предоставленными ему, законными средствами".

В своем обращении к царю с'езд подробней развил свои политические взгляды. „Верноподданнически приемля манифест 17 октября, как самодержавное изволение вашей неограниченной власти, с'езд отвергает мысль, будто сим манифестом введена конституционная форма правления. Равным образом с'езд не допускает, чтобы на манифест дозволительно было взирать, как на обязательство царское, подлежащее будто бы закреплению присягою вашего величества. Такая присяга была бы непонятна или оскорбительна народу. Созываемая государственная дума ни в коем случае не должна превратиться в учредительное собрание".

Ответ Николая II был милостиво уклончивый, что приводило в такую ярость „союзников" типа Б. Никольского.

В общем первый с'езд монархистов носил лишь подготовительный характер. Основные вопросы политики были перенесены на второй с'езд, назначенный на 6 апреля в Москве.

Сейчас же после с'езда Николай II получил возможность засвидетельствовать свою солидарность с его решениями. 16 февраля в Царском селе им была принята черносотенная делегация „самодержавно-монархической партии" г. Иваново-Вознесенска. В ответ на приветствие царь ответил: „Самодержавие мое останется таким, каким оно было встарь". Возможно, что вне собственной воли царь высказал правильную мысль о сущности царской власти. Действительно, начиная с 1906 г. верховная власть в России многим напоминала полицейско-теократический деспотизм средневековья. Тот же безграничный произвол и то же господство кнута, насилья, ханженства и суеверий. Как и при первых царях, Николай II был окружен всевозможными проходимцами в клобуках и рясах. Все они именем бога благословляли все преступления правительства против народа, будучи неизменно более свирепыми, чем светские слуги трона.

Об'единенным фронтом контр-революция выступила на выборах в первую государственную думу. Духовенство всячески поддерживало правых и словом и делом. Священник фигуриро-

вали во всех кандидатских списках монархистов. Так из 120 кандидатов правых в выборщихи по Москве было 29 священников, помимо многих церковных старост, фигурировавших в качестве купцов или домовладельцев. Несколько меньше духовных было в кандидатском списке по Петербургу—всего 7.

Шумная реклама, афиширование своей близости к царю, прямые угрозы, а кой где и насилия не помогли погромщикам. Они скандально провалились везде по всей стране, не провели в думу ни одного собственного партийного кандидата. Это поражение было столь ощутительно и неожиданно, что контр-революция вначале растерялась. Свое поражение она об'ясняла... интригами и подкупами своих врагов. Этот жалкий лепет ни на иоту не менял положение вещей. Первая государственная дума оказалась полностью оппозиционной. Для деятелей из лагеря „истинно-русских людей" там не нашлось ни одного места. Этот исход выборов был тем более тяжел для контр-революции, что незадолго до этого ей удалось свалить графа Витте и посадить на его место своего человека Горемыкина.

В предвидении подобного исхода выборов, правительством заранее были приняты меры, долженствовавшие обезопасить царизм от возможных покушений со стороны государственной думы. С этой целью 20 февраля 1906 г. было издано дополнение к основным законам, включавшее в себе положение о государственной думе и реформированном государственном совете. По этим незаконно изданным основным законам, (а „основными" их сделали для того, чтобы государственная дума не могла их изменять), государственный совет превратился во вторую законодательную палату. Члены его состояли из двух равных половин. Одна назначалась царской властью, другая избиралась из разных групп только имущих и привиллегированных классов.

Чрезвычайно характерную роль в государственном совете царизм отвел духовенству. В преданности членов государственного совета, назначаемых царем, правительство было всегда уверено. Непокорного члена совета оно имело возможность всегда оставить за бортом. Но вторая половина, хотя и избиралась из среды господствовавшего класса, все таки могла поднести всякие сюрпризы. (Отметим здесь, что так оно и случалось в 1916 г.). Поэтому в числе избираемых была создана в отношении одной группы фикция избирательности. Такой группой было духовенство, выделенное в особую избирательную курию.

Согласно 4 пункта указа о реорганизации государственного совета „от духовенства православной российской церкви избираются святейшим синодом шесть членов государственного совета, трое из монашествующего православного духовенства и трое из белого духовенства". Но в самом синоде было всего семь членов. Эти то семь избирателей и выбирали шесть членов

государственного совета! Обман этим не ограничивался. Сами то члены синода никем не избирались, а были назначаемы той же царской властью.

Таким образом представители духовенства в государственном совете были не выборными, а по назначению. А это в корне меняло равенство двух половин—количество назначаемых увеличивалось на 12, правительство при любой комбинации имело обеспеченное квалифицированное большинство.

Государственный совет должен был выполнять роль тормаза в отношении думы и в то же время служить, если позволительно так выразиться, парламентской опорой для власти. Оба эти задания он с честью выполнял почти все время своего существования. Будучи оплотом реакции, государственный совет боролся против самых, даже архиумеренных реформ, если только против них высказывалась власть. В этом мрачном политическом учреждении было одно пятно, выделявшееся своей чернотой: то были „депутаты" духовенства.

IV.

Незадолго до открытия первой думы, деятели контр-революции собрались 6—12 апреля на свой второй всероссийский с'езд в Москве. Предстояло хоть чем нибудь об'яснить свой позорный провал на выборах и выработать линию своего поведения в отношении оппозиционной думы. На с'езде этом присутствовало до 300 человек „делегированных" от 51 организаций. К этим цифрам следует относиться с большой осторожностью. Склонность „истинно-русских людей" к преувеличениям общеизвестна. Они очень любили без всяких к тому оснований, говорить от имени миллионов, располагая доверием сотен.

Второй с'езд был густо окрашен в духовные цвета. Возможно, что известное влияние в этом отношении оказала Москва, крупнейший центр духовной контр-революции. Открытию с'езда предшествовало торжественное молебствие перед Иверской и другими особо чтимыми иконами. Молебствие совершал митрополит Владимир в сослужении с епископами Трифоном, Никоном, Серафимом, протопресвитером Успенского собора Марковым и многочисленным столичным духовенством. По окончании молебствия известный черносотенец протоиерей Восторгов произнес соответствующую речь, призывая всех „истинно русских" людей сплотиться ради спасения основ царизма.

С чувством особого удовольствия „Московские Ведомости" отметили, что по окончании моления с'езд открылся „в присутствии митрополита Владимира, преосвященных Трифона, Никона, Серафима и многих представителей духовенства". Усердствовали священники не одной Москвы. С приветствиями с'езду высту-

пили священники Лев Владыкин от саратовских монархистов, В. П. Лукин от Рузского отдела „союза русского народа", Н. Миловский и др. Особенно с'езд был тронут участием в его работах митрополита Владимира, которому „выразил глубокую благодарность за сочувствие к с'езду, проявившееся в том, что владыка совершил соборне с тремя епископами молебствие перед началом занятий с'езда и вступил в его члены".

После ряда заседаний и черносотенных демонстраций—с'езд принял множество решений, на разные лады повторявшие известные тезисы контр-революции. Потерпевшие на выборах поражение признали, что „государственная дума в том составе, который определился выборами, не может быть признана выразительницей истинных убеждений русского народа".

Несмотря на все усилия организаторов, им не удалось превратить с'езд в сильную монархическую демонстрацию. Об'ясняется это тем, что революционное движение, задавленное в декабре, снова оживилось в связи с компаний вокруг первой думы и тем вотумом недоверия, который был выражен всей страной контр-революционными партиями.

Хотя гр. Витте в это время был уже уволен, но правившие группы, накануне открытия думы, продолжали находиться по-прежнему в состоянии неуверенности и колебаний. Вот почему на приветствие с'езда Николай II через дворцового коменданта ответил ничего не говорящей благодарностью, уклонившись от политических деклараций.

После второго с'езда и событий, связанных с открытием первой думы, началась полоса похода черной сотни в массы.

Первая государственная дума в большинстве своем состояла из представителей либеральной буржуазии и радикальных демократов, прошедших, главным образом, от крестьян. Успех либералов об'яснялся не их популярностью в стране, а ненавистью широких масс к царскому правительству. Избирали не либералов, а противников правительства; посколько революционные партии бойкотировали выборы, либералы оказались в центре оппозиции. Надежды правительства на голоса крестьян рухнули. Крестьянство, политически отсталое, всетаки было солидарно в одном—помещичьи земли должны быть конфискованы. Эта истина была очевидна для всех. Земельный вопрос становился неизменно центром общественного движения, будучи в то же время решающим фактором в судьбах контр-революции.

Вот почему, как только выяснились результаты выборов, волнение охватило дворянство. Уже второй с'езд монархистов по этому поводу принял резолюцию: „Земельная собственность, как и всякая другая собственность, должна быть неприкосновенной и никакие меры направленные к успокоению возникшей смуты, не должны касаться права собственности".

Но еще до этого с'езда тамбовское дворянство обратилось с призывом ко всем землевладельцам „как можно скорее созывать экстренные собрания для выбора делегатов на общедворянский с'езд, который мог бы подать свой голос еще до открытия государственной думы". Это предложение встретило горячую поддержку в среде монархистов.

Но собраться до открытия думы дворяне не успели. Общедворянский с'езд начал свои работы лишь 22 мая 1906 г. Этот с'езд создал постоянный „Совет об'единенного дворянства", сыгравший выдающуюся роль во всем дальнейшем контр-революционном движении.

По кардинальному вопросу тогдашней политической жизни с'езд дворян высказался совершенно отчетливо. „Проведение земельного закона на началах принудительного отчуждения частного владения поколеблет в корни один из наиболее твердых устоев государственной жизни—неприкосновенность права собственности. Проповедь отчуждения земли скрывает за собой и служит первым шагом к победе идеи социализма".

Обращаясь к царю дворяне заявляли, что „не бросят своих гнезд и до конца выдержат трудную борьбу с революцией". На защиту этих гнезд и была призвана вся контр-революция, духовная и светская.

V.

Как только выяснился исход выборов в первую государственную думу, все контр-революционные силы об'единились в одном стремлении уничтожить ее.

Правительство Горемыкина относилось к думе явно враждебно. Антидумские выступления черной сотни были ему только на руку. Кампания эта началась точно по команде бесчисленными обращениями к царю контр-революционных организаций с просьбами о разгоне думы. Все эти телеграммы печатались изо дня в день на страницах официального „Правительственного вестника". Этим самым власть гласно солидаризировалась с домогательствами кучки людей, стремившихся ценой нового преступления сохранить в своих руках власть над целым народом. Во всех этих телеграммах неизменно проводилась одна мысль—дума должна быть распущена. Фабриковались эти телеграммы по прямому указанию из центра. Из городов, обыкновенно, посылались они от имени местных монархических организаций.

Но из деревень домогательства монархистов совершались от имени крестьянства. Под руководством сельских священников кучки кулаков выносили приговор от имени всего общества и отправляли его в Петербург. Когда крестьяне узнавали об этом, начинались, обыкновенно, волнения, завершавшиеся порой нападениями на духовенство. Так, в Бобровском уезде, Воронежской

губернии во многих местах крестьяне, возмущенные подобными действиями духовенства, заставили запереть церкви и не допускать в них службы. Духовенство с семьями и скарбом вынуждено было бежать в город. В деревне Сокули, Луцкого уезда, крестьяне, после проповеди священника о необходимости разогнать думу, разгромили его дом. Вещи были вынесены, он сам и семья насильно отведены за черту прихода. По прибытии полиции пятеро крестьян, указанные как зачинщики, были посажены в Луцкую тюрьму.

В дер. Новоселки, Корочанского уезда, Курской губернии, крестьяне избили местного священника о. Знаменского за подобные же проповеди. В этой же деревне особенно досталось агентам „союза русского народа".

Иногда священники посылали телеграммы за собственной подписью от имени крестьян. Так, священники Николай Беляев и Константин Орловский от имени крестьян сел Чепчугова и Богородицкого, Вяземского уезда, Смоленской губернии „слезно просили царя-батюшку: не упускай и не отдавай своего самодержавия, карай обидчиков и преступающих твою царскую волю". Об этом же молили Николая II член совета московского „союза русских людей" священник Николай Строганов, настоятель Чеповеческого собора Гавриил Уминский и многие другие. Отцы из Почаевской Лавры состряпали „приговор десяти тысяч крестьян", благословлявших дворянское иго.

Когда же в государственной думе раздался решительный протест против печатания всех этих телеграмм в „Правительственном вестнике", правые подняли неистовый вой, обвиняя думу в стремлении „ввести цензуру над всеподданейшими телеграммами". Протест думцев никакого значения не имел, а телеграммы продолжали печататься. 16 мая на имя царя прибыла телеграмма из Липовца, где ему предлагалось верить только „союзу русского народа". Под этой телеграммой стояла подпись четырех священников.

4 июня „монархическая партия" обратилась к царю с адресом, в котором уже раздавались прямые угрозы. „Повели, пока не поздно, говорилось в нем, раздавить крамолу в лице ее руководителей, ставших к стыду и позору нашему законодателями страны... Не медли государь. Если теперь льются ручьи крови твоих верных слуг, то скоро потекут реки ее, если ты не предотвратишь их самодержавной властью". Так писали протоиереи Восторгов и Востоков, лидеры этой „партии", апостолы смирения и незлобия. А „Московские Ведомости" ребром поставили вопрос. Говоря о наличии государственной думы, орган монархистов признавал, что „распутать этот гордиев узел нельзя", можно только „разрубить его". Это уже был прямой призыв к перево-

роту, к упразднению думы. В этом смысле и предлагалось „русским людям просить государя“- А те, разумеется, не заставили себя долго уговаривать.

Одними адресами деятельность контр-революции не ограничилась. Поощряемые властью черносотенцы возвратились к методам октябрьских дней. 3 июня ими был устроен погром в Белостоке, во время которого войска и полиция принимали активное участие в убийствах на глазах у всех.

Интересные сведения о роли „союзников“ в этом погроме были напечатаны в газете „Голос“ 10 июня 1906 г. „На днях, говорилось там, состоялось собрание союза русского народа“. На повестках значилось: „Бюро союза русского народа просит вас пожаловать на чашку чая по поводу погрома в Белостоке“. Собрание было довольно многолюдное. Говорили разные ораторы и между ними один из Белостока. Этот сделал доклад о деятельности белостокского отдела союза. Оратор сообщил, что союз подготовлял погром в течении 26 дней, что на это дело затрачено 9000 р. В день погрома из Москвы прибыли в Белосток 28 человек и одним из них была брошена петарда на Липовой улице. В заключение, главному комитету союза поручено было выразить белостокскому отделу большое русское спасибо“.

Белостокский погром получил яркое освещение с думской трибуны. При этом бывшими авторитетными деятелями правительства были разоблачены подлинные организаторы погромов. покоившиеся в недрах министерства внутренних дел. Тогда же за одно выяснилась и роль вождей „союза русского народа“ в деле организации этих погромов.

Эти убийственные разоблачения вызвали настоящий скрежет зубовный во всем контр-революционном стане. Со всей яростью монархисты обрушивались на правительство, медлившее „разогнать думу штыками“. Граф Игнатьев прямо заявил сотруднику „Нового Времени“, что думу следовало разогнать сейчас же, а „не допустить ее до того безобразия, в котором мы ее видели“. В одном письме к Игнатьеву Б. Никольский писал: „Податель сего муж добрый и черносотенный, черный как китайская тушь и приехавший сюда требовать роспуска государственной думы. Я устроил ему, что мог, для достижения сей благой цели, но за сим счел весьма не вредным, чтобы вы его повидали и с ним побеседовали. Есть основания думать, что он побывает в гостях у хозяина (т.-е. у Николая II). Если бы вы нашли возможным, то по получении сей записки, не откажите распорядиться, чтобы ему назначили время приема“ *).

Однако судьбу думы решил „Совет об'единенного дворянства“. Как раз в тот момент, когда аграрный вопрос был постав-

*) „Былое“ № 21.

лен в ближайший порядок дня, первая дума была распущена указом Николая II. При этом основным мотивом этого акта была забота об интересах дворянства. „Крестьянство, говорится в манифесте 9 июля, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества... Да будет ведомо, что мы не допустим никакого своеволия и всей силою государственной мощи приведем ослушников закона в подчинение нашей царской воле". Одновременно с роспуском думы в отставку ушел Горемыкин. Во главе власти был поставлен П. А. Столыпин, незадолго до того прославившийся на посту Саратовского губернатора двумя погромами и усмирением крестьян.

Контр-революция одержала победу, хотя и не полную. Ее требование упразднения думы не было осуществлено. Созыв второй думы был назначен на 20 февраля 1907 г. За восемь месяцев междудумья правительство надеялось с помощью жестоких репрессий и черносотенных партий создать в стране такое положение, которое гарантировало бы ему победу на выборах. Замысел был, несомненно, очень широкий, только завершился он далеко не так, как хотелось контр-революции.

VI.

Разгон думы, занятие Таврического дворца войсками и полицией вызвало всеобщее негодование в стране. Большинство думы издало воззвание к народу, призывавшее не платить податей и не давать правительству рекрутов. Представители рабочих и крестьян кроме того, призывали народ к активной борьбе с царским правительством. Эти призывы нашли отклик в стране. Массовые забастовки и грозные военные восстания были ответом революции на тиранию царизма. Хотя правительству и удалось подавить эти восстания, тем не менее оно еще не могло считать себя победителем.

Как раз после разгона думы крестьянские волнения приняли снова массовый характер. Правительство увидело, что одними драгунами положение спасти нельзя было. Вслед за указом о роспуске думы синод разослал циркулярное предписание всем епархиальным архиереям, в котором говорилось, что если „прихожане пожелают узнать изменятся ли условия крестьянского быта к лучшему, то для этого следует устраивать в школах беседы, на которых священникам вменялось в обязанность успокаивать население, говоря, что царь сам понимает нужды народные и скоро сделает для крестьянства все для него полезное. Манифест о роспуске думы должен быть прочитан в церквах в ближайший праздничный день и должен быть пояснен в соответствующем смысле".

„Соответствующий смысл" был без дальных слов понят клиром. В церквах начались благодарственные моления за роспуск думы, которую священники обливали всяческой грязью.

16 июля в Преображенском всей гвардии соборе настоятель прочел указ о роспуске думы. Затем он произнес проповедь, где доказывал, что „дума была подкуплена поляками, евреями и другими инородцами". Прихожане в это время с шумом и протестами выходили из собора. В тот же день в Луцком соборе в Киверцах в начале благодарственного молебна, по случаю роспуска думы, крестьяне и рабочие в виде протеста покинули церковь. Назарий, епископ Новгородский приказал трезвонить по всем церквам по этому радостному поводу.

Легко себе представить, каковым должно было быть отношение народных масс к этому духовному ликованию, тех самых крестьянских масс, которые ожидали от думы земли и воли.

В Вятской губернии, в селе Сорвижи возникли крестьянские волнения. Причиной их послужил подложный приговор от имени крестьян, в котором выражалась благодарность по поводу роспуска думы. Приговор этот был отправлен в министерство внутренних дел. Волостное начальство крестьянами было смещено. Черносотенный батюшка и земский начальник бежали. Для водворения порядка губернатору пришлось послать туда стражников. Подобные факты далеко не были единичными. Газета „Мысль" сообщала, что „в министерстве внутренних дел получены сведения, что крестьяне, обвиняя местных священников в том, что они заодно с властями и помещиками, стали составлять и подписывать приговоры об отобрании у служителей церкви земли".

Окрыленные успехом, контр-революционные организации после роспуска думы развили энергичную деятельность. Как раз в этот момент духовенство целой лавой влилось в их ряды.

В Севастополе архиепископ Алексей рекомендовал всем священникам посещать собрания „союза русского народа".

Казанский архиепископ Дмитрий запретил духовенству входить даже в „союз 17 октября". Единственно, что им разрешалось—это вертепы „союза русского народа".

В Олонецкой губернии по приказу епархиального начальства черносотенная литература раздавалась в церквах. То же делали монахи в Воронежской губернии. А в Бессарабии консистория предписала священникам „водрузить повсеместно стяги „союза русского народа" в церквах".

Погромные знамена, на которых еще не обсохла кровь и грязь этим превращались в эмблемы святости. Саратовский архиепископ Гермоген, став во главе местной черной сотни, призывал к тому весь клир. С ослушниками этот владыка был далеко не милостив: изгонял из приходов и „не вмешивался в дело

даже тогда, когда полиция без его ведома расправлялась с духовными лицами, не принадлежавшими к партии монархистов".

Киевский митрополит Флавиан обратился с посланием к духовенству, в котором говорилось, что крамола не только не искорена, но даже продолжает расти в народных массах. Поэтому митрополит предложил на эктениях произносить установленные синодом моления об искоренении крамолы. Кроме того митрополит ставил на вид, что после манифеста 17 октября некоторые дьяконы позволили себе не упоминать на эктениях слово „самодержавнейший".

Вся эта деятельность духовенства имела свои естественные резульзаты. Трудящиеся массы стали отворачиваться от церкви. Об этом синод прямо заявил в своем постановлении от 27 июля, разосланного по епархиям. Согласно этому сообщению „враждебное отношение крестьян выражается в том, что они отказываются вносить духовенству плату за церковную службу по ценам, освященным обычаем прежних лет, а сборы натурой отменены ими совсем".

Эта враждебность, однако, не изменила сочувственного отношения синода к контр-революции. Вскоре после этого признания Синод предложил высшему епархиальному начальству зорко следить за деятельностью священников, особенно сельских и давать им для руководства инструкции. Кроме того, епархиальное начальство обязано было отмечать ревностных исполнителей административных предписаний и награждать их сообразно заслугам каждого. Этим распоряжением, фактически, осуществлялся проект К. П. Победоносцева о пользовании услугами духовенства для административного воздействия на массы населения.

Черносотенной проповедью, погромами и избиениями деятельность контр-революции после роспуска первой думы не исчерпывалась.

„Союз русского народа" к этому времени уже имел готовые тайные боевые дружины, которые стали практиковать белый террор в отношении лиц, опасных для царского правительства. Исчерпывающую характеристику этим дружинам дал бывший секретарь газеты „Русское знамя" А. И. Прусаков 15 июля 1917 г. „Созданием таких боевых дружин преследовали цели различные: во первых, борьба с политическими противниками, во-вторых, сведение счетов с личными врагами и, наконец, работа таких дружин сводилась к учинению разбоев, грабежей и убийств. Дубровин не только не препятствовал явно преступной деятельности дружин, но даже поощрял их. Инициатором создания боевых дружин был сам Дубровин, фактическим организатором и распорядителем дружин был И. М. Юшкевич-Красковский. В случае совершения дружиною каких либо преступлений, грабежей и даже убийств, Дубровиным гарантировалась безна-

казанность, которая выражалась или в непреследовании, или в помиловании осужденных. Известный одесский погромщик Моисеенко и известный кулачник в Екатеринославе околодочный Кузнецов, после осуждения их судом были не только помилованы, но и определены на службу в дворцовую полицию. В состав бывших дружин входили карьеристы-чиновники, а также чиновники опороченные по суду, опустившиеся рабочие, люди дна и содержатели домов терпимости. Все эти лица стояли на весьма низком уровне нравственности и пользуясь званием члена „союза русского народа" обделывали разные нечистые дела". *). Этот далеко не лестный отзыв подтвердил и одесский градоначальник генерал Григорьев в письме к П. А. Столыпину. „Как показали неоднократные полицейские дознания, писал он, дружина состоит в большинстве из подростков без определенных занятий, в числе которых находятся и лица, привлекавшиеся к ответственности за кражи, а также известные полиции, как сутенеры, живущие за счет проституток". **).

Боевые дружины строились по всем правилам конспирации. Членов приводили к присяге. „Я сам видел такой лист с клятвенными обещаниями", показывал потом А. В. Половнев. Это был большой лист с изображением двух черепов. Я такого листа не подписывал, но должен сказать, что был приведен к такой присяге через священника, я целовал евангелие и при этом присутствовали Дубровин, Юшкевич-Красковский и В. П. Соколов. Оружие дружина получала через градоначальника. Что касается денежных средств, то таковые давали правительственные власти. Я удостоверяю, что вся деятельность с. р. н. в отношении вооруженной борьбы, вплоть до убийства лиц левых партий, была известна и встречала содействие и покровительство со стороны высших правительственных властей".

Из показаний известного жандармского офицера М. С. Комиссарова мы узнаем, что „в организации дружин принимал участие градоначальник фон-дер-Лауниц". ***).

От Петербургского градоначальника не отставали и провинциальные власти. Так, граф Коновницын, бывший председатель одесского „союза русского народа", в 1917 г. показывал следственной комиссии: „сочувственно и покровительственно к работе дружины относились":

1. Одесский градоначальник Иван Николаевич Толмачев, укрывавший преступную работу дружины, если дружина совершала эксцессы, то он через полицию прикрывал их.

---

*) «Союз русского народа».
**) Донесение Григорьева Столыпину 17 августа 1907 г.
***) Союз русского народа.

2. Командующчй войсками Александр Васильевич Каульбарс, который и давал оружие дружине.

3. Дворцовый комендант Владимир Николаевич Дедюлин, который как приближенный царя покровительствовал деятельности союза во всех его видах.

В начале 1906 г. в Петербурге, Москве и в других городах черносотенные дружины совершили целый ряд нападений на рабочих социалистов. Эти разбойничьи налеты вынудили тогда социал-демократов к ответным репрессиям. В Петербурге за Невской заставой был взорван штаб черносотенных дружин, помещавшийся в трактире „Тверь".

Однако это предупреждение большого влияния на „союзников" не оказало. Взрыв „Твери" привел лишь к тому, что дружинники стали более конспиративны, уделяя меньше внимания рядовым рабочим-революционерам. Зато их удары направились в сторону тех общественных деятелей, которые вызывали к себе ненависть контр-революции.

18 июня 1906 г. в Териоках, в Финляндии несколькими выстрелами из браунинга был убит член первой государственной думы Герценштейн. Сущность этого убийства была очевидна. Герценштейн далеко не выделяся, как революционер. Это был умеренный либерал. Но он был специалистом-аграрником и в государственной думе выступал за принудительное отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства, чем вызвал бешеную ненависть к себе контр-революции и дворянства в первую очередь. Теперь нам станет понятно, чью волю выполняли убийцы, все эти Казанцевы, Половневы, Ларочкины, Красковские, Александровы.

Когда после совершения убийства участники собрались у Дубровина и стали рассказывать ему детали преступления, тот „слушая, с удовольствием похлопывал по плечу Казанцева, в виде одобрения за выполненное им убийство. „Дело, конечно, не ограничилось одним словесным одобрением. Пришлось организатору этого убийства Юшкевичу,—Красковскому уплатить „в два приема сначала 4000 руб., а затем еще 21000 рублей". Этой суммой расходы по убийству не исчерпывались". Долгом считаю отметить, показывал Прусаков, что много было разговора по поводу убийства Герценштейна, говорили довольно открыто, при чем этому много способствовало то обстоятельство, что рассчеты Дубровиным с выполнителями этого дела не были произведены „добросовестно" и не были им выполнены данные обещания".

Дубровин, как оказалось, кой кого надул, чью то денежную долю присвоил. В конечном счете это привело к тому, что обиженные разоблачили все дело и убийцам пришлось сесть на скамью подсудимых в Финляндии, кроме, конечно, главного убийцы Дубровина, которого царское правительство не выдало финляндским властям.

Как относилась духовная контр-революция к этим кровавым актам? Уже из писем главы духовенства Антония Волынского мы знаем о его горячем сочувствии к самым кровавым методам подавления революции. Но гласно солидализироваться с убийцами духовенство избегало. Устами своих вождей оно открещивалось от белого террора, делало даже вид, что осуждает его. Так 28 декабря 1906 г. протоиерей Восторгов заявил, что монархисты „решительно осуждают всякий террор".

Это, однако, не мешало менее дипломатичным и более экспансивным деятелям духовной контр-революции призывать печатно и устно к убийствам. В этом отношении наиболее громкую славу приобрел отец Виталий, редактор „Почаевских листков" и любимец петербургских дворянских салонов Иллиодор. Погромная проповедь этих людей всегда завершалась избиениями и насилиями. При этом попытки высших духовных властей хоть сколько нибудь умерить пыл этих апостолов убийств ни к чему не приводили. За их спиной стояли столь влиятельные особы, что даже синод смиренно опускал очи долу, не решаясь посягать на деятельность этих пастырей. Совершенно беспримерный случай в этом отношении произошел с Иллиодором. Чудовищная деятельность этого монаха в Почаевской Лавре вывела из себя в конце концов такого реакционера, как Антоний Волынский, который потребовал от синода убрать его из Лавры. В ответ на это синод вселил Иллиодора... в архиерейский дом самого Антония. Когда же Антонию удалось избавиться от этого изувера, синод направил его в Ростов н/Дону. В первый же день появления Иллиодора в этом городе—14 сентября 1907 года произошел погром.

Теснейший союз духовенства с „союзом русского народа" обязывал первых не только итти на поводу у этой партии, но и прикрывать все ее преступления.

VII.

Черносотенный террор шел рядом с официальным, правительственным. После роспуска думы министерство Столыпина приступило к проведению решительных репрессий против революции. Мы говорим министерство, поскольку оно являлось исполнительной властью в государстве. В действительности, Столыпин выполнял лишь волю и пожелания дворянства, настойчиво проводившиеся в жизнь их „Об'единеиным Советом".

13 августа 1906 г. был издан закон о „военно-полевых судах", превративший белый террор в нормальное средство управления. Суды эти стали применяться в отношении тех деяний, состав которых был „настолько очевидным, что не было надобности в его расследовании". Приговоры же обязательно приводились в исполнение в 24 часа, при этом, как правило, или почти

всегда оканчивались казнями. Военно-полевые суды предназначены были, прежде всего, для устрашения революционеров. Контрреволюция добивалась этих судов еще с декабря 1905 г. Их появление горячо приветствовалось и деятелями духовной реакции. Так, 14 сентября „Почаевские известие" писали: „Военно-полевой суд в Кельцах приговорил шесть человек к смертной казни через расстреляние. Слава богу, работает усердно военно полевой суд на благо русского народа, много натерпевшагося от разбойников—демократов".

В атмосфере этого белого террора, погромного разгула союзнических дружин, убийств и насилий собрался 1 октября в Киеве с'езд представителей всех контр-революционных организаций России. На этот раз в их выступлениях чувствовалась бодрость, сознание своей силы и успехов. Это сразу же выяснялось в связи с телеграфной перепиской между председателем с'езда и главой правительства. В телеграмме Столыпину с'езд засвидетельствовал свою „глубокую благодарность за твердую, мужественную решимость вашу вести борьбу против смуты в отечестве нашем всей государственной мощью. Введением военно-полевых судов вы даете русским людям отрадное доказательство, того, что решение ваше бороться со смутою остается не одим пожеланием, но энергично проводится в жизнь". Столыпин ответил на это: „Искренно тронут приветом с'езда, крепко верю, что господь поможет России пережить трехлетье и водворить у себя порядок.

Не только русский царь, но и германский император Вильгельм II поспешил засвидетельствовать свое почтение Киевскому сборщу погромщиков. В связи со слухами о приеме Вильгельмом II графа Витте, в его пребывание в Берлине, Киевский с'езд послал германскому императору телеграмму, где между прочим говорилось: „Прочитав телеграфное сообщение о новых знаках монаршего внимания, оказанных вашим величеством графу Витте считаем своим долгом по сему поводу выразить вам, государь, чувство глубокой скорби. Русскому сердцу больно видеть, что глава германского народа так мало считается с чувством русского народа и отмечает своим высоким вниманием того, кого вся русская страна признала виновником бедствий, обрушившихся над злосчастной родиной нашей". На это необычайную телеграмму фон-Микель, германский поверенный в делах поспешил ответить с'езду, что телеграмма его „основана на ошибочном предложении, ибо его величество никому и ни в какой форме не обнаруживал по отношению к графу Витте тех намерений, которые приписаны его величеству в вашей телеграмме".

Неудивительно после этого, если местные власти от губернаторов до приставов распинались в своем усердии перед черной сотней.

Киевский с'езд монархистов должен был закрепить те завоевания, которые были достигнуты контр-революцией и главное об'единить разрозненные ряды черной сотни. Разгон думы, военно-полевые суды, сплошной произвол власти—все это было, несомненно, крупные достижения, но они были очень далеки от окончательной победы над революцией. На смену первой думе шла вторая, избирательный закон не был изменен, а это сулило мало хорошего реакционерем. Хотя они и отрицали законодательную думу, но участвовать в выборах собирались с большими надеждами на устах. Надежды эти зиждались не столько на их влиянии, сколь на административную помощь правительства. Поэтому главное внимание с'езд уделил вопросам об'единения монархических организаций. Хотя единство в конечном счете было достигнуто, но оно оказалось впоследствии эфемерным и не спасло ряды черной сотни от дальнейших расколов в следующем же году.

В связи с выборами во II-ю государственную думу с'езд принял резолюцию об изменении избирательного закона властью царя, а не в порядке, предусмотренном основными законами. Решение это, имевшее характер государственного переворота, впоследствии было проведено в жизнь.

Необычайно ярко проявило свое участие в работах этого штаба контр-революции духовенство. Открылся с'езд молебном, который совершал митрополит Флавиан в соборном сослужении с епископами Платоном и Агапитом, архимандритами Амвросием Назарием и Мельхиседском, протоиереем Преображенским и многочисленным городским духовенством. По окончании службы Флавиан обратился к с'езду. „Как представитель церкви Киевской, я сердечно приветствую собрание ваше и от всей души желаю, чтоб оно еще тесней об'единило вас. Да будет многоплоден и обилен благими последствиями для нашей родины настоящий с'езд ваш, на труд и занятия которого я призываю благословение божие". Затем начались приветствия духовных контр-революционеров. Протоерей Ф. А. Васютинский поднес с'езду икону Черниговского „союза русского народа", А. Т. Соловьев от общества Казанских церковных старост ратовал за помощь царю в деле восстановления самодержавия, архимандрит Виталий, гордо провозгласив себя и своих союзников черной сотней, обещал с'езду итти „на муки и пытки за царя и веру". Одесские церковники телеграфировали: „Приветствуем третий с'езд, желаем успеха по собиранию русских людей. Епископ Дмитрий, протоиерей Фроловский, протоиерей Яновский, протоиерей Попов, священник Шаровский и причт: Маковейский, Колченков, Николаев, Азиров, Попов". Прибыл на с'езд и известный черносотенец игумен Арсений, накануне сосланный на послушание в Соловки за то, что в соборе в Ярославле провозгласил анафему всей русской интел-

лигенции. „Ныне подчиняюсь только царю и вам"—заявил он с'езду, который устроил погромствовавшему во христе монаху овацию.

Хорошо известный по своей контр-революционной деятельности митрополит Московский Владимир телеграфировал с'езду: „Усердно молю всевышнего, да поможет он с'езду русских людей достигнуть исполнения воодушевляющих их благ желаний". А памятный читателям епископ Никон, автор известного погромного воззвания в московских церквах, в октябре 1905 г. за это переведенный в Вологду, прислал целое пастырское послание с'езду. „Из далекой и холодной Вологды, говорилось в нем, заботливою мыслью и горящим сердцем стремлюсь туда, где вы собрались на общий совет... Мне хотелось бы отсюда громко воззвать к вам: братья, будьте единодумны, сплотитесь теснее в единый крепкий союз... Умоляю вас, не дробитесь, не делитесь на партии. Единство во что бы то ни стало. Ведь только этим путем можно будет раздавить революцию и возвратить покой в усадьбы благороднейшего дворянства". Священник Ф. А. Васютинский придумал даже оригинальный способ об'единения. Надо „приурочить к празднику Покрова открытие общих собраний всех монархических организаций, как праздник".

Это предложение понравилось и по предложению Грингмута было решено, соорудись икону Покрова богородицы, которую будут привозить на каждый с'езд, дабы она служила символом единения монархистов.

Священник К. Концевич удостоверил с'езду, что победа правых на выборах по Волынской губ. произошла только благодаря вмешательству покровителя края св. князя Острожского.

Граф Гейден счел долгом засвидетельствовать о черностенной деятельности Таврического епископа Алексея „нравственно ободрить которого прошу усерднейше с'езд", что тот немедленно и сделал. „С негодованием услышав о злобных кознях против вас неистовой крамолы, телеграфировал ему с'езд, шлем доблестный архипастырь любовь и почитание за то, что мощным словом своим возжигаете в сердцах пламень патриотической ревности и мужественное стояние против супостатов самодержавного царя".

Священник В. Пестряков выступил против указа Синода, запрещавшего батюшкам слишком откровенные погромные выступления. „Последний указ синода, заявил он, прямо толкает русское духовенство в союз 17 октября!! Нам имеющим одно сердце, одну душу нужно одно общее название".

„Восторженно слежу за речами и деяниями с'езда и благодарю от всего сердца господа, смилостивавшегося над Россией и собравшего верных чад своих для защиты веры, царя и отечества", писал Иоанн Кронштадский.

Основатель и вождь поволжских черносотенцев епископ Гермоген, „глубоко тронутый выражениями одобряющего" привета, „поспешил приветствовать третий" светлый сонм („мы черная сила" говорил на с'езде Пуришкевич) представителей великого православного ополчения".

Со своей стороны с'езд послал иереям свою благодарность. „Русские люди, говорится в обращении к И. Кронштадскому, собравшись на 3 с'езд, шлют тебе, дорогой пастырь, свой до земли поклон и просят святых молитв, благословения на патриотический подвиг духовной борьбы с крамольной изменой родному православию, богом установленной самодержавной власти".

Мы уже говорили о пастырском послании синода, где между прочим, упоминалось „о христианском братолюбии к людям, чуждым святой веры". В этом напоминании Киевский с'езд усмотрел отрицательное отношение синода к погромам, за что ему немедленно было сделано строжайшее внушение. „Считаем долгом высказать сему сонму правящих делами церкви нашей, говорилось в телеграмме с'езда синоду, коль скоро потребуется от нас братолюбие к открытым врагам православной веры, самодержавного государя и отечества, то столь распространительное толкование христианского милосердия мы считаем противоречащим христову учению, повелевающему нам защитить веру, царя и родину, как от врагов внешних, так и от врагов внутренних, не щадя живота своего до последней капли крови". Текст этой телеграммы не только не встретил возражений со стороны многочисленного духовенства, участников с'езда, но был, даже повидимому делом рук этих священников, не скрывавших своего неприязненного отношения к тогдашнему обер-прокурору синода Извольскому.

Несмотря на горячие послания духовенства и уговоры Киевского губернатора *) создать единую партию монархистов с'езду не удалось. Было создано нечто вроде временного блока правых на предмет проведения избирательной кампании во вторую думу. Во главе этого блока была поставлена „главная управа об'единенного русского народа", состоявшая из протоиерея Восторгова, Дубровина и кн. Шаховского. Особую деятельность управа эта не проявила, поскольку отдельные монархические клики не желали раствориться в общем черносотенном болоте.

---

*) По случаю открытия с'езда губернатор ген. Веретенников писал председателю: „Взаимные раздоры и несогласия из за мелочей и часто из за первенства всегда были причиной гибели самых благих начинаний. На этот раз я убежден, что высокая цель настоящего собрания соединит всех присутствующих вокруг русского знамени .

VIII.

Киевский с'езд монархистов открыл собой избирательную кампанию правых. На этот раз условия были совсем иные, нежели во время первых выборов. От неопытной сдержанности Витте не осталось и следа. Правительство не только энергично готовилось к выборам, оно принимало в них активнейшее участие и, разумеется, на стороне правых. В общем, между властью и активной контр-революцией был заключен молчаливый союз, поскольку обе стороны стремились к одной цели—ликвидировать все завоевания революции 1905 г. Молчаливый, ибо тогда, у преддверия второй думы, правительство еще не считало возможным открыто солидаризироваться с элементами явно преступными. *). Некий внешний декорум еще надо было сохранить. Но насчет прочности этого декорума никто не сомневался. При первом же удобном случае он будет отброшен, как это и случилось через полгода.

Но соблюдая свою внешнюю, якобы, независимость, правительство охотно пошло навстречу всем пожеланиям правых. Не решившись еще на выполнение их требования об изменении избирательного закона, правительство с помощью услужливого сената, путем его хитроумных раз'яснений, внесло существенные изменения в количественный состав избирателей. Десятки тысяч людей без всякого повода потеряли избирательные права. Не приходится говорить, что все они принадлежали к демократическим элементам. Не ограничиваясь одними „раз'яснениями" правительство устраняло неугодных ему людей арестами и ссылками на время выборов. Так оно прокладывало дорогу правым к избирательным урнам.

22 ноября главный совет „союза русского народа" обратился ко всем правым с воззванием: „Мы накануне новых выборов. Прислушайтесь же, где бы вы не находились к словам главного совета. В дни выборов в первую думу вы были разбиты. Русские люди не хотите срама вторичного".

26 ноября в Петербурге, в Михайловском манеже состоялось предвыборное собрание „союза". Собралось до 3000 человек. На этом собрании, наравне с Дубровиным и Пуришкевичем выступил „святитель" Иоанн Кронштадский. „Честь и слава, говорил он, Дубровину. Он показал либеральным бюрократам и прочим рептилиям гр. Витте, что время их миновало, что началась у нас народная эра, что собрался народ, что Русь идет". Первую думу о. Иоанн называл гнойным нарывом. По окончании

*) Это, конечно, не мешало Столыпину субсидировать избирательную кампанию правых. По его приказанию Дубровину было выдано 150000 руб. Большую часть этой суммы пришлось затратить на проведение в думу от Кишинева В. Пуришкевича, на чем настаивал Столыпин.

собрания И. Кронштадский окропил „святой водой“ знамя союза и передал его в руки Дубровина и Юшкевича-Красковского, двух организаторов политических убийств. Сочувствие Иоанна Кронштадского погромной деятельности черной сотни ни для кого не было секретом. В этом смысле он и был тогда заклеймен всей прогрессивной русской общественностью.

„Печать, вся оказавшаяся в руках врагов церкви и государства, писал епископ Андроник, усердно выставляет на показ все недоброе, что только может подметить у служителей церкви. И действительно иногда добиваются своего: недавно мы видели, как многие верили наглой лжи и клевете грязных газет на священное для всякого православного христианина имя о. Иоанна Кронштадского“ *).

Но как раз в этот момент, когда епископ Андроник делал попытку реабилитировать Иоанна Кранштадского, его же соратники по „союзу“ разоблачили в печати роль этого святителя в деле убийства Герценштейна. Оказалось, что средства на это убийство были получены от о. Иоанна.

После Петербургских выступлений начались гастроли видных „союзников“ по всей России. Везде устраивались торжественные встречи Дубровину, в которых губернаторы и архиереи соперничали между собой в подхалимстве перед вождем погромщиков. Но ни торжественные богослужения в церквах, ни битые окна в еврейских лавченках, ни усердие столыпинствовавших сенаторов не дали победу правым.

Тщетно взывала власть в населению, предлагая избирать только „союзников“. Ничто не помогало, даже такие, „приказы по городу“, какой был издан ген. Думбадзе: „Выбирайте в думу достойных людей, истинно русских, чтобы новая дума оказалась деловой, трудовой, а не болтливой, за весьма редким исключением, переполненной христопродавцами, как прежняя“.

В частности, для духовенства уроки выборов в первую думу не прошли даром. На этот раз оно проявило большую активность. Черносотенная проповедь, усвященная дикими площадными ругательствами то и дело возносилась к небу.

12 декабря синод рассматривал предложение обер-прокурора и епископов Никона и Антония Волынского о предстоящих выборах членов в государственную думу. „Признав желательным и благовременным призвать православное духовенство к деятельному участию и пастырскому руководительству своих пасомых в деле выборов достойнейших народных представителей, святейший синод определил преподать епархиальным преосвященным нижеследующие указания: 1. Епархиальным архиереям надлежит пригласить всех священников, имеющих право по церковно-

*) Епископ Андроник. Беседы о союзе русского народа.

имущественному цензу, непременно явиться на предстоящие выборы в государственную думу. 2. Священники на предвыборных собраниях прилагают старания к тому, чтобы в выборщики, а затем и в члены думы вошло возможно большее число духовных лиц. 3. Все выборные собрания желательно предварять молебствиями, на коих раз'яснить избирателям, что насколько добра принесет дума из людей благоразумных и верных, настолько же зла нанесет дума, в которую сумели бы проникнуть враги веры и престола. 4. Особенно горячо убеждать, угрожая гневом божиим, чтобы люди не продавали свою совесть при выборах за деньги и обещания. 5. Выборы в члены думы должны предваряться молебном, совершаемым архиереем. 6. Особенно хорошо было бы благославлять избранных нательными крестиками и завещать им крепко стоять за родину, за веру и царя. 7. Рекомендовать епархиальным преосвященным, если они найдут полезным, дать еще какое либо руководственное указание по сему предмету духовенству".

Местные архиереи широко воспользовались последним пунктом для того, чтобы язык синодальных дипломатов перевести на общепонятную речь.

Но все же общий результат выборов был для правительства еще хуже, нежели в первую думу.

Правда на этот раз среди депутатов оказалась шумливая группа монархистов в 22 человека, да примыкавших к ним умеренных 91 депутат. Но зато на левом фланге было 64 социал-демократа, 34 с.-р., 14 н.-с. и 100 трудовиков. Центр имел 179 мест. Правительство, конечно, не могло рассчитывать на совместную деятельность с такой думой. Полностью оправдался прогноз Киевского с'езда монархистов—без изменения избирательного закона, т.-е. без государственного переворота рассчитывать на поддержку даже узко ограниченной общественности правительство не может. Вся энергия и средства, затраченные контрреволюцией на выборы во вторую думу пропали даром. 30 января 1907 г. „Московские Ведомости" прямо высказали эту мысль. „Другого исхода выборов нельзя было ожидать. Киевский с'езд еще в октябре открыто, громко и ясно предсказал те результаты, которые неминуемо даст существующий революционный (!!) выборный закон и выставил проект нового закона. Петербург по обыкновению оставил мнения, желания и прозорливость русского народа без всякого внимания". Отсюда был сделан вывод не одними правыми, но на этот раз и правительством, о необходимости изменения избирательного закона в сторону еще большего сокращения лиц, имеющих право выбора.

V. Победа контр-революции и торжество реакции.

I.

Вторая государственная дума, несмотря на наличие в ней сильного левого крыла, не внушала правительству столько опасений, как первая. Об'ясняется это тем, что министерство правильно учло положение в стране и состав всей думы. Левые, имея во главе сильную с.-д. фракцию, не составляли большинства. Решающую роль предстояло играть кадетскому центру. А его тактика определенно выявилась уже в процессе избирательной кампании. Она заключалась в стремлении отмежеваться от левых и договориться с монархивй на предмет создания либерального кабинета.

Левые же ни о каких соглашениях с Николаем II и думать не могли. Перед ними была одна задача—низвергнуть правительство деспотизма. Это противоречие интересов и стремлений делало думу бессильной внутри.

А за думскими стенами дело обстояло не лучше. Революционная волна продолжала неуклонно ниспадать. Широкие народные массы с реакцией не мирились, выбирали в думу попрежнему противников власти. Но этим и ограничивалась их активность. Бороться с правительством, отстаивать своих избранников, эти массы в тот исторический момент не были в состоянии. Симптомы этого сказались уже во время разгона первой думы. Не было оснований предполагать, что через год это положение изменилось.

Наконец, в самой думе правительство не было столь одиноко, как в первой. На правых скамьях сидела солидная группа монархистов, всегда солидаризировавшаяся с министерством Столыпина. Обреченные на роль незначительного меньшинства, монархисты использовали свое пребывание в думе для черносотенной агитации и устройства скандалов. Делалось это с одной целью—взорвать думу изнутри. Все эти факторы дали Столыпину возможность с самого начала держать себя резко непримиримо с думой.

Как только выяснились результаты выборов, вопрос о разгоне думы был решен, как несомненно и другой вопрос — об изменении избирательного закона. К этим двум актам сводились основные, настойчивые требования всей контр-революции. Поэ-

тому вся деятельность правительства Столыпина во время второй думы была направлена лишь к тому, чтобы создать для этого переворота благоприятную обстановку. Исполнителями его планов и явились правые партии с „союзом русского народа" во главе. Деятельность их в это время достигла своего наивысшего предела и завершилась почти полное победой.

Свою контр-революционную работу правые проводили не столько в думе, сколько за ее стенами. При этом заговор, долженствовавший нанести смертельный удар остаткам завоеваний 1905 г. должен был носить характер „народного" выступления против левой думы в защиту царского самодержавия. Правые должны были фигурировать в роли защитников „истерзанной страны и измученного народа", как писали „Московские Ведомости". Так декорировался заговор помещиков, духовенства, бюрократов и капиталистов против трудящихся всей страны. Все эти контр-революционные силы об'единились в одной ненависти к завоеваниям революции. Помещичья эксплоатация, подкрепленная православием, этим духовным орудием самодержавия об'явила непримиримую войну освободительному движению. Монархия, как политическое выражение власти того же феодально-помещичьего класса, охотно шло навстречу всем домогательствам контр-революции. Отказавшись от соглашения с умеренно-конституционными элементами русского капитализма, царизм лишний раз продемонстрировал свою помещичью сущность.

Тактику правых во второй государственной думе можно рассматривать как стремление вообще скомпрометировать идею парламентаризма. Уверенные в том, что судьба думы уже решена, они с самого начала усвоили в отношении большинства нагловызывающий тон.

Площадная брань, оскорбления депутатов и членов президиума, провокация—вот их парламентарские манеры. Если левые просто игнорировали все это, то кадетов правые буквально терроризировали своими выступлениями. Особо ярко это сказалось в вопросе „осуждения революционного террора".

Мы уже знаем, сколь чудовищно-кровава была вся деятельность контр-революции. Если даже взять все революционно-террористические акты за всю освободительную эпоху, то количественно они составят ничтожную величину в сравнении с той гекатомбой трупов, воздвигнутой контр-революцией во славу царизма в одни лишь октябрьские дни 1905 г. В то время как жертвы царизма исчислялись сотнями, или максимум несколькими тысячами, народ за этот период потерял десятки тысяч своих лучших сынов, павших от рук самодержавия. И тем не менее монархисты потребовали от думы осудить революционный террор. Инициатором этого выступления был епископ Платон. Система-

тически, пользуясь каждым случаем, монархисты пред'являли думе это по существу провокационное требование.

Левые охотно принимали вызов, гласно отказываясь осуждать революционный террор; кадетский же центр, боявшийся и левых и правых, упорно уклонялся от обсуждения этого вопроса. Они понимали, что, осудив революционеров, они этим самым бесповоротно порвут всякую связь с думской левой, ничего не получив за это от правого лагеря.

Трусливые либералы как раз в разгар полемики о революционном терроре получили от правых весьма убедительный урок. В то время как епископы Евлогий и Платон с думской трибуны взывали: „Выразим свое осуждение убийствам и террору"—их ближайшие друзья и соратники 14 марта в Москве убили из-за угла члена первой думы кадета Г. Б. Иоллоса. Убийство это было совершено членами белой дружины „союза русского народа" Федоровым и Казанцевым, при участии графа Буксгевдена, генерала Климовича, Дубровина и домовладельца Торопова. Такова была иллюстрация к выступлениям монархистов против террора.

Остальные выступления правых в думе сводились к защите правительства Столыпина и к борьбе против проектов конфискации помещичьих земель. А в это время в тайниках бюрократических верхов и дворянских организаций вырабатывались акты предстоявшего переворота. „Народу" же в лице черносотенных организаций было предложено настойчиво добиваться роспуска думы.

28 февраля, следовательно, через неделю после открытия думы, товарищ председателя главного совета „союза русского народа" В. М. Пуришкевич разослал всем отделам секретный циркуляр, в котором говорилось: „С того момента, как в органе союза „Русском Знамени" на первой странице появится знак креста (+) тотчас же начать обращаться с настойчивыми телеграммами (копии всего немедленно присылать в союз мне) к государю императору и к председателю совета министров Столыпину и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать: а) немедленного роспуска думы, растлевающей народные массы, а не созидающей народное благосостояние, б) изменения во что бы то ни стало избирательного закона, без чего государственная дума не окажется трудоспособной, ибо будет всегда в большей части состоять из общественных отбросов и преступников. В день роспуска думы, или в один из ближайших дней устроить в самых широких размерах патриотическую манифестацию после молебна, с выносом знамени, а где его еще нет, хоругви отдела. Значение этой манифестации умело обставленной будет исторической заслугой перед Россией. Настоящий циркуляр, по ознакомлении с ним наиболее серьезных членов совета сжечь, приступив к выполнению его предложений в указанное время".

Таинственный крест действительно появился на первой странице „Русского Знамени“ 14 марта, как раз в день убийства Иоллоса. Многие поэтому явление креста ставили в связь с этим убийством. Но вскоре подлинный смысл креста выяснился. Со всех сторон на имя царя посыпались телеграммы с указанным содержанием. В первые дни этих телеграмм было уже не так много. Поэтому главному совету особой телеграммой пришлось напомнить отделам о необходимости выполнить циркуляр 28 февраля. Лишь после этого напоминания движение против думы приняло „массовый“ характер.

Черносотенцы тогда отрицали инспирированный характер всех этих выступлений. Но вот в секретном докладе Владимирского губернатора в департамент полиции от 4 апреля 1907 г. мы читаем: „Председатель „союза русского народа“ Ознобишин доложил собранию, что он получил несколько времени тому назад секретный циркуляр без права оглашения и с требованием по прочтении сжечь его, что он и сделал. В циркуляре было сказано, что главный совет требует как только появится крест в газете „Русское Знамя“ немедленно послать телеграмму государю с просьбой разогнать думу и изменить избирательный закон“ *).

Таким образом был организован „глас народа“, выступившего якобы против думы. Как и во время первой думы телеграммы эти печатались в „Правительственном вестнике“ рядом милостивыми ответами царя. Когда мнение „народа“ было сфабриковано, монархист Крупенский мог 10 мая уже говорить о „надвигающихся грозных событиях, в которых может погибнуть и наша молодая конституция“. К этому времени судьба II думы уже была решена.

II.

В лихорадочной работе контр-революции тех дней духовенство принимало активнейшее участие. В рядах „союза русского народа“ оно всячески укрепляло эту организацию и в то же время яростно отбивало атаки в собственных рядах со стороны духовной оппозиции, особенно выросшей во II думе. В мае все консистории получили циркулярное предписание синода, в котором предлагалось зорко следить за деятельностью священников, в особенности сельских, кое где подстрекавших крестьян к составлению наказов в думу. В случае обнаружения чего либо крамольного предлагалось немедленно увольнять неблагонадежных, или переводить их в отдаленные и глухие приходы. На основании этого циркуляра полтавский архиерей устранял от приходов всех священников, несочувствовавших „союзу русского

*) Союз Русского Народа. М. 1929.

народа". Вся черная армия, за небольшими исключениями, вела борьбу против думы. При этом некоторые иереи превращали церковные амвоны в подмостки для хулиганских выступлений.

Весь этот поход против II думы нуждался в демонстрации всероссийского масштаба, которая возглавила бы эту агитацию и засвидетельствовала бы о неизменной преданности „народа" политике кнута и пули. Такой демонстрацией и явился четвертый с'езд „истинно русских людей" в Москве, заседавший с 26 апреля по 1 мая.

Поскольку с'езд этот должен был выполнить чрезвычайно важное политическое задание, его организаторы не поскупились и свезли в Москву свыше 800 „делегатов" и около 150 знамен.

Делегации на черносотенных с'ездах должны быть понимаемы несколько своеобразно. Можно было приехать на с'езд только исповедуя черносотенный катехизис и оплатив стоимость железнодорожного билета. Эти два условия давали каждому „делегату" право выступать от имени „многомиллионного русского народа" и требовать все, что заблагорассудится заправилам контр-революции. Часть „делегатов" даже не платила за проезд. Это были те кабацкие завсегдатаи в национальных костюмах, лихо певшие „Эй-ухнем". Они на с'езде изображали „черный народ", на банкетах пили водку по старинке чарками, говорили всем ты, раскатисто, точно орудийный салют, орали ура, и качали лидеров, подбрасывая их своими крепкими руками, умевшими обращаться и с отмычкой и с ножем. За все эти достоинства „чернозем" получал прогонные, суточные и святительское благословение.

Судя по составу четвертого с'езда, последние „делегаты" составляли большинство. „Своекоштных" было гораздо меньше и это обидело привилегированных „союзников".

Накануне крупных событий, о которых руководители с'езда были осведомлены, собравшаяся контр-революция наметила свое дальнейшее поведение. В этом смысле IV с'езд монархистов представляет вполне заслуженный интерес.

С исключительной торжественностью произошло открытие с'езда. При этом церковность настолько слилась с контр-революцией, что отделить их друг от друга нет никакой возможности. Помимо многочисленного рядового духовенства, на с'езде присутствовали: митрополит Владимир, епископы Серафим, Иннокентий, Трифон и Анастасий. Перед открытием весь с'езд, имея духовенство во главе, демонстрировал по улицам Москвы. При входе в Кремль демонстрантов встретил колокольный звон всех кремлевских церквей.

В общем на религиозные выступления ушел целый день.

Только вечером в дворянском собрании началась политическая часть с'езда. Протоиерей Восторгов с самого начала сообщил, что „государь император следит за работой с'езда,

очень интересуется ростом союзов и их успехами" Это внимание вскоре подтвердил и сам Николай II, приславший с'езду следующую телеграмму: „Искренно благодарю членов с'езда за горячие чувства любви и преданности. Желаю им мирной и плодотворной работы".

Этим самым с'езду был придан почти официальный характер.

В решениях с'езда все чаяния самой махровой контр-революции нашли свое отражение. Едва только закончилось духовное кликушество, с'езд без прений принял резолюцию о государственной думе. „Для водворения порядка и безопасности в государстве, говорится в ней, необходимо немедленно распустить неработоспособную крамольную думу. Необходимо отменить самое положение о государственной думе и положение о выборах". При этом „лица, замеченные в политической неблагонадежности, не имеют права участвовать в выборах". Для того, чтобы провести этот переворот, „необходимо введение во всей России военного положения. Одновременно должно быть по всей России восстановлено действие военно-полевых судов". Когда кой кто из крестьян заикнулся о землице, с'езд постановил, что не только решение, но и постановка этого вопроса не допустима.

Особое внимание заслуживают решения с'езда по вопросу о духовенстве, изложенные в специальном докладе Николаю II. „Имея в своем составе пастырей церкви, говорится в нем, с'езд считает своей священной обязанностью верноподданнически повернуть на твое отеческое благовоззрение горестные события, угрожающие родному православию. Авторитет и сила правящей высшей церковной власти видимо для всех быстро падают". Это правильное положение с'езд об'ясняет не участием духовенства в контр-революции, сделавшее его об'ектом народной ненависти, а тем, что „целый ряд новых законодательных актов по делам веры проведен в жизнь правительством без первенствующего в этих делах голоса правящей церкви, последствием чего явилась почти полная утрата церковного своего господствующего положения, полная свобода пропаганды среди православных всяческих лжеучений".

Но этого мало. Не все духовенство примкнуло к „союзу русского народа" и другим погромным организациям. Нашлись священники, солидаризирующиеся с оппозицией, отворачивающиеся от погромщиков и убийц. Правда их не так уж много. Но один уж факт их существования опасен. И с'езд забил тревогу. „Многие из православного духовенства безнаказанно состоят в рядах противоправительственных, безбожных партий". Отсюда логический вывод: „Русские люди глубоко убеждены, что церковь и ранее могла и теперь сильна восстановить в стране

мир и порядок, если ты, государь, по примеру древне-христианских царей восстановишь в ней сильную, твердую и истинно-церковную власть".

В другом докладе с'езд выступил с требованием о сохранении 45000 церковно-приходских школ, которые, как правильно им указывалось, „являются оплотом борьбы против революции". В противном случае с'езд грозил царю, что „народные массы будут революционизированы в короткое время путем крамольной начальной школы".

Остальные решения с'езда сводились к одному—всеми средствами бороться против освободительного движения и какой угодно ценой покончить с ним. Поскольку на с'езде главенствовал „союз русского народа", было признано, что „ему представляется забота о возможном „об'единении монархических организаций не вошедших в состав „союза русского народа".

Таким образом организация, запятнавшая себя чудовищными преступлениями, была призвана возглавлять всю контр-революцию. Эта победа „союзников" смутила даже кой кого в лагере монархистов. Тем знаменательней отношение духовенства к с'езду и его решениям.

Почти все делегаты священники принадлежали к „союзу" и деятельно работали на с'езде в его пользу. Не участвовавшие в его работах поспешили приветствовать с'езд и солидаризироваться с ним. „Сердечно приветствую собрание русского союза, писал Антоний Волынский, да будет оно ратью Минина и Пожарского для спасения России". „Душой с вами", сообщал епископ Парфений. Епископ елецкий Митрофан в работах с'езда узрел „окончание первой половины дела спасения России", архиепископ Алексей „в тяжкую годину бедствий" в с'езде увидел оплот порядка. Протоиерей П. Фролов предлагал с'езду; „Мощно взывайте, пока не услышат вас".

Со своей стороны с'езд отметил приветственными телеграммами наиболее заслуженных на контр-революционном поприще владык. Среди этих приветствий обращает на себя внимание телеграмма епископу Рязанскому Никодиму: „В тяжелую годину крамольного шатания мысли, говорится в ней, ты архипастырь, освящая стяг „союза русского народа" произнес высоко знаменательные слова: „Я считаю за честь стоять под сенью сего знамени и быть членом „союза русского народа". Осведомленный о сем четвертый с'езд шлет тебе, доблестный владыка, благодарность за мощное слово, предуказующее духовенству твоей епархии истинный пастырский долг". Таковы были взаимоотношения этих двух групп реакции.

III.

Работой московского с'езда завершилась массовая контр-революционная кампания против думы. Теперь оставалось сделать последнее—подыскать повод для ее разгона.

Наибольшей ненавистью правительства пользовалась с.-д. фракция. Она то и была избрана об'ектом для нападения на всю думу. 5 мая в помещении фракции был произведен обыск. Выступления чинов правительства в самой думе в связи с этим актом не оставляло сомнений в том, что нападение на думу произойдет с этой стороны. И действительно, когда все приготовления к перевороту были закончены, Столыпин раскрыл карты. 1-го июня он пред'явил думе требование о выдаче всех депутатов с.-д., которым пред'являлось обвинение в „устройстве заговора с целью осуществления насильственного государственного переворота, лишения государя императора верховной власти и учреждения демократической республики".

Требование это должно было быть выполненно немедленно. Но ясно было, что речь идет вовсе не об этом. Допустим на одну минуту, что дума удовлетворила бы это требование. Это бы, конечно ее не спасло, ибо к 1 июня уже был готов новый избирательный закон, ввести в жизнь который можно было только путем переворота. Об этом Николай II дал понять делегации черной сотни еще 16 мая, говоря, что „недалеко время, когда засияет солнце правды над землею русской".

И оно засияло 3 июня..

Левая часть думы потребовала отклонить домогательства правительства. Либеральный центр, как всегда, колебался. Но дума еще не успела высказаться по этому поводу, как указом 3-го июня была распущена. Одновременно был издан новый избирательный закон.

Контр-революция победила. В лагере черной сотни началось ликование. „Вторая дума распущена, писали „Московские Ведомости". Камень свалился с сердца русского народа. Единодушно возносит он хвалу царю царствующих за избавление России от того тяжкого кошмара, который сжимал православных людей в железных тисках никогда еще не испытанного им ужаса". От лица всей черной сотни Дубровин телеграфировал Николаю II: „Слезы умиления и радости мешают нам выразить в полной мере чувства, охватившие нас при чтении твоего, государь, манифеста, державным словом положившего конец существования преступной думы". На эту телеграмму царь ответил: „Передайте всем председателям отделов и всем членам союза русского народа мою сердечную благодарность за их преданность. Да будет мне „союз русского народа" надежной опорой".

Это высочайшее призвание убийц и погромщиков явилось венцом деятельности Николая II.

После этого лейб-орган черной сотни с полным правом мог заявить, что „во главе многомиллионной черной сотни стоит русский самодержавный неограниченный царь„ *). Это был факт, не раз потом царем подтверждавшийся. Организация, об'единившая в своих рядах весь преступный контингент страны, с головы до ног покрытая грязью и преступлениями, стала надежной опорой трона.

Больше того.

„Государь, писали по этому поводу „Московские Ведомости" прямо призывает всех верных сынов присоединиться к „союзу русского народа" для умножения его рядов. Отныне такое присоединение становится долгом верноподанного" **). А в следующем номере газета поспешила дезавуировать тактику погромов, смущавшую кой кого из монархистов. Привет Николая II „разрешает великое сомнение, которое тяготело над об'единившимся русским народом с первых дней его противокрамольной деятельности, т. е. с 18 октября 1905 г." ***). Как известно именно с этого дня начались тогда погромы, выполненные по прямому указанию Дубровина и других вождей „союза". „Теперь уже ни для кого не может быть сомнительно, что царь благоволит „союзу русского народа" и смотрит на него, как на оплот своего самодержавия. Теперь для всех правительственных и церковных властей совершенно ясно, как им, повинуясь воле царя, следует относиться к союзу русского „народа", говорил Грингмут 8 июня. Как всегда в таких случаях провинциальные отделы „союза" засыпали царя телеграммами благодарности, а духовенство в церквах возносило молитвы за благополучное завершение контрреволюционного переворота.

Какова же была социально-политическая сущность акта 3 июня?

Почему контр-революция столь шумно приветствовала его?

Анализ третьеиюньского законодательства ответит нам на эти вопросы. Новый избирательный закон был целиком и полностью направлен против народных масс, отдавая все политическое влияние в руки дворян-помещиков, духовенства и буржуазии. Прежде всего общее количество членов думы было сокращено с 524 до 446. Убыль 78 депутатов падала, главным образом, на окраины, посылавшие в думу левых. Теперь их почти совсем лишили избирательных прав.

Составители закона 11 декабря 1905 г., надеясь на темноту и политическое невежество крестьян, поставили их в особо

---

*) „Русские Знамя" № 138. **) „Московские Ведомости" № 129. ***) „Московские Ведомости" № 131.

благоприятные условия. Почти в двух третях губерний крестьянству принадлежало большинство выборщиков. Этим правительство надеялось получить в думе „мужичков“ во всем покорных начальству. Расчеты эти оказались построенными на песке. Крестьяне в подавляющем большинстве послали в обе думы левых. Закон 3 июня учел это и лишил их большинства выборщиков, отдав таковое помещикам.

В общем, изменения в избирательном праве по положению 3 июня свелась к следующему. Рабочие, имевшие в корпусе выборщиков по всей России по закону 11 декабря 176 выборщиков, получили 3 июня 112, крестьян было 2424 стало 1113, помещиков было 1949 стало 2594. Городская демократия имела 1347, стало 575. Крупная буржуазия, ранее неимевшая совсем отдельного представительства, получила 733 выборщика. Таким образом за землевладельцами было обеспечено абсолютное большинство по 49 губерниям. Посколько курия землевладельцев об'единяла крупных и мелких, все эти привилегии оказались на руку духовенству, главенствовавшему в среде мелкого землевладения. Оно использовало свое положение в необычайных размерах и, как увидим, правительство не ошиблось, предоставив клиру столь большое политическое влияние.

Если взять количество голосов, которые приходились на каждого выборщика, то получатся следующие разительные цифры. Однако выборщика избирали: помещики—230, крупная буржуазия—1000, мелкая буржуазия—15600, крестьяне 60000, рабочие 125000.

Таким образом один землевладелец был равен 260 крестьянам и 543 рабочим.

Так выражалась диктатура дворянства в цифрах.

Теперь возьмем выражение этой диктатуры в отдельных избирательный местах. Вятская губерния по закону 11 декабря имела 200 выборщиков. Из них 148 принадлежало крестьянам, 18 землевладельцам, 34 городским избирателям. Закон 3 июня снизил общее количество выборщиков до 109. Из них крестьяне—23, городские избиратели—26 и землевладельцы—70. Количество выборщиков от крестьян уменьшалось в семь раз, а от землевладельцев увеличилось в три раза. Та же картина наблюдалась и в городах. Закон 3 июня создал здесь две курии—крупных собственников и мелких. При этом численно незначительная первая курия в 53 губерниях получила 788 выборщиков, а многочисленная вторая 590. Привилегии крупной буржуазии имели в виду облегчение союза их с помещиками, что обеспечивало правое большинство в думе. В этом собственно и был весь социальный смысл третьеиюньского переворота. Об'единить имущие классы против рабочих, крестьян и городской демократии, создав этим прочный социальный базис для „обновленной монархии“.

Наибольшей ненавистью авторов третьеиюньских положений пользовались рабочие. Их представительство в достаточной степени было ограничено еще законом 11 декабря. Новое положение фактически закрыло им дорогу в думу, за исключением 6 губерний, где они имели по одному депутатскому месту.

Всем перечисленным „достоинства" положения 3 июня еще не ограничивались. В самом процессе выборов административный произвол получил неограниченное влияние, став регулятором избирательной техники. Так, статьи 29 и 35 закона позволяли совершать самые удивительные дробления избирательных с'ездов. Как только какой либо с'езд показывался правительству ненадежным, его немедленно разбивали на столько групп, сколько нужно было, чтобы устранить опасность избрания левых. Так жителей однако пригорода можно было приписать к избирательному участку другого города за десятки верст.

Акт 3 июня с совершенно изумительной откровенностью интересы небольшой кучки землевладельцев поставил превыше всего. Победа обнажила контр-революцию. Ничем не прикрытая в годы своего торжества, она показала широким трудящимся масссам свою подлинную сущность, свои волчьи зубы. Это помогло революции в судный день монархии.

IV.

Отказавшись от мысли совершенно упразднить „народное представительство", дворянско-буржуазные элементы страны поняли, что для собственных классовых интересов лучше иметь такую думу, где им принадлежало бы большинство. Под прикрытием этой „представительной" декарации можно будет гораздо успешней проводить все свои дела.

Эти же убеждения руководили и монархией во дни переворота, отказавшейся от мысли восстановить самодержавие в том виде, как оно существовало до манифеста 17 октября. В основу этого отказа от реставрации лежали могущественные социально-политические мотивы. Хотя революция и была побеждена, но у господствовавших классов уже не было уверенности, что она больше не вернется. Ведь проблемы, выдвинутые пятым годом, остались не разрешенными, грозили новыми потрясениями. Борьба с революцией одними полицейскими мероприятиями ни к чему не приводила. Нужно было искать новые средства защиты монархии. Таким и явилась дума, внешне сохранившая свое революционное происхождение, но внутренне не только чуждая революции, но органически ей враждебная. Дума контр-революции. Такой „парламент" и был создан актом 3 июня. Вся дальнейшая эпоха торжествовавшей реакции имела в ее лице великолепное прикрытие. После бурных лет революции Россия

была на долгое время погружена в леденящий мрак третьеиюньского режима. Горестную чашу народу пришлось испить до конца.

Открытие третьей думы было назначено на 1 ноября 1907 г. Таким образом, вслед за разгромом второй думы, началась новая избирательная кампания. 17-19 июля в Москве состоялся с'езд председателей отделов „союза русского народа" и других монархических организаций. Настроение этого штаба контрреволюции было торжественное. Уверенные в своих силах монархисты отвергли всякое соглашение не только с правобуржуазным „союзом 17 октября", но даже с такой монархической организацией, как „партия правого порядка". Черная сотня полагала, что победит на выборах одна, опираясь на своими резиновые дубинки, произвол властей и влияние духовенства. Последним с'езд уделил наибольшее внимание. Для борьбы с непокорными священниками, не присоединявшимися к черной сотне, с'езд требовал энергичных репрессивных мер. Суд над ними должен был совершаться не замедлительно, если, „таковые лица позволяют себе открыто, или тайно противодействовать здоровому направлению мысли, покоющемуся на основах, исповедуемых союзом русского народа".

Решение это было проведено в жизнь. Было много случаев увольнения священников „за неоказание содействия". Это было тем легче делать, что к этому времени командный состав клира полностью обретался в лоне погромных организаций. Колебавшиеся во время первых двух дум, окончательно уверовали в святость дубровинской клики после 3 июня и известной телеграммы Николая II.

Посколько закон 3 июня отводил духовенству исключительно крупное избирательное место, удаление неблагонадежных священников было признано делом очень важным для церкви. Упомянутое решение московского с'езда логически вытекало из этого положения. Чистка рядов клира совершалась незаметно но неуклонно и привела к тому, что „оппозиционных" элементов среди духовенства становилось все меньше и меньше,

Готовясь к выборам в III думу, синод в сентябре предложил, всем епископам обратиться через благочинных к пастве с указанием, какие газеты следует читать. С своей стороны духовенства должно было рекомендовать только одни черносотенные, вроде „Нового Времени", „Русского Знамени", „Колокола", „Русской земли", „Церковных Ведомостей". Из провинциальных газет рекомендовать следовало только те же черносотенные, по усмотрению самих епископов.

Затем духовенству было указано на необходимость большей активности в избирательной кампании, полностью использовать свое влияние на исход выборов.

Огромная часть духовенства владела мелкими земельными участками, что давало им ценз по с'ездам мелких землевладельцев и по курии землевладельцев вообще. Мелкие землевладельцы, распыленные в больших районах, были наименее активным избирательным элементом. На с'езды им приходилось с'езжаться за много верст, от чего те в большинстве уклонялись.

При наличии известной дисциплины, при обязательном участии в выборах, духовенство становилось главным избирательным фактором в этой среде. Все это правительство и синод учли. И не ошиблись.

Накануне выборов в среде духовенства началась оживленная деятельность. Циркуляры, воззвания, увещевания сыпались как из рога изобилия. Киевская консистория, с успехом занимавшая центральное место в среде контр-революционных организаций юга, предписала всем священникам „обязательно участвовать в выборах в думу и подавать голоса за лиц, которые стоят за основы прежнего строя". В другом циркуляре священникам предлагалось „немедленно присылать характеристики избранных в уполномоченные от крестьян".

Сущность последнего циркуляра очевидна—в случае избрания левых крестьян, в распоряжении власти было достаточно средств, чтобы избавиться от них до выборов депутатов. Таким образом духовенство, помимо всего прочего, должно было еще играть роль полицейского ищейки. Подобная деятельность была присуща не одной киевской епархии. В том или ином виде, мы встречаемся с ней во всей стране.

Исход выборов в III думу никого не удивил. Закон 3 июня выполнил свое предназначение, отдав большинство депутатских мест ничтожному меньшинству. Откровенные погромщики и слегка припудренные контр—революционеры стали хозяевами в Таврическом дворце. Торжествовавшая реакция формально и по существу закрепила свои позиции. Из 431 депутата землевладельцев было 152, или 35,2%, представителей крупной буржуазии 57 или 13,2%. Но этим успехи контр-революции не ограничились. В теснейшей связи с хозяевами были и их слуги—духовенство и бюрократы. Первых было избрано 47 или 10,9%, вторых—31 или 7,2%. Все это в общем итоге давало реакционное большинство в 66,5% состава всей думы.

Рабочих в III думе было 10, крестьян 89, служащих 4, интеллигенции 41. В сравнении с II думой количество крестьян уменьшилось вдвое, рабочих более нежели втрое. Духовенство, помещики и буржуазия увеличились почти втрое.

Перегруппировка в партийном отношении была еще более разительна. Правых монархистов было избрано 146, октябристов 154, либералов всех толков 105, трудовиков 13 и социал-демо-

кратов 20. Впоследствии отдельные фракции претерпели ряд видоизменений, но сущность думы осталась прежняя, сугубо контр-революционная.

Из 47 священников было 44 православных и 3 иноверца. Рядовых священников было 22,остальные принадлежали к высшему клиру. Среди провославных было два епископа, По партийному составу духовенство разделялось на: правых 34, октябристов 5, прогрессистов 4 и беспартийных 7. Таким образом подавляющее большинство духовенства нашло свое место на скамьях реакции. Роль духовенства на выборах этим не ограничилась. Большое количество правых прошло в думу только благодаря содействию духовенства, Успех духовенства на выборах неизменно шел рядом с успехом правых. Священники проходили в тех губерниях, где побеждали по преимуществу правые. Так было в правых губерниях:

	Всего депутатов	Светских	Священник.
Киевской	13	7	6
Волынский	13	10	3
Минской	9	7	2
Могилевской	7	5	2
Гродненской	6	5	1
Вологодской	5	2	3

Из этой таблицы видно, что в сплошь правых губерниях духовенство занимало исключительное положение в среде контр-революционных партий. В остальных губерниях оно проходило, главным образом, по курии землевладельцев, пользуясь поддержкой всех правых групп. В тех губерниях, где было избрано более одного священника, не прошел никто не только от оппозиции, но даже из октябристов, этих определенных представителей буржуазной контр-революции.

Рука об руку духовенство шло только с дворянской, землевладельческой контр-революцией, с теми элементами, которые группировались вокруг „союза русского народа“ и родственных ему организаций. Впоследствии, когда в среде правых началось разложение и многие покидали эту фракцию, духовенство оказалось наиболее устойчивой группой. Их уход к октябристам был незначителен; если во фракции октябристов вначале духовенство составляло 2%, то к концу думы их было там 7,5%. Во всяком случае все перемещения депутатов—священников совершались в пределах тех политических границ, которые были пред'указаны законом 3 июня.

Политические взгляды депутатов—священников нашли свое отражение в самом начале работы III думы. При составлении адреса Николаю II произошло любопытное столкновение, в рядах самой контр-революции по вопросу о сущности верховной власти.

В то время, как представители буржуазной реакции—октябристы—считаясь с фактом наличия манифеста 17 октября, отрицали за царем права неограниченного самодержавия, правые утверждали, что таковое существует. При содействии кадетов октябристам удалось провести адрес, в котором слово „самодержавный" отсутствовало. *)

Это вызвало целую бурю правых. На собрании в Москве протоиерей Восторгов назвал октябристов „политическими мошенниками второго сорта". Думские правые обратились к царю с отдельным адресом: „Разномыслие, писали они, по основному вопросу о существе и пределах верховной власти, не дозволили нам присоединиться к адресу в редакции принятом большинством думы. Никогда избиратели наши, никогда русский народ не простил бы нам, еслибы мы дерзнули коснуться царского самодержавия. Дерзайте, государь! Державною рукой ведите Россию". Адрес этот подписали 112 депутатов **), из них 34 священника, почти 30%. Отметим, что во время обсуждения адреса наиболее горячими апологетами самодержавия выступали епископ Митрофан и священник Машкевич. Ни один священник, находившийся вне правого лагеря, не выступил против реакционеров. Об'ясняется это тем, что все духовенство каждодневно ведь молилось за „самодержавнейшего государя нашего".

Любопытно отношение Николая II ко всей этой полемике. Председателю думы Хомякову, представившему адрес большинства, он холодно ответил: „Готов верить выраженным чувствам. Ожидаю плодотворной работы". Ответ же правым был более многословен и начинался: „Благодарю за приветствие и верноподданические чувства". Хотя под адресом правых первая подпись стояла В. М. Пуришкевича, тем не менее свой ответ царь адресовал священнику Гепецкому, чья подпись стояла второй. Не без основания в этом усмотрели тогда излишнюю демонстрацию привязанности к духовной контр-революции.

V.

Вся деятельность огромного большинства духовенства в III думе строго соответствовала их первоначальной политической декларации. Их глава епископ Митрофан был избран товарищем председателя фракции правых. Правительство Столыпина в лице священников имело верную опору.

Третья дума одним фактом своего существования укрепляла реакцию. Имея к своим услугам „народное представительство", Столыпин мог беспощадно расправится с тем движением, которое в годы своего под'ема нагнало на господствующие классы

*) Но тут же, идя на встречу правым они отказать включить в адрес слово „конституция".

**) Впоследствии в литературе приводилась неправильная цифра—148.

столько смертного страха. Торжество реакции выразилось, прежде всего в систематическом истреблении всех социально-политических завоеваний трудящихся, достигнутые им в революционные годы. Жестока была расправа со всеми активными силами революции. Белый террор, точно ураган смерти, прошелся по всей стране, усеяв свой путь бесконечными казнями и преступлениями. Кровавый туман надолго окутал Россию и во мгле его победители чинили суд и расправу над революцией.

Если в области государственного управления самые крайние требования реакции о восстановлении самодержавия не были осуществлены, то в вопросах административного управления пожелания „союза русского народа" фактически полностью были проведены в жизнь. Безграничный произвол стал основным руководящим принципом государственного управления. Вся страна была отдана во власть совершенно одичавших сатрапов и вооруженных банд „союза русского народа", чьи преступления не только не карались, но высочайше благословлялись. Безнаказанность поощряет. Поэтому в ряде городов население буквально терроризировалось воруженными шайками с „союзными" значками на груди. Праздник был на их улице.

Во дни октябрьских погромов в 1905 г. многочисленные убийцы насильники и грабители были арестованы и преданы суду. Царская юстиция очень милостиво отнеслась к погромщикам, приговаривая их обыкновенно к арестантским ротам. Победившая реакция воспомнила о тех, кто в 1905 г. совершал величайшие злодейства во имя самодержавия. По ходатайству „союза русского народа" Николай II администрировал всех погромщиков и убийц. Амнистия эта началась с Михалева, осужденного за убийство Баумана и... кражу самовара. А затем „милости монархистам" посыпались пачками. В итоге, в течение 1908 г. все осужденные за погромы были освобождены.

Иногда дело об убийствах прекращались непосредственно судом. Так, председатель гомельского отдела „союза русского народа" Аким Давыдов 28 июля 1906 г. финским ножем убил артельщика Михаила Кожемякина. Привлеченный к суду в 1910 г. Давыдов написал письмо тов. мин. внутрен. дел Курлову, прося прекратить дело, в виду его заслуг перед царизмом (организовал в Гомеле погром). Курлов написал министру юстиции Шегловитову: „Судебное рассмотрение дела Давыдова представляется по политическим соображениям совершенно нежелательным, ибо постановка этого дела на суде, неминуемо вызовет ряд крайне нежелательных осложнений". На это министр юстиции отвечал: „Определением могилевского окружного суда дело об убийстве Давыдовым мещанина Кожемякина прекращено". *)

*) Союз русского народа.

Результатом этого поощрения активных контр-революционеров было убийство члена II думы трудовика доктора Караваева. 3 марта в Екатеринославле он был застрелен тремя членами дружины „союза русского народа". Потом выяснилось что к этому убийству были причастны правые члены III думы Гололобов и Образцов. Как и прочие преступления, это убийство осталось тогда безнаказанным. Один из главных убийц Караваева, бедняк до этого акта, неожиданно разбогател и купил себе дом. Повидимому на этот раз, во избежание разоблачений и скандалов, расчет был произведен полным рублем. Это однако не помогло и уже через год все детали преступления были разоблачены одним „союзником".

В хоре торжествовавшей контр-революции голос духовенства выделялся особо отчетливо. Начиная с думской трибуны и кончая амвоном сельской церкви, всюду раздавалась одна проповедь о непримиримой ненависти к освободительной борьбе. Священник—реакционер стал доминировать во всем сословии сверху до низу. В своей церковной политике синод фактически об'единился с „союзом русского народа". Если по временам у них и происходили трения, то не по вопросам программным. Синод всячески стремился обуздать властолюбие „союза", вмешивавшегося во все детали церковного управления. В самом синоде с 1 января 1908 г. произошло значительное изменение. Состав его был увеличен с 7 до 12 членов. Такого состава синод не видел со времен Петра I.

Идея увеличения состава синода принадлежала И. Восторгову. „На монархических собраниях, писал Ortobox, о. И. Восторгов неоднократно заявлял, что необходимо обновить и увеличить св. синод" *).

Увеличение это имело сугубо политический характер. Все новые члены епископы—Макарий, Гермоген, Серафим, Алексей, Митрофан, Никон и Иоанн Кронштадский—были членами „союза русского народа". и являлись олицетворением самой мрачной реакции. По их указке и проходила вся общественно политическая деятельность духовенства и членов думы и частности. Даже такой далекий от революции человек, как П. Н. Милюков, должен был признать, что „роль церкви с 1908 г. и в последующие годы свелась к роли политического орудия в руках правительственной реакции и тех национально-политических групп, которые согласились поддерживать это правительственное направление" **).

Особо выпукла была оппозиция думского духовенства в вопросах, близко затрагивавших церковную область. Мы говорим о свободе совести. До 1905 г. никакой свободы совести в России

*) Ortodox. Протоиерей И. И. Восторгов.
**) Третья государственная дума.

не было. Только одна казенная православная церковь пользовалась всеми правилами гражданства. Революция пробила брешь и в этом мире. Восторжествовавшая реакция усиленно заделывала эту брешь. После долгой борьбы и дума и совет приняли закон, в силу которого священник, сложивший с себя сан, не терял некоторые гражданские права. Думское духовенство отчаянно сопротивлялось этому закону. Потерпев поражение, оно добилось своего с заднего крыльца. Закон не получил санкции Николая II и погиб. То же повторилось и при рассмотрении вопроса о религиозной свободе вообще. От имени большинства думского духовенства священник Гепецкий заявил, что „неограниченное право пропаганды принадлежит лишь православной церкви и что совращение в то или другое исповедание должно быть признано уголовно-наказуемым деянием".

Попытка думы внести элементарный порядок в распоряжение церковным имуществом и капиталами разбилось об упорное сопротивление синода и духовенства. Святые отцы, вмешиваясь во всякую мелочь общественной жизни, энергично противились вмешательству контроля в свои денежные дела.

На фоне торжествовавшей реакции два выступления духовенства в 1908 г, приковали к себе всеобщее внимание. Речь идет о знаменитом миссионерском с'езде в Киеве и „участии" духовенства в юбилее Л. Н. Толстого.

Киевский миссионерский с'езд был созван после длительного перерыва. Последний с'езд состоялся в 1897 г. в Казани. Представители церкви приняли тогда такие решения, что даже совершенно правая газета кн. Мещерского „Гражданин" в отчаянии вопрошала: „Неужели не нашлось ни единого православного человека на казанском с'ездд, чтобы по имя христа протестовать против предложения столь полного отрицания его заветов".

И, действительно, решения казанского с'езда были бесподобны. По предложению рязанского архиепископа Милетия с'езд тогда решил отобрать у сектантов детей, конфисковать их имущество, лишить гражданских прав, закрыть их школы, молитвенные дома. Эти фантастические решения вывели из себя даже... К. П. Победоносцева, который тогда же, во избежание нового скандала, решил больше миссионерских с'ездов не устраивать.

И действительно, до победы реакции этих с'ездов не было.

Торжество третьеиюньского режима возродило их. Роль воскресителя сыграл „союз русского народа", устроивший с'езд в Киеве одновременно с миссионерским. Солидарность обоих с'ездов была трогательная. Целый ряд „союзников"—Дубровин, Юзефович, Савенко, Цитович, Разметальский—участвовали в работах миссионеров. С другой стороны, многочисленные иерархи присутствовали на Дубровинском с'езде и читали там доклады.

Миссионерский с'езд открыто выступил на борьбу со свободой совести. По предложению протоиерея Восторгова, миссионеры признали, что „исполнение указа о свободе исповеданий умаляет значение церкви". По злой иронии судьбы главными гонителями свободы религии на с'езде были епископ Евлогий и Антоний Волынский. Последний был руководителем и председателем с'езда. Оба они ныне играют за границей руководящую роль в кампании „за свободу религии в России".

Много внимания с'езд уделил вопросу о борьбе с социал-демократией. В революционном марксизме апологеты православия правильно узрели наиболее опасного врага. Для борьбы с ним было решено ввести специальный курс в духовных семинариях, долженствовавший опровергать марксизм. При этом с'езд обратил внимание полицейских органов на тот факт, что „многие учителя сеют революцию".

Хотя миссионеры и учили, что религия беспартийна, все-таки пришлось с'езду оформить свою политическую ориентацию. Антоний Волынский прямо выставил тезис—миссионеры в „союз русского народа". Кое кто из прогрессивных миссионеров во главе с священником Боголюбовым пытался возражать, но большинство решительно поддержало епископа Антония, указавшего что „трем митрополитам были посланы значки союза и они их приняли". Этот аргумент видимо настолько подействовал, что с'езд решил „в своей пастырской деятельности опираться на союз русского народа". „В то время, как речь могла итти, писал И. Ларский, лишь о том, чтобы „союзников" обратить в христианство, с'езд решил миссионеров обратить в „союзников".

В общем, миссионерский с'езд, верный зову своих руководителей из Дубровинского лагеря, твердой поступью пошел по пути политической реакции, признав за „союзом русского народа" право на руководство делами православной миссии. Этим решением круг был замкнут. Духовенство сверху до низу становилось орудием контр-революции.

Киевский миссионерский с'езд прославил себя еще одним мудрым решением. В 1908 г. состоялся 80-летний юбилей Л. Н. Толстого. Прогрессивная общественность готовилась тогда отметить этот момент, носивший характер демонстрации против произвола правительства. Киевский миссионерский с'езд первый поднял свой голос против Толстого, потребовав запрещения юбилея. Решение с'езда явилось сигналом для выступлений всей правой печати и всего черносотенного духовенства. Иоанн Кронштадский вознес даже специальную молитву „о скорейшей смерти Толстого". Епископ Митрофан с церковного амвона говорил о нем: „Раздражительный, циничный и наглый в своей сатанинской гордости доживает свой век, отверженный церковью, безумный старик".

По всей стране духовенство стало подымать темные массы против Толстого, анафемствуя его, площадно ругая, требуя недопущения юбилейного чествования. На специальном собрании в Саратове 27 июня епископ Гермоген прочел целый доклад о Толстом. „Несмотря на образование, говорил он, и талант, рассуждения Толстого не идут дальше рассуждений насекомых. Оставя в стороне его красивые образы, возьмем только его мысль и рассмотрим ее. Мы придем к убеждению, что она представляет полное ничтожество. Хотят праздновать юбилей Толстого за то, якобы, что он обладает искусством художника, но не обращают внимания на то, какой он вред принес людям. Своим учением Толстой многих привел к висилице, к самоубийству. Те люди, которые хотят праздновать юбилей Толстого, безумцы, революционеры, которые хотят погибели России".

На этом же собрании священник Карманов установил, что „Толстой сошел с'ума".

Вся эта кампания против великого как художника писателя потом была санкционирована синодом и стала, следовательно, обязательной для духовенства.

VI.

Третья дума благополучна прожила свои положенные пять лет и умерла не от полицейской руки, а естественной смертью. „Если третья дума дожила до определенного ей в законе срока, писали „Церковные Ведомости" и не окончила своего существования раньше срока подобно двум первым, то несомненно это произошло потому, что члены думы от духовенства давали своими голосами перевес правым и умеренным партиям. Даже противные им партии должны признать, что духовенство наше спасло думу от преждевременного конца".

В этих словах авторитетного церковного органа было много правды, несмотря на преувеличенное самомнение. Спасать думу не приходилось, ибо для реакции она ничего кроме пользы не приносила. Но позиция духовенства определена правильно. Закон 3 июня сгрупировал имущие классы под гегемонией дворянства. III дума явилась выразительницей этого блока. Но рожденная не в буре народных волнений, а в тайниках бюрократических канцелярий, она покорно гнула свою перед правительством, призвавшим ее к жизни. Вот почему именно во времена III думы произвол власти вырос до таких чудовищных размеров, перед которыми бледнела деятельность Сипягина, Плеве и других дореволюционных столпов монархии. Зт все пять лет дума не сделала ни одного серьезного шага, который был бы неугоден бюрократии. Зато она энергично выполняла функции покровительницы и помошницы охранной полиции, будучи новым оплотом в борьбе монархии с революцией.

За пять лет III дума, даже по признанию умеренно-правого крестьянина Амосенка, „ничего не дала крестьянам, а только швыряла народные деньги совсем зря". Ничего кроме новых бичей к старым скорпионам, страна от думы не увидела. Зато имущие классы не могли пожаловаться на бесплодие думы. Все, что было в ее силах, она делала для их благополучия. И не вина думы, если вся эта деятельность не спасла их в конечном итоге. Хотя надо признать, что отчасти и III дума повинна в этом.

Цинично-откровенно растоптав все нужды и интересы народа, поставив во главе угла своих занятий заботу только об имущих, III дума показала стране, каковы ее командующие классы. Она облегчила трудящимся усвоить правильное о них представление и этим содействовала тому приговору, который был им потом вынесен. Актив полностью отрицательный.

Выборы в четвертую думу приобрели исключительный интерес только благодаря выступлению духовенства. Не будь этого последнего фактора, они не приковали бы к себе столько внимания. Во всей избирательной кампании духовенство было центром борьбы, великой надеждой одних и об'ектом ненависти других. Надо прямо сказать, история русской контр-революции не знает более разительного выступления духовенства.

На арену борьбы вышли не отдельные личности, не группы, а целое сословие, вся масса, спаянная дисциплиной, мобилизованная своими командирами в стройном порядке выступила в поход под испытанными знаменами, на которых красовалось „за веру, царя и"... вернее больше ничего не было. Ибо о родине они меньше всего думали. И победили, хотя в последний раз. То во истину была Пиррова победа. Но в тот момент об этом никто не думал.

Выборы в IV думу позволяют делать безошибочные выводы о распространенности контр-революционных взглядов в среде духовенства, об их роли во всей контр-революции в целом.

Не за страх, а за совесть послужило духовенство реакции во время выборов в III думу. Оно провело тогда десятки собственных депутатов, помогло правым завоевать солидное количество мест и на этом успокоилось. Совсем иную картину мы наблюдаем на выборах в IV думу. Вначале речь шла уже не о помощи правым, а о завоевании чуть ли не половины депутатских мест, о создании для духовенства решающего значения во всей „легальной" политической жизни страны. Этот на первый взгляд фантастический план вовсе не был химерой.

В 1902 г. в России было белого духовенства 105339 человек и черного 38720. Допустим, что количество это за 10 лет увеличилось, дойдя до 150.000. Монахи избирательным правом почти не пользовались, не имея имущественного ценза. Допустим даль-

ше, что все белое духовенство имело избирательный ценз. И вот многие спросят—как же это могло случиться, чтобы в думе получило чуть ли не большинство сословие, составлявшее менее 1% населения. Тем более, что в законе 3 июня нет для духовенства таких оговоренных привилегий, как для помещиков.

Мы уже указывали о роли духовенства в курии мелких землевладельцев. При умело маневрировании с их с'ездами, при умелой избирательной стратегии оказалось возможным создать такое положение, в силу которого духовенство получало большинство в курии землевладения вообще, а следовательно и на губернском с'езде выборщиков. Все эти обстоятельства учел синод инициатор клерикализации России Разработанный Саблером план избирательной кампании был лишен каких бы то ни было черт утопичности.

Мысль о массовом участии духовенства в выборах была подсказана синоду прежде всего „союзниками". Впервые об этом заговорили „дубровинцы" на своем с'езде в Москве в сентябре 1911 г. Состоявшийся в начале 1912 г. в Петербурге с'езд „союза русского народа" по предложенню священника Николаева решил „обратиться к архипастырям с просьбой подвинуть духовенство в предвыборной деятельности для избрания действительно правых членов, истинных христиан, преданных царю и отечеству" *).

Вначале прогрессивная общественность отнеслась к этому плану несколько легкомысленно, люди никак не могли себе представить большинство думы в рясах. Но начало избирательной кампании сразу показало, что опасность рясофорной думы вполне реальна. Это вызвало взрыв негодования, панику, ненависть. Но в то же время все сознавали свое бессилие—черная армия побеждала. Нашлись „общественные" деятели, предлагавшие даже не пугаться этого нашествия мрака. Известный мистик Д. Философов нашел в себе смелость напечатать в органе М. Ковалевского „Запросы жизни" статью „Церковь и выборы", где проводил ту мысль, что „присутствие целой армии священников в думе „было бы совсем не вредно" **). Совершенно не учитывая политические возрения духовенства, Философов писал что „черная дума причинит гораздо больше забот националистам и правительству, нежели оппозиции. Повторяю и настаиваю: оппозиции и нечего бояться большого количества депутатов-священников".

На основании чего делал эти выводы либеральный религиозник? Черная армия попов „в думе вскроет внутренние противоречия между потенциями правительства, епископства и обер-прокуратуры". Они могут попав в думу и став там хозяе-

*) „Колокол № 1833".
**) „Запросы жизни" № 128.

вами перебросится в лагерь прогрессистов. При этом Философов цитировал... Гр. Распутина о „праведных священниках“, чье мнение совпадало с взглядами прогрессивного священника Сендеренко.

Г. Распутин выразитель прогрессивных чаяний... духовенства!

Никогда духовенство не было столь ненавистно широким народным массам, как во время этих выборов. Этот беспорный факт констатировали даже злейшие враги трудящихся. Петербургские националисты, считавшие палаческую деятельность Столыпина идеалом государственного управления, вскоре после выборов писали: „Деятельность синода во время выборов окончательно убила доверие народа к своим пастырям“. Нужно ли после того приводить отзывы, мы уже не говорим революционной, но хотя бы прогрессивной общественности, об этом контрреволюционном походе духовенства. С поразительным единодушием все живое в стране выступило против клира. Протест этот был столь энергичен, столь ярок, что заставил не духовенство, а правительство задуматься над всеми последствиями его попытки превратить думу в покорный епархиальный с'езд.

Приготовления к выборам в IV думу начались в начале 1912 г. Руководство всей кампанией было сосредоточено в руках товарища министра внутренних дел А. Н. Харузина и обер-прокурора синода Саблера. Это то прославленная пара и разработала избирательный план, долженствовавший осчастливить Россию думой из одних правых и националистов. План этот повторял практику выборов в III думу и являлся синтезом из произвола, насилия, обмана, мошенничеств и беспримерного цинизма. Для борьбы с негодными правительственной клике лицами из этого арсенала избиралось любое оружие. Власти на местах заранее получили отпущение всех своих грехов и могли действовать неограниченно. Все это было старо, хорошо знакомо обывателям императорской России и ни в ком уже не вызывало изумления.

За годы реакции люди ко всему привыкли.

Но в этот старый план было внесено одно нововведение, имевшее огромное значение по своим результатам. Это—привлечение духовенства в обязательном порядке к отбыванию избирательной повинности. Подсчитав все возможности, правительство пришло к выводу, что в думу можно будет провести от 150 до 200 депутатов священников. Сила, на которую можно будет вполне положиться. На этой блестящей перспективе власть и остановилась. При синоде было создано особое избирательное бюро и выработан текст воззвания к духовенству, в котором оно призывалось к активному выступлению.

Цинично-откровенная позиция синода несколько смутила главу правительства Коковцева и министра внутренних дел Макарова, которые настояли на неопубликовании этого воззвания. Тогда синод разослал по епархии секретный циркуляр, легшей в основу всей кампании духовенства, подписанный архиепископом Финляндским Сергием.

Немедлено по всей стране начались епархиальные с'езды, выборы губернских и уездных избирательных комитетов, намечались кандидаты. Избирательная машина заработала полным ходом.

Когда план Саблера стал претворяться в жизнь к негодованию всей общественности, присоединились нелады в лагере правящих классов. Прежде всего громко стали протестовать помещики, которых батюшки кой где собрались проглотить во славу божию. Затем из-за шкуры будущего медведя передрались между собой многие епископы, охваченные страстью попасть в думу. К этому присоединились трения между министерством внутренних дел и синодом на почве распределения будущих мандатов. Все это привело к тому, что аппетиты святых отцов были несколько уменьшены. Мысль о думском большинстве была оста лена и избирательное бюро синода передало в министерство внутренних дело список 93 кандидатов, готовых к услугам. При этом оно выразило свое согласие на сокращение и этого списка, буде того пожелает министерство, что впоследствии и было сделано.

Новая комбинация по существу не изменила общего направления избирательной тактики синода. Видоизменилась лишь одна деталь. Вместо священников духовенство должно было избирать правых. Дабы это правило не нарушалось, новым синодским циркуляром священникам было запрещено выставлять свои кандидатуры в члены думы без разрешения епископов и последние могли баллотироваться только с благословения синода. Ослушникам угрождали вполне реальными карами. Этим решением завершался план избирательной кампании. В дальнейшем началось проведение его в жизнь.

VII.

Всю работу на местах вели губернские и уездные комитеты. Они вырабатывали списки кандидатов—священников, наблюдали за их политической благонадежностью, давали указания за кого из правых следует голосовать духовенству. При этом, для выработки характеристик, отцам-благочинным приходилось пользоваться услугами тайного политического розыска. В качестве общей дикрективы Саблер в приказе по черной армии, опубликованном в „Вечернем Времени“ писал: „Одобренный губернским комитетом и оповещенный через уездные комитеты, список кан-

дидатов делается обязательным для всех участников выборов и они должны все, как один человек подавать свои голоса только за них. Если же кто из духовенства изменит этому требованию, то подлежит пастырскому суду чести". В том же циркуляре духовенству предлагалось „голосовать за членов правых и умеренных организаций, отнюдь не левее явно выраженных правых октябристов". При этом рекомендовалось „неукоснительно подчиняться распоряжениям гражданской власти" и выбирать только таких людей, которые бы „чужды были колебаний в своих правых убеждениях".

Воззвания синода и циркуляр Саблера послужили достаточно вразумительным материалом для избирательного творчества местных владык, которые не замедлили обратиться к своим епархиям с предвыборными, большей частью секретными воззваниями. Рязанский епископ предложил „всему поголовно духовенству не уклоняться от выборов. Это мое требование духовенство легко можно исполнить, а потому на всех уклоняющихся буду смотреть неблагосклонно".

В Бессарабии, где была выставлена кандидатура известного черносотенца епископа Серафима (Чичагова), от духовенства бралась подписка, где говорилось: „Обязательно явиться на выборы. Кто нарушит настоящее согласие обязан внести штраф 50 р. и понести нравственную кару".

Вятский епископ Филарет в своем призыве писал: „Как настоятели церквей, так и прочие духовные лица с учителями приходских школ мною приглашаются и нравственно обязаны подчиниться мнению большинства и голосовать за намеченных кандидатов".

„Страшусь и помыслить, взывал самарский епископ Симеон, чтобы пастыри вверенной мне церкви могли уклониться от исполнения своего гражданского долга. Не смущайтесь, если выборные собрания будут назначаться в воскресенье и праздничные дни. Отслужите пораньше, может быть даже зело, может быть еще в сущей тьме, литургию и поезжайте с богом".

Подольский епархиальный комитет прямо отдавал приказ: „Подчиняться беспрекословно всем распоряжениям, советам и указаниям окружных и уездных руководителей и духовных председателей собраний, при избрании выборщиков всем голосовать за намеченного кандидата, как один человек".

Декларация воронежских благочинных заранее клеймила „колеблющихся и неустойчивых иереев". Им предлагалось или "беспрекословно подчиниться предвыборной дисциплине или совсем не являться на выборы". Об ослушниках полагалось „доносить особо его высокопреосвященству".

Тверской епископ Антоний по оплошности, а (может быть с умыслом) разболтал все тайны избирательной кампании. Он

предложил печатно духовенству „руководиться при выборах указами и циркулярами синода", которые не всегда опубликовывались.

Получив епископские циркуляры благочинные и консистории совсем распоясались. Отбросив фарисейскую дипломатию, они прямо указывали священникам поименно за кого голосовать. Благочинный Черкасского уезда Топачевский разослал псаломщикам циркуляр, где говорилось: „Вы сим обязываетесь непременно явиться в Черкасск для избрания выборщика по 2 курии, каковым уже намечен директор гимназии Леплинский, за которого вы имеете подать свой избирательный голос. Для доказательства своей явки на выборы пред'явите мое настоящее письмо при входе в Управу". Благочинный Имшенецкий разослал всему духовенству Кролевецкого уезда приказание: „Согласно воле епархиального начальства и по совету руководителей выборами прошу вас 4 октября прибыть в Кролевец и голосовать за намеченного кандидата Зернова".

Более детальные указания мы находим в циркуляре Туринского благочинного. „Вследствие отношения туринского уездного комитета по выборам в думу причт обязуется непременно прибыть к 28 сентября в г. Туринск. При этом предупреждаю причт, что к баллотировке комитетом назначен священик Василий Богословский, за которого только и нужно подавать свой голос—шар направо, избираю, без всяких уклонений в этом случае".

Помимо стремления к захвату большинства по решающей курии землевладельцев, духовенство не упускало из вида и вторую курию городских избирателей, где были сосредоточены наиболее демократические элементы городов. Здесь священники должны были нанести удар наиболее революционным избирателям и в то же время во что бы то ни стало проводить в думу своих архипастырей-епископов, кандидатура которых была выставлена в 20 городах.

Обилие духовенства во второй курии городских избирателей произошло благодаря сплошной фальсификации их избирательных цензов. Священников, дьяконов, псаломщиков, регентов просто зачисляли в списки избирателей, как государственных служащих. Получались иногда необычайные курьезы. Так, в Никольском уезде Вологодской губернии из 477 избирателей 37 оказались учителями пения. 8% правоспособного населения—учителя пения—пропорция не встречающаяся даже в Италии. Вятская консистория 28 мая 1912 г. предложила в секретном указе за № 29: „в список настоятелей должны быть внесены и председатели строительных комитетов в тех церквах, приходы коих еще не открыты, но земля к которым уже нарезана". А киевский губернатор собственной властью предоставил избирательные права всем монахам, приравняв их к лицам, состоящим нам государственной службе.

Таким путем правые получили около 2000 новых голосов по городу и до 1000 по уезду. В некоторых местах фальшивые избиратели вносились духовенством в списки в солидных размерах. Так по сообщению „Русского Слова“ в Опочке „в числе 736 избирателей оказалось 249 незаконно внесенных духовенством“.

Для организации выборов синод посылал в провинцию своих чиновников во главе с князем И. П. Шаховским. Сам обер-прокурор В. К. Саблер совершил ряд поездок по епархиям, налаживая избирательную кампанию. Все эти труды не пропали даром. Но полной победы это еще не обещало. В запасе избирательной стратегии было еще одно средство фасильфикации выборов, имевшееся в распоряжении светской власти, работавшей в полной гармонии с духовной.

Одним из способов лучшего использования духовенства было разделение с'ездов и выделение настоятелей церквей в отдельные с'езды, там где им угрожала опасность быть подавленными. Из 245 уездов такое выделение было произведено в 130. В остальных господство духовенства было обеспечено и выделения не было. Точно так же было и с разделениями с'ездов. Часть оппозиционных элементов отделялась от того, или иного с'езда, дабы обеспечить духовенству и правым большинство.

Для характеристики этого метода приведем один пример. Второй с'езд городских избирателей Том. уезда был разделен на три отделения: первое составили избиратели без уездных городов Колывани и Ново-Николаевска, второе—духовенство и чиновники и третье—остальные избиратели. Выборы по первому отделению были назначены в Колывани, куда должны были ехать избиратели Ново-Николаевска. Между тем в Ново-Николаевске было 2600 избирателей, а в Колывани 300. Не будем здесь приводить факты прямого насилия администрации над населением, арестов и ссылок неугодных начальству кандидатов. Все это было полностью проделано и, конечно, имело свое влияние на выборы.

Кого выдвигало духовенство в думу? Вернее будет сказать, за кого беспрекословно голосовало?

Просматривая списки духовных кандидатов мы видим одно разительное явление—почти все члены „союза русского народа“, либо других монархических организаций, немного националистов и еще меньше умеренных правых. Сплошная махровая контр-революция, не знавшая ни сомнений, ни колебаний. Наиболее громкой была кандидатура архимандрита Макария от Москвы. Благодаря драке двух черносотенных клик мы имеем великолепную характеристику этого духовного вождя, выдвигавшегося митрополитом Владимиром в епископы.

„Трудно выразить словами, писало „Русское Знамя“ в № 149, весь ужас этого вопиющего безобразия, готовящегося поразить верующую Россию. Архимандрит Макарий, в полном смысле слова вытащенный за уши всероссийским мазуриком Восторговым на должность настоятеля злосчастного Новоспасского монастыря, стяжавший себе всенародную репутацию пьяницы и развратника, только благодаря заступничеству Восторгова не растриженный и не сосланный в отдаленнейший монастыря за целый ряд кощунственных безобразий—страшно сказать, готовится к хиротонии во епископы“. И вот этот Макарий Гневушев „заведомый развратник и пьяница“ баллотировался по Москве. Два епископа Никон и Антоний, избранные в думу, принадлежали к крайним правым. Последний был избран в Одессе путем совершенно беспримерных преступлений и грязных махинаций, вплоть до подсыпки фальшивых бюллетеней.

Уже после первого избирательного тура выяснились все преимущества духовенства. Абсентеизм среди избирателей, терроризированных властью, был исключительно высок. Был даже случай в Херсонском уезде, когда на с'езд мелких землевладельцев явилось всего двое—Конт и Ткаченко. У обоих оказался полный ценз и Конт выбрал уполномоченным Ткаченко. Во многих местах с'езды вовсе не состоялись за отсутствием даже двух избирателей. Но зато духовенство густо валило на выборы. В итоге священники по этой курии получили из 13257, уполномоченных 7175. Это с окраинными губерниями. А без них пропорция была еще более катастрофическая: всего 8764 и из них священников 7162, или 81%.

Эта колоссальная цифра грозила раздавить не только оппозицию, но и дворян помещиков в ряде губернии. Так оно потом и случалось, но только с теми помещиками, которые не были угодны правительству. Без всяких разговоров попы выставили их за дверь, или те сами ушли, об'явив бойкот выборам! Так было в Ровно, Красноуфимске, Торжке, Кашире и в других городах. В Кашире помещики были изгнаны под руководством самого Саблера, избиравшего там в качестве землевладельца.

Священники вообще существовали лишь в качестве избирательного орудия реакции против оппозиции. Там, где существовала абсолютная уверенность в победе правых, духовенство не выдвигалось. Так было в черносотенной Курской губернии. Наоборот, в Минской из 54 выборщиков землевладельцев было 36 священников. А в славившейся своей левизной Вятской из 53 выборщиков 50 священников.

И тем не менее общий исход выборов, несмотря на весь этот террор, не был благоприятен для правительства. Правда, усилиями духовенства оппозиция была жестоко побита в губерниях Вятской, Казанской, Нижегородской, Пермской, где она

потеряла почти все свои места. В других семи губерниях, благодаря тем же святым отцам, оппозиция потерпела значительный урон. Но зато она завоевала ряд новых мест в 17 других губерниях. Одержав огромную победу в деревнях, духовенство было жестоко побито в городах. Из 20 черносотенных кандидатов—епископов, 18 провалились самым позорным образом. А избранному по Одессе епископу Анатолию пришлось вскоре уйти, ибо мошеннические проделки правых при выборах были таковы, что даже четвертая дума не утвердила его избрание.

Пока точных сведений об исходе выборов не было, духовная черная сотня ликовала. „Самым примечательным, писал „Колокол" 18 октября, самым рельефным и самым знаменательным явлением последнего времени, это несомненно полный разгром левых партий, произведенный об'единившимся духовенством. Именно оно придушило остатки революционных прихлебателей и закрыло им дорогу в думу. Правые торжествуют победу, одержанную духовенством. Дума будет правая, это уже факт".

Признания несомненно ценные, но, увы, оказавшиеся преждевременными. Тому же „Колоколу" 24 октября пришлось уже несколько сбавить тон. „Пока, писал он, правые элементы имеют безусловное большинство. И если остальные выборы не изменят это соотношение сил, мы будем иметь русскую думу и заслуга этого, главным образом, будет принадлежать духовенству".

А после открытия думы крики восторга исчезли. С помощью духовенства правые, действительно, выросли, но до большинства им было далеко.

Четвертая дума явилась копией третьей. В ней было 49 священников (47 православных и 2 католика). Среди них два епископа. В партийном отношении духовенство разделялось на: правых и националистов—40, фракции центра—3, прогрессистов 3, октябристов 1, беспартийных 1 и польское коло 1. Цифры не нуждающиеся в комментариях. Отметим только, что среди трех прогрессистов, двое числились умеренными, а один из них был католик.

Благодаря деятельности духовенства правые и националисты в сравнении с III думой выиграло 40 мест, почти исключительно за счет октябристов.

Когда выяснилось, что усилиями гражданского и духовного начальства цель завоевания думы для правых недостигнута, была сделана попытка затушевать ту роль, которую сыграло духовенство в выборах, ставшее об'ектом ненависти даже в архиумеренных общественных кругах. Так, во многих земствах крестьяне предложили облагать церковные земли, дававшие право голоса в думу наравне с крестьянскими. Много было случаев отказа со стороны земств в субсидии церковно приходским школам. Все это вынудило Саблера в беседе с сотрудником

„Земщины“ заявить, что священники голосовали столь дружно в силу „обета строгого исполнения всех церковных уставов. Повинуясь голосу высшей церковной иерархии, священники поступали именно так, как им велит православная их совесть“.

Но уже известный купец и царский военный деятель Гучков отметил, что на каждом правом депутате имеется ярлык: „Разрешено губернатором и дозволено синодом“. А екатеринославский епископ Агапит совершенно определенно сформулировал взгляды духовенства на выборы: „Скорбно и грустно прошли наши выборы, победили нас массоны, кадеты и местная жидовская газета. Октябристы действовали не корректно. Это с одной стороны, а с другой шесть священников—выборщиков оказались изменниками: они подали свой голос за врагов наших“. *)

Выборы в IV думу обнаружили одну несомненную истину—не будь этого нашествия духовенства и беспримерного произвола, правительство потерпело бы поражение даже в условиях избирательного закона 3 июня. Победа правительства была фикцией. Она опиралась в стране на жалкую горсточку имущих—армию духовенства, полицейских и охранников. Опора абсолютна ненадежная для любого режима.

Контр-революция изживала себя и выборы в IV думу были ярким отблеском ее заката.

---

*) „Речь“ № 306. В Екатеринославской губернии победил блок либералов и октябристов.

VI. Сумерки контр-революции.

I.

Акт 3 июня, жесточайший разгром революционного движения, удушение крестьянских притязаний на помещичьи земли— все это, удовлетворяя контр-революцию, казалось должно было влить новые силы в ее организм. На деле получилось нечто иное. Чуть ли не на другой день после своей победы в ее рядах началось сильнейшее разложение, прогрессивно развивавшееся во все время господства реакции и естественно завершившееся в марте 1917 г.

Главнейшей причиной этого разложения и распада был разношерстный социальный состав контр-революции, противоречивость классовых интересов входивших в нее групп.

До тех пор, пока от контр-революции требовались одни лишь отрицательные проявления, она была единодушна. Но когда пришлось перейти к созидательной работе, разнородные элементы вступили между собой в ожесточенные схватки.

Победа над революцией имела прежде всего определенные социально экономические последствия, выгодами которых не все воспользовались в одинаковой мере. На долю одних досталась львиная доля этих благ, другие оказались вынужденными пользоваться только крохами со стола первых. Наконец, третьи, использованные в качестве пушечного мяса, по миновании надобности, просто были выкинуты за борт.

К первым принадлежал именитый класс дворян—помещиков, очутившийся в центре политического влияния и власти.

Буржуазия принадлежал ко вторым. Ее интересы не были столь близки правительству Столыпина и часто приносились в жертву дворянским аппетитам. Вот почему представители буржуазной контр-революции, октябристы, в думе часто позволяли себе оппозиционные выступления.

Наконец, к третьей группе принадлежали те многочисленные нисшие слои городского и сельского населения, на спинах которых дворянская контр-революция пробралась к победе.

Их интересы, радикально противоположные стремлениям помещиков, победителями были полностью отринуты.

В разгар борьбы с революционным движением черная сотня надавала не мало обещаний неимущим, в особенности крестьянству. Последнее, по зову духовенства, во многих местах содействовало победе правых, выступая солидарно на выборах с

помещиками. Но идиллия эта была не долговечной. Уже в первые годы третьиюньского режима правые крестьяне в думе смогли убедиться, насколько дворянство чуждо и враждебно их стремлениям. Отсюда сначала ропот, а затем и уход большинства крестьян из контр-революционного лагеря.

Политически неграмотные, не умевшие разбираться в вопросах программы и тактики, они всетаки верно определили свои насущные интересы. Именно, при участии правых крестьян III думы был выработан фактически революционный законопроект о принудительном отчуждении частновладельческих земель. При этом против крестьянских притязаний выступил не только единый буржуазно-помещичий фронт, но и подавляющее большинство думского духовенства.

Все это имело одно следствие—отчетливо обнаружилась классовая сущность контр-революции, что значительно облегчило случайным элементам в ее рядах освободиться от противоестественного союза. Этот процесс отслоения был довольно длителен и привел в конечном итоге к распаду контр-революции и изоляции ее подлинных сил. То была одна из предпосылок победы над монархией.

Но и классу победителей политическая власть не принесла экономического преуспеяния. Хотя для дворянского землевладения были созданы наиболее благоприятные условия, тем не менее оно из года в год хирело. За пять лет, с 1906 по 1911 г. крестьяне за собственные средства приобрели у дворян 3.843.294 десятины. За это же время крестьянский банк скупил у дворян и продал крестьянам 2.868.351 десятину. По расчету доктора Аугагена за этот период от дворян к крестьянству перешло до семи миллионов десятин. К этому следует прибавить, что в руках крестьянского банка к этому сроку состояло 2.858.934 десятины, приобретенных у дворян для дальнейшей продажи крестьянам. Все эти потери привели к тому, что в руках дворянства осталась одна четвертая часть годных для сельского хозяйства земель.

Исторический процесс вымирания дворянства, как командующего класса, продолжал развиваться даже во время их политической диктатуры. Мертвые, но еще не похороненные, повелевали живыми. В этом была сущность реакции, в этом же таилась и ее погибель.

II.

Развал контр-революции начался вслед за выборами в III думу. Он коснулся всех правых партий и групп, порожденных борьбой с революцией 1905 г.

Но в наибольшей степени этот распад охватил крайних правых. До тех пор, пока хозяева нуждались в их услугах, они щедро оплачивали их труды. Но когда непосредственная угроза миновала и острой потребности в „союзниках" не было, рука дающего стала оскудевать. Боевые кадры черной сотни просто нанимались за деньги для выполнения „патриотических" заданий, вроде убийств и погромов. С исчезновением денег, черная рать разбрелась по своим прежним вертепам.

Все эти обстоятельства более всего сказались на деятельности „союза русского народа". Эта организация, еще с 1907 г. властно диктовавшая свою волю правительству, уже с 1908 г. стала быстро разваливаться и сходить с политической арены. Не спасло ее ни открытое покровительство Николая II, ни тесный союз с духовенством. Гибель этого „союза" была достойна его жизни. Раньше чем умереть, он разбился на ряд отдельных организаций, которые вступили между собой в ожесточенную борьбу. Смрад этого разложения порой заполнял собой общественную атмосферу в годы реакции. За великие преступления и злодейства история наказала „союзников", сгноив их заживо.

В своей внутренней борьбе вчерашние союзники, не щадя друг друга, раскрыли перед изумленным обществом массу тайн из собственной деятельности и этим обнажили всю грязную изнанку монархических партий.

Принимая активнейшее участие в делах контр-революции, духовенство не уклонилось от вмешательства в союзнические распри. Порой оно даже являлось инициатором этих расколов. Первый пример в этом отношении подал епископ Саратовский Гермоген, превративший осенью 1907 г. отдел „союза русского народа" в православное братство, где исключительно духовенству принадлежала руководящая роль. Это вызвало протесты мирян-„союзников". Началась энергичная борьба, завершившаяся победой над Гермогеном и закрытием духовенству доступа в союз. Однако, идеи брошенные в Саратове, нашли отклик во многих городах. В Витебске духовенство сделало такую же попытку, как и в Саратове, но потерпело сразу же поражение. В разгоревшейся борьбе епископ стал предавать „союзников" анафеме.

Более успешна была деятельность протоиерея Восторгова в Москве, расколовшего тамошний отдел „союза русского народа". То был первый раскол, выдвинувший на арену „восторговцев". Следом за этим последовал новый развал, но уже в

более широком масштабе и, главное на принципиальной почве. В то время, как основная масса „союзников", руководимая Дубровиным, оставаясь верной своим самодержавным взглядам, отвергала законодательную думу вообще, меньшинство, следуя за Пуришкевичем, примирились с третьеиюньской думой, справедливо рассматривая ее как подлинное выражение контр-революции. Это признание повлекло за собой и пересмотр тактики, в смысле отказа от нелегальных методов борьбы, от убийств политических противников.

Течение это было на руку Столыпину, энергично работавшему над созданием в думе покорного большинства, обеими ногами стоявшего на почве акта 3 июня, с помощью подкупов. Это отчасти ему и удалось.

В. Пуришкевич из своих сторонников создал новый „союз Михаила Архангела", к которому и перешли все субсидии, отпускавшиеся правительством крайним правым. Факт этот вызвал великую ярость со стороны „союза русского народа", терявшего основной фактор своего существования.

Помимо Пуришкевича над выполнением плана Столыпина в среде правых работал граф Бобринский, неоднократно уличавшийся потом в денежной зависимости от правительства и Н. П. Крупенский, дело которого об избирательных подлогах было потушено властью и впоследствии оказавшийся секретным сотрудником департамента полиции. При содействии этих лиц Столыпину удалось отколоть от крайних правых группу в 70 человек, образовавшую фракцию „умеренно-правых", которые в союзе с октябристами и составляли опору в думе для Столыпина.

Таким образом произошел второй раскол, распространившийся на всю страну. Бывший товарищ председателя „союза русского народа" В. М. Пуришкевич став председателем „Союза Михаила Архангела", начал сманивать на свою сторону союзные организации, благо в его распоряжении оказался главнейший импульс всей их деятельности—деньги. Обессиленный этим расколом „союзом русского народа" собрался 10—18 февраля 1908 г. на свой четвертый с'езд в Петербурге. То была попытка контр-революции сомкнуть свои редевшие ряды.

Столыпин, протежировавший всякой оппозиции Дубровину, вначале даже пытался противодействовать с'езду. Но у Дубровина оказались достаточно сильные покровители, чтобы разрушить замыслы главы правительства.

На открытие с'езда прибыл митрополит Антоний, епископы Митрофан и Евлогий. Выступление Антония явилось прямой капитуляцией перед Дубровиным. До этого с'езда митрополит считался противником „союза русского народа". Обращаясь к с'езду Антоний произнес: „Призываю благословение божие на великое

дело „союза русского народа“ установить мир и тишину в нашей великой родине. От души рад, что мне удалось разделить общее с нами торжество“.

Работа с‚езда протекала в атмосфере сплошных скандалов и столкновений. Особо отличалось духовенство в лице своих наиболее экспансивных делегатов-монахов Арсения и Иллиодора. Последний призывал к поголовной резне всех инакомыслящих. Его беснование находило бурный отклик в среде собравшихся, обещавших „постараться во славу божию“.

Все постановления с‘езда дышали прежней ненавистью к революции и были полны требованиями о новых бичах и скропионах для всех врагов самодержавия.

14 февраля Николай II принял председателя с‘езда Дубровина и имел с ним получасовую беседу. На следующий день с‘езду было передано царское приветствие: „Передайте всем русским людям мою искреннюю благодарность за их труды на благо родины и за любовь ко мне, в чем я никогда не сомневался. Стойте на святых началах твердой веры, любви к самодержавному царю и своей родине“.

Среди решений с‘езда обращает на себя вниманве ходатайство перед синодом „о разрешении священникам вступать в „союз русского народа“. Уже одно обилие ряс и клобуков на с‘езде говорило о лицемерии этого решения. Как раз в это время с думской трибуры депутат Караулов засвидетельствовал, что в „союзе русского народа“ состоят 32 епископа. На это товарищ обер-прокурора синода Рогович возразил, что „союз русского народа“ это весь православный русский народ“. Но тогда в чем же смысл этого ходатайства?

Ответ на этот вопрос мы найдем во внутреннем положении „союза русского народа“. Начавшиеся расколы отвлекли от Дубровина многих священников, переходивших к Восторгову. Своим решением с‘езд пытался закрепить за собой эту крупную контрреволюционную силу. Речь шла не о разрешении, а о предложении вступать в „союз русского народа“. И действительно, Синод 18 марта постановил „предоставить епархиальным преосвященным разрешать и благославлять участие подведомого их духовенства в деятельности „союза русского народа“. Епископы сразу раскусили смысл этого постановления. Так, курский епископ Питирим обратился к епархии с предложением записываться в „союз русского народа“. В ответ на это священники чуть ли не поголовно записались в эту организацию.

Закончился четвертый с‘езд новым расколом. Часть основателей „союза русского народа“, с бывшим секретарем Зеленским во главе, письменно обвинила Дубровина в денежных растратах и других преступлениях. Все они с‘ездом были исключены, хотя возражений на обвинение не последовало.

Эти столкновения имели свою полезную сторону в том отношений, что помогли раскрыть ряд преступлений, совершенных „союзом русского народа“ и в частности дело об убийстве депутата Герценштейна. Когда вся картина этого преступления выяснилась для Финляндского суда, последний потребовал от русской полиции ареста убийц и в том числе Дубровина. Вокруг этого требования возгорелась страстная борьба, имевшая большое общественное значение.

9 января 1907 г. главный совет „союза русского народа“ обратился к Николаю II с прошением, в котором умолял „повелеть передать дело русских людей, обвиняемых в убийстве Герценштейна русскому суду“. Это было ничем не прикрытое стремление вообще прекратить дело. „Союзники“ прекрасно знали, что Щегловитовский суд никогда их не осудит. Но из'ять дело из Финского суда значило нарушить все законы Финляндии. Поэтому Курлов прямо заявил Полубояриновой что, „на перенесение дела в русский суд рассчитывать нечего“. Но, товарищ министра тут же утешил черносотенную даму. „В Финляндских судах могут пред'являть какие хотят обвинения, сказал он,—нечего на них обращать внимания, так как русское правительство никого из союза и вас (Дубровина Н. Р.), конечно, Финляндии не выдаст“*). Так оно и случилось, но лишь отчасти. Несколько убийц были арестованы и судимы в Финляндии. Только одного Дубровина правительство отказалось выдать. Когда же Финский суд продолжал настаивать, в союзническом стане поднялся неистовый вой, разоблачавший всю подоплеку этого убийства.

Первым обратился к Николаю II Козловский отдел „союза русского народа“. „В 1905 г., писал он, Дубровин дал возможность оробевшему правительству опомниться и пресечь мятеж... Русские люди не могут перенести, чтобы финляндский трибунал заковал в кандалы председателя всех монархических организаций“. Подобные обращения поступили и от других отделов. Все они добивались одного—передачи дела русскому суду. В связи со всей этой кампанией в „Московских Ведомостях“ появилась статья, полная ценнейших признаний. Говоря об убийцах Герценштейна, газета указывала, что „эти люди, во главе которых стоял Дубровин, принуждены были вступить на защиту самой власти и не самовольно, а по ее приглашению.

Это факт, который странно скрывать, ибо он всем известен. При том же патриотическая деятельность „союза русского народа“ с Дубровиным во главе многократно вызывала одобрения и похвалы самой администрации и удостоилась получить высокое признание с высоты престола. И этих то людей теперь отдают на суд наследников разбитых революционеров“. Из этих призна-

*) Письма Полубояриновой Дубровину. Союз русского народа.

ний страна узнала, что убийства совершались „по приглашению властей". Факт, который действительно уже нельзя было скрыть. После этого в выдаче Дубровина было отказано, а осужденные убийцы Юшкевич-Красковский и Половнев высочайше были помилованы.

III.

Победа над Финляндским судом и вся кампания в связи с делом Дубровина только увеличила моральный распад в среде „союзников". С таким трудом построенная контр-революционная храмина давала трещины и грозила обвалом. Для спасения союзнических остатков, по прямому указанию Столыпина, в Москве был устроен с'езд монархистов, при помощи которого правительство попыталось очистить монархические союзы от непримиримых и скомпрометированных убийствами элементов дубровинского типа. Выполнители этих замыслов Столыпина были вожди духовной контр-революции протоиерей Восторгов и архимандрит Макарий (Гневушев). Под председательством Восторгова был создан организационный комитет по созыву с'езда.

Любопытную характеристику этому комитету дала газета Дубровина „Русское Знамя". „Один из воротил комитета пойман много раз и даже бит за неважные художества. Другой держится политики бюрократического корыта с массонско-жидовским месивом. Третий никак не может расстаться с тем же корытом, потому что в этом корыте весь секрет его величия во языцех. „Главный совет „союза русского народа" назвал руководителей с'езда „волками в овечьей шкуре", а участников „глупыми баранами". Последних собралось не очень много—всего 189 человек, в большинстве духовные пастыри. Открылся с'езд 27 сентября 1909 г. под председательством епископа Стефана, в присутствии митрополита Владимира, епископов Серафима и Иоаникия. Среди многочисленных приветствий с'езду полученных от духовенства отметим здесь телеграмму от Ярославского епископа Тихона, будущего патриарха.

В своей речи митрополит Владимир отметил, что „духовенство недостаточно возвышало свой голос в защиту устоев". И это после всей многогранной контр-революционной деятельности духовенства! Обычная черносотенная риторика звучала слабо на этом с'езде, вертясь все время вокруг набивших оскомину деклараций о преданности престолу.

Обилие духовенства сказалось на решении вопроса о вероисповедных вопросах. Во дни революции правительство разработало ряд законопроектов о свободе инославных исповедании и внесло их в думу. С'езд признав необходимым удушение всех

инаковерующих, потребовал возвращения этих проектов для переработки их в... синоде. Требование это правительство выполнило в следующем месяце.

В общем с'езд не только не создал об'единенный союз монархистов, но содействовал дальнейшему расколу в их среде.

Тактика Дубровина, прямолинейная и непримиримая, восстановила против него большинство в главном совете союза. Новое столкновение завершилось последним расколом. Дубровин оказался вне „союза русского народа" и приступил к созданию „Всероссийского дубровинского союза русского народа", устав которого был утвержден 21 августа 1912 г. Во главе старого „союза русского народа" стал член думы Н. Е. Марков II. Таким образом, рядом с „восторговцами" появились „дубровинцы" и „марковцы". Последние, по обыкновению сразу же вступили между собой в ожесточенную схватку.

Центром борьбы всех этих контр-революционных клик был вопрос о деньгах. Стремясь скомпрометировать друг друга, воевавшие за субсидии обвиняли противников в продажности, в пользовании „темными деньгами". Это была несомненная истина, в одинаковой мере относившаяся ко всем контр-революционным группировкам. Все они находились на содержании у правительства и могли существовать только его подачками. За это правительство требовало, прежде, всего послушания. Посколько „дубровинцы", заклеймленные в глазах всей страны как убийцы, уже не годились на роль опоры власти, они первыми лишились субсидий. Отсюда их ненависть к „темным деньгам", которыми они укоряли своих противников.

Об этих „темных деньгах" впервые заговорил академик Соболевский, член дубровинского союза. Он бросил Столыпину обвинение в том, что тот путем подкупов восстановил „союзников" против Дубровина, чем развалил всю организацию. Обвинения эти „марковцы" назвали клеветой, однако из поднявшейся свалки стало ясно, что газета „Земщина", орган „марковцев", издается на казенные субсидии. Одной перебранкой дело не ограничилось. 18 ноября 1911 г. известный Б. Никольский читал в „Русском Собрании" доклад, во время которого он повторил те же обвинения по адресу Столыпина. На это Марков кинул ему:

— Так могут говорить только провокаторы! Никольский со всей силой ударил Маркова по лицу. Эта пощечина явилась сигналом ко всеобщей потасовке. Именитые „союзники", под председательством кн. Лобанова—Ростовского, с азартом работали кулаками, точно обрадовались случаю размять свои руки после долгого бездействия. Побоище в „Русском Собрании" явилось венцом разложения всей контр-революции. Вчерашняя гвардия

монархии, сеявшая ужас и смерть, властным языком диктовавшая свою волю министрам, перед которой трепетали губернаторы, стала об'ектом насмешек всей страны.

Побитые в „Русском Собрании" не остались в долгу. Через несколько дней после побоища, Пуришкевич в письме к члену „дубровинского с'езда" разоблачил причастность Дубровина к тем же деньгам. „На страницах „Русского Знамени", писал он, А. И. Дубровин и окружающие его подонки не перестают обливать грязью виднейших монархических деятелей, обвиняя их в получении каких то „темных денег". Этим же занялся в „Русском Собрании" г. Никольский, державший там 18 ноября возмутительнейшую речь, обливавшую помоями буквально всю правую Россию. Стоя сейчас в стороне от дел „союза русского народа", организации мне безусловно дорогой, ибо не Дубровин, а я был фактическим его создателем, я не могу не представить в ваше распоряжение фотографий двух собственноручных документов: расписку г-жи Дубровиной, получавшей от меня деньги за квартиру для „союза русского народа" в доме Дубровина и расписки г. Дубровина, получившего от меня 37.000 р., которые, очевидно, тогда ему казались деньгами „светлыми", ибо он взял их обеими руками, не спросив откуда эти деньги". Так рождалась истина.

Факты эти не могли не действовать на те элементы, которые попадали в ряды „союзников" случайно, влекомые туда ложно понятыми патриотическими побуждениями. Они углубляли происходивший распад контр-революции. Разложение проникало во все поры „союзнического" организма. Развал не ограничивался центрами, столицами. Еще в большей мере он касался провинциальных организаций, деятельность которых в большинстве городов полностью замирала. Для последующей судьбы революционного движения это имело огромное значение. Во дни второй революции повторить октябрьские погромы даже нельзя было и думать, хотя к этому, как мы увидим, готовились довольно энергично.

Гниение контр-революционного организма панически действовало на третьиюньских победителей. Под их влиянием и с их помощью делались неоднократные попытки оживить „союзников".

В сентябре 1910 г. „дубровинцы" сделали попытку устроить с'езд в Киеве, но от этой затеи пришлось отказаться, ибо прибыло всего 7 делегатов. Почти столь же плачевно тогда прошел и с'езд монархистов западного края. Отметим здесь одно решение этого с'езда, признавшего необходимым „выразить глубокую благодарность русскому духовенству за ту великую борьбу, какую оно мужественно и энергично несло на протяжении всей русской истории, в частности недавней революционной эпохи против наших национальных и политических врагов".

Некоторое оживление в „союзнических“ рядах началось в связи с выборами в четвертую думу. Но и здесь картина была уже не та, что пять лет тому назад. Само правительство отчетливо сознавало, что правые организации не обеспечат победу. Вот почему все упования монархии обратились тогда на духовенство.

Избирательная кампания правых началась довольно своеобразно. Они, прежде всего, вступили в яростную схватку за... избирательные фонды министерства внутренних дел. Когда „дубровинцы“ об'явили свой с'езд на сентябрь 1911 г., „марковцы“ сделали попытку вообще не допустить его. С'езд всетаки состоялся в Москве, но картина его не радовала черносотенные сердца. Народу было мало и никакого воодушевления. Из духовенства наиболее авторитетные отсутствовали, войдя в другие ответвления „союза“. Выделялись своими выступлениями лишь епископ Василий и архимандриты Феодосий и Адриан, оба из Киева. Приветствия прислали архиепископ Серафим и Антоний Волынский. Последнего с'езд обвинил в двурушничестве (кивает головой и Дубровину и Маркову) и оставил его приветствие без ответа.

Общий развал „дубровинцев“ отчетливо выявился на этом с'езде. От прежних „миллионов“, которыми обычно оперировал Дубровин не осталось и следа. Не видя никакого исхода и цепляясь за малейшие возможности, с'езд постановил добиваться нового изменения положения о думе, с тем, чтобы часть ее членов просто назначалась. Только этим „союзники“ еще надеялись сохранить за собой влияние и... казенные харчи. По существу это было признание собственного бессилия и никчемности.

Столь же безотраден был и с'езд „марковцев“ в мая 1912 г. в Петербурге. Близость к „бюрократическому корыту“ позволила обещать делегатам солидное „месиво“, в виде суточных и прогонных. Но даже эта приятная перспектива соблазнила очень мало „делегатов“.

Открылся с'езд в дворянском собрании. Но затем начались мытарства с помещением, пока не помог синод, предоставив с'езду квартиру обер-прокурора. Последнее гармонировало с составом делегатов—большинство их были священники. Руководителем с'езда был В. М. Скворцев, миссионер и чиновник особых поручений при Саблере. Влияние духовенства оказалось во всех решениях с'езда и завершилось принятием следующей резолюции. „Указать на то, что желательно все организации „союза русского народа“ поставить под руководство церкви, в лице ее пастырей“. Если вспомнить, что как раз на этой почве в 1907 г. произошли столкновения с духовенством, то нам станет понятно насколько его влияние в контр-революции выросло за это время. То был единственный сохранившийся боеспособный отряд.

Разложение „союзников“ иллюстрировалось на с'езде рядом интересных выступлений. Начать с того, что нашлись наивные люди, к ужасу „вождей“ предложившие в интересах избирательной кампании заменить слово „самодержец“ „вседержателем земли русской“. Хотя голосованием это предложение и было отвергнуто, но уже один факт его постановки характерен. Другое предложение в этом роде касалось самое названия союза. Чувствуя, что „союз русского народа“ безнадежно скомпрометирован в глазах страны, многие полагали переименоваться в „консервативно-монархическую партию“. Великий же скандал разразился, когда В. М. Скворцов предложил добиваться увеличения содержания сельскому духовенству. Предложение это было встречено гулом одобрения многочисленных священников и протестами крестьян. „Попы, заявил бессарабский делегат крестьянин Кохайчик, и без того жиреют потом народным. А если жалованье большое им положить, то землю церковную отдать малоземельным крестьянам“. *) Это неосторожное упоминание о заветной земле вызвало бурю ярости со стороны дворянской части с'езда. Граф Коновницын, топая ногами кричал,—„земли причтам давали крупные землевладельцы—дворяне и отобрать ее они не позволят“.

— О земле говорить нельзя,—заявил председатель Н. Е. Марков. После этого крестьяне покинули с'езд.

Хотя в своих решениях „марковцы“ продолжали говорить от имени „миллионов“, но уже родственное „Русское Знамя“ засвидетельствовало, что на с'езде „никаких миллионов не было, а были лишь Иуды Искариотские“. Закончился с'езд принятием предложения священника Николаева: „Выразить общую благодарность всем преосвященным за их деятельность и просить их сделать через духовенство раз'яснение народу предвыборных правил“. Это, не совсем грамотное решение, верно отражало деятельность епископата, вполне заслужившего признательность „союза русского народа“.

Развал отнюдь не ограничился одними „союзническими“ организациями. Участь эту разделило и „об'единенное дворянство“—этот столп контр-революции... С'езд дворян в 1912 г. ничем почти не отличался от слетов черной сотни. В моральном отношении его уровень снизился до ничем не прикрытой погромной агитации. С'езд оказался столь дезорганизованным, что должен был отказаться от выбора председателя своего главного совета. Стоявший во главе „об'единенного дворянства“, гр. Бобринский категорически отказался от своего поста. То же сделал и Самарин. Запах тлена витал и над этим с'ездом.

---

*) „Биржевые Ведомости“ 23 мая 1912 г.

IV.

Общий процесс распада в сильнейшей степени коснулся и духовенства. Здесь, в силу целого ряда специфических условий, он принял особо уродливые формы. Религия, служба политической реакции, ханжество, кликушество—все это соединилось в один клубок. В итоге положение дел в духовной среде, особенно в руководящих верхах, перешло за грани безмерного падения. Заведомые мошенники и авантюристы, печатно заклейменные как уголовные преступники, становились вождями клира и вершителями судеб церкви. Протоиерей Восторгов *), архимандрит Макарий Гневушев, епископ Варнава и над ними всеми Г. Распутин—вот плеяда имен, неизменно стоявших в центре всех событий в духовном мире.

Вмешавшись со всей страстью в распри, охватившие правые организации, духовенство превратило органы своего управления в центре этой борьбы. Был в фаворе Дубровин и духовенство награждало его званием „великого поборника православия". А когда он впал в немилость, святые отцы по зову Восторгова предавали его анафеме и благославляли новых главарей контр-революции.

Когда же все контр-революционные организации, одна за другой, стали вымирать, была сделана попытка возродить их, но уже в ином виде. „Союзы русского народа" должно было заменить духовенство. Этот смелый план принадлежал В. К. Саблеру. И мы видели, что первые шаги в этом направлении во время выборов в IV думу имели несомненную жизненность.

Успех духовенства на этих выборах натолкнул их на мысль попытаться захватить в свои руки земские и городские самоуправления.

В отдельных епархиях этот вопрос был уже поставлен как ближайшая задача. Так, епархиальный с'езд черниговской губернии решил: „Возбудить ходатайство о допущении духовенства к участию в земской работе в качестве гласных". Если бы не крах всего строя, мы бы несомненно были свидетелями активизации духовенства и в этой области.

Все эти идеи принадлежали В. К. Саблеру, приход которого в качестве обер-прокурора Синода знаменовал собою поворот в деятельности духовенства. Ученик и ближайший помошник знаменитого „злого гения России" К. П. Победоносцева, Саблер был

*) О нем между прочим Ortodox сообщал, что „в 1908 г. уличен был в составлении подложной телеграммы от имени И. Кронштадского... Пытался подкупить за 20.000 р. членов главного совета „союза русского народа" на предмет изгнания Дубровина... Обвинен в растлении гимназисток в Тифлисе. А. Балашов в „С. Петербургских Ведомостях" прямо именовал Восторгова „развратным и неверующим попом".

совершенно законченной реакционной фигурой, отчетливо выделявшейся среди предшественников в роде ученого Лукьянова, или безцветного Извольского. Это был, прежде всего, последовательный черносотенец, сразу повернувший колесо церковной политики к заветам своего памятного учителя. Недаром весь правый мир радостно приветствовал это назначение. Мы должны отметить, писал „Колокол", перемену синодального обер-прокурора, как событие чрезвычайной церковно—государственной важности". И в этом не было преувеличений. Саблер действительно был „достойнейшим сподвижником" и продолжателем дела Победоносцева.

Его стремления сразу же получили яркое выражение в ряде выступлений духовенства. Так, на с'ездах законоучителей в 1913 г. в Одессе и Екатеринославе возникли интересные прения о преподавании естественных наук. Почтенные законоучители доказывали, что естественные науки аннулируют всю ветхозаветную мудрость библии и евангелия. Отсюда они делали вывод—естественные науки вредны.

На с'езде в Одессе всеобщее одобрение вызвал доклад священника Кирицы, доказывавшего, что грамотность увеличивает преступность. **Архиепископ Назарий распорядился отпечатать и распространить этот доклад.** Во всем этом не трудно найти влияние Победоносцева, его идей из эпохи Александра III.

Под'ем реакционной волны неизменно сопровождался открытием всяческих мощей. Не желая отставать в этом отношении, Саблер распорядился канонизировать белгородского святителя Иосафа. Правда, торжество канонизации вышло не совсем удачно, владыки переругались с „союзниками" и праздник был сорван. За это по жалобе „союзников" курский епископ Питирим был сослан в почетную ссылку на Кавказ.

Стремясь превратить духовенство в реальную опору трона, Саблер насадил в ее ряды почти военную дисциплину. Епископат имел при нем силу, каковой раньше никогда не пользовался.

Но власть Саблера была чисто внешнего характера. За его спиной стоял Г. Распутин, личность в настоящее время достаточно известная. Это он распоряжался епископскими кафедрами, судьбой митрополитов и иереев. Он же монопольно владел сонмом святых, создавая угодников из мертвых своего образа и подобия.

Владыки, столь грозные со своими подчиненными, не осмеливались противодействовать велениями этого мазурика.

В июне 1911 г. в синоде совершенно неожиданно возник вопрос о назначении епископом никому неизвестного полуграмотного Варнавы Накропина, бывшего огородника, сумевшего пробраться поближе к Г. Распутину. Члены синода заупрямились, не желая быть „в числе виновников хиротоний проходимцев". Сделали они это не зная, „кто ворожит этому никому неизвестному

архимандриту". Но, потом пришлось хиротонисать. В. К. Саблер заявил членам синода, что „царь интересуется о. Варнавой". А когда те медлили, он им прямо указал, что „государь желает видеть его епископом". Ясно стало, что Варнаву выдвигает Распутин. Дмитрий, епископ херсонский заметил: „А потом и Распутина придется хиротонисать".

Антоний Вылынский заикнулся было о необходимости разъяснить царю „неудобство его желания", но „тогда В. К. Саблер вынул из портфеля прошение свое об отставке". Это настолько напугало владык, что Антоний Волынский от их лица заявил: „Для сохранения вас на посту мы и черного борова посвятим в архиереи" и стал снова просить об отсрочке, дабы предварительно переговорить с царем. Саблер на это согласился, но, „через час прикатил Даманский и представил дело так, что В. К. Саблер в эту пятницу должен привезти доклад о бытии Варнавы епископом, а иначе он уйдет. Тогда вечером 8 августа мы собрались тайно у Сергия и вынеся немало воздыханий, решили из двух зол избрать меньшее" *). Варнава стал епископом Каргопольским „при 2000 казенного жалованья и единовременного отпуска хорошей суммы на архиерейский дом".

История с Варнавой не была каким то исключением. Когда известный реакционер архиепископ Гермоген увидел все пагубное для монархии влияние Распутина, он поднял борьбу против него. Заманив его с помощью Иллиодора в Саратовское подворье, Гермоген 11 декабря 1911 г. потребовал от Распутина удаления из царского дворца. При этом Гермоген избил Распутина крестом по голове. Под влиянием подобной аргументации Распутин поклялся уехать на родину и прекратить разврат с женщинами. Но едва он вырвался от Гермогена, на головы святителей обрушились кары. По постановлению синода Гермоген и Иллиодор были сосланы в монастыри. Оба они пытались сопротивляться, но были сломлены. При этом Саблер в этом деле держал себя так, что даже правая газета „Свет" именовала его палачем. Сам Гермоген напечатал заявление в „Новом Времени", где говорилось, что „все ужаснулись бы, если бы узнали от каких грязных рук зависит судьба православной церкви и ее иерархов".

Все эти бесподобные скандалы роняли церковь в глазах самых широких народных масс. Рушилась крепкая опора всего буржуазного строя. Не даром в марте 1912 г. Гучков взывал в государственной думе: „Наш долг крикнуть слова предостережения: церковь в опасности, в опасности государство".

В поисках спасения консервативные элементы стали ратовать за созыв церковного собора для избрания патриарха. Тем,

*) Письма Ант. Волынскаго к митрополиту Флавиану. „Красный Архив" № 31.

кто опасался, что патриарх будет помехой трону, Антоний Волынский резонно отвечал: „Патриаршество будет не ограничением самодержавия, а самой надежной его опорой"*). Это так и было бы если бы революция не позаботилась об этом троне несколько иначе.

V.

До лета 1914 г. все монархические организации в стране влачили жалкое существование. Политически бесплодные, они остатки своей энергии тратили на взаимную грызню. Тщетны были попытки отдельных лиц и групп возродить опоры контр-революции. Так в 1912 г. для борьбы с начавшимся революционным движением в среде учащихся были с организованы представители белого студенчества (академисты). В марте в С.-Петербурге, в квартире обер-прокурора синода состоялась всероссийская конференция этих академистов. Несмотря на обильную денежную помощь, конференция признала, что влиянием белые организации в студенческой среде не пользуются. Единственно на что они оказались способными—это провокации по указке „союза русского народа". Не смог вдохнуть живую жизнь в монархические организации и отец русской провокации Зубатов, привлеченный „союзниками" к контр-революционному делу.

Основная причина этого паралича воли кроилась в бездействии „союзников". Вне погромов и дебошей они чувствовали себя как как рыба, выброшенная на берег. К этим славным временам и обращались их тоскующие взоры. „Дождусь ли я давно желанной минуты, когда выну, наконец, из кобуры мой начинающий ржаветь „Смит и Весон" и без содрогания твердою рукою начну всаживать пуля за пулей в крамольные лбы всех этих октябристов и иных кличек изменников присяги" мечтал в „Голосе Русского" В. Балашов. „Остается одно, писал другой союзник, снова взять плеть, дубину, да кистень в карман и итти колотить".

Между тем в стране явственно наступало политическое оживление. Летаргия годов реакции уступала место новому натиску. Ленская катастрофа явилась стимулом для бурных выступлений рабочего класса. Массовые забастовки положили конец общественной подавленности. Новый революционной под'ем быстро надвигался. Этот гул борьбы наполнял тоской „союзнические сердца". Они отчетливо чувствовали свое бессилие и ничтожество. Вот почему они не делали никаких попыток противодействовать начавшемуся движению, хотя отчетливо сознавали все опасности, которые оно им несло.

---

*) „Голос церкви" январь 1912 г.

Размах рабочих забастовок в 1912—13 г. заставил правительство вспомнить о „союзниках". Директор департамента полиции Белецкий обратился ко всем жандармским управлениям с запросам,—можно ли использовать для борьбы с рабочими движением организации монархистов. Ответ получился неутешительный. „Монархические организации, сообщали те, в случае привлечения к какой либой работе, не могли бы служить опорой для правительства" *).

Война 1914 г., на время положила конец начавшемуся движению и несколько расшевелила контр-революционные элементы страны. Но длилось это лишь до первых поражений императорских армий. Разгром 1915 г. покончил с этим затишьем и в еще большей степени обнажил преступления царизма. Всеобщее недовольство принимало характер, явно угрожавший не только правительству, но и монархии. Новая опасность заставила обратиться к испытанным врагам революции. На нивы „союзников" свова полился золотой дождь. Но на этот раз эффект был ничтожен. Разложение эпохи реакции не прошло даром. Мертвым на этот раз не суждено было задушить живых. На призывы откликнулись лишь основные кадры контр-революции—чиновничество, духовенство, дворянство, да и то далеко не единодушно. А о тех массах, которые в октябре 1905 г. учинили сотни погромов не приходилось думать.

Прежде всего правительство приняло энергичные меры к прекращению великой распри в среде „союзников". Для этого тов. министра Белецкий, по поручению министра внутренних дел Хвостова, примирил Дубровина с Марковым. Акт этот обошелся правительству в 10.000 р., выданные Дубровину „на поддержание его агентуры". Кроме того, ради этого мира пришлось положить под сукно приговор суда в отношении Дубровина. В декабре 1913 г. священник Н. И. Ракитский подговорил в Смоленске крестьянку Абрамову, чтобы та обвинила одну еврейку в истязании с ритуальными целями ее ребенка. На основании этого материала Дубровин и Еремченко в „Русском Знамени" поместили ряд статей. Суд, рассматривавший это дело, признал Ракитского, Дубровина и Еремченко виновными в злостной клевете и приговорил их к 6 месяцам тюрьмы. В интересах мира в среде „союзников" Дубровин был освобожден от тюремного заключения. За все это он согласился участвовать в совместной работе с Марковым.

Когда внутренняя распря внешне была улажена, был сделан второй шаг на пути к воссозданию контр-революционных организаций.

---

*) Показаная Белецкого Чрезвычайной следственной комиссии

При этом инициатива попрежнему исходила из среды дворянства. От имени помещиков Струков обратился с призывом ко всем правым выступить на защиту все тех же основ. В ответ на это астраханские монархисты устроили в Саратове 27—29 августа 1915 г. с'езд поволжских организаций. Решения этого с'езда изложены в секретных листах „только для руководителей монархических организаций и правых деятелей". Всем правым с'езд предложил „немедленно развить самую кипучую деятельность и вступить в решительную борьбу со смутой". Для этого им рекомендовалось вооружаться, шпионить за рабочими и доносить по начальству о деятельности революционных организаций.

В случае, если „смута выйдет на улицы", с'езд требовал: „назначить твердого и решительного диктатора, который в 2—3 дня покончил бы со смутой". Правые же должны были „поднять народ по домам и набатом, взять из церквей иконы, хоругви и с царскими портретами итти на соборную площадь, а там видно будет". В последнем предложении не трудно увидеть повторение старого плана октябрьских погромов 1905 г. Тогда тоже с портретами и иконами шли на площадь раньше, нежели начинали резню.

По предложению священников было решено „просить архипастырей рассылать по всем сельским и городским церквам епархии заготовленные речи для прочтения их в церквах".

Общественное движение 1915 г. шло по двум направлениям. Легальная оппозиция в лице большинства думы, земств, городов, части членов государственного совета об'единилась в одну группу, известную под названием „прогрессивного блока". Этот союз включал в себе все имущие либеральные элементы страны, напуганные развалом поражения и неминуемой революцией в близком будущем.

Рядом с этим революционное движение имело видимые успехи в среде трудящихся, изнывавших под тяжестью войны и игом реакции. Посколько „прогрессивиый блок" работал совершенно гласно, его деятельность стала сразу об'ектом травли со стороны правых, уже на Саратовском с'езде потребовавших роспуска думы.

В виде демонстрации против „прогрессивного блока" правительством было созвано совещание монархистов в Петрограде 21—23 ноября. Средства на это совещание отпустил департамент полиции в размере 21.000 р., врученные Маркову II. Несмотря на „наличность особых мер конспирации и тщательное „процеживание" допускавшихся на совещание участников", правым не удалось скрыть содержание своих планов, сводившихся к одному— провозглашению диктатуры дла кровавого подавления революции. Только вот сил для этого не было.

На Петроградском совещании присутствовали все сливки монархического движения, члены государственной думы, совета, сената, министры настоящие, бывшие. Духовенство было представлено рядом авторитетнейших деятелей в лице митрополита Петроградского Владимира, Московского Макария, архиепископов Никона, и Тихона, епископов Дмитрия, Иннокентия, Макария Балахнинского, духовников Николая II. Васильева и Дернова и многочисленного рядового духовенства. Всех участников совещания было 250. Председателем был избран министр юстиции Щегловитов. После декларации черносотеннейшего профессора Левашова, совещание приняло ряд решений, одобрявших все реакционные мероприятия правительства. При этом руководители совещания постарались несколько приумыть свои черносотенные решения, зная, что они будут иметь не только внутреннее, но и внешнее политическое значение, поскольку царское правительство должно было считаться со своими союзниками Англией и Францией.

Эта сдержанность выводила из себя более откровенных монархистов типа Дубровина. „Не решаясь открыто выступить со свойственной им резкостью выпадов и резолюций, эта среда крайних правых монархистов все время сдерживалась надеждами на возможность развернуться во всю на с'езде в Нижнем-Новгороде, одним из видных организаторов коего и является Дубровин" *). Это предсказание жандармского полковника Глобачева полностью потом оправдалась.

Для об'единениея сил монархической контр-революции был избран временный совет, который до созыва с'езда должен был руководить всей борьбой правых. В состав этого совета вошли митрополиты Владимир и Макарий, проиерей Алабовский, епископы Дмитрий и Макарий и архимандрит Виталий. Рядом с этими духовными мы видим Дубровина, Маркова, Бобринского, Маклакова и др. не менее прославленных деятелей контр-революции.

Петроградское совещание создало видимое единство в рядах правых.

Немедленно вслед за Петроградским совещанием 26 ноября открылся с'езд монархистов в Нижнем-Новгороде, большинство которого принадлежалв к сторонникам Дубровина. Отбросив всякую дипломатию, они полностью раскрыли все чаяния контр-революции. Первое слово на этом с'езде епископа Иоакима было призывом к стойкому отстаиванию самодержавия. К этому и сводились все выступления остальных ораторов. Решения этого с'езда, носившие характер погромной агитации и политически безграмотной дребедени, вызвали только издевательства противни-

*) Донесение начальника Петроградского охранного отделения Глобачева в департамент полиции.

ков и конфуз друзей. После всего пережитого страной за десять лет, нижегородские дельцы заговорили языком монархических с'ездов 1905 г. Нелепость этого положения тогда же выяснила церковная газета „Колокол". „Крайние правые партии, писал он, были образованы для борьбы с крайними левыми, революционными партиями; они уже принимали участие в такой борьбе и имели в этом отношении успех и опыт. В борьбе с „прогрессивным блоком" они применили все те приемы, которые им были необходимы для борьбы с революционными партиями десять лет тому назад и потому совершенно понятна та путаница, которая произошла в их политическом мировоззрении, понятны и их положительно безумные утверждения, причислившие чуть ли не две трети государственного совета к государственным изменникам".

Из этого признания ясно, что были пущены в ход те же средства, что и в 1905 г., но только перепутали способ их применения. Особо пикантно звучали обвинения с'ездом революционеров в германофильстве. Ни для кого не было тайной, что русские контр-революционеры желали победы германской монархии. Первый об этом заговорил Дубровин в „Русском Знамени", где он писал: „Россия, во первых, не должна вести войны с Гогенцолернской династией, а во вторых, эта последняя является носительницей и насадительницей высоких принципов монархизма". То же самое повторил в органе Маркова „Земщина" Глинка: „Стравить необходимо было Россию именно с Германией, где монархизм был также очень силен, дабы в этой взаимной гигантской борьбе обессилить в конец оба государства".

Наконец третье течение в среде правых, чьи мнения выражали „Московские Ведомости", столь же сочувственно относилось к кайзеру. Известный дворянин Павлов в статье „Не мешайте" прямо писал, что „народ не знает вот еще чего—что будет хуже: победа Германии, или победа кадета Милюкова". А потому „еще не пришло время защищать Россию всей землей. До конца и гибели ее еще далеко".

В общем, все оживление контр-революции конца 1915 г. было чисто декоративного свойства. И в этом причина растерянности и бездействия правительства. Тщетно отдельные группы монархистов, видя, как кругом все рушится, взывали к власти, толкали ее на путь активной борьбы. Паралич охватывал все более и более весь организм монархии и ничто уже не в состоянии было спасти его.

От заклинаний по адресу правительства монархисты перешли к воздействию на Николая II. 14 января 1917 г. священник Митроцкий через Щегловитова передал царю записку от имени „православных кругов Киева", где требовалась решительная борьба с революцией. В этой записке между прочим авторы требо-

вали издания закона, „безусловно воспрещающего печатание статей, осуждающих иерархов русской церкви".

„Записка достойная внимания"—написал на ней Николай II и приказал министрам высказаться по поводу ее содержания. Но те не успели это сделать, в виду непредвиденного вмешательства Петроградских рабочих и солдат.

Когда пламеневшая от гнева страна поднялась против монархии и в мартовских 1917 г. боях разбила трон вдребезги, во всей России не нашлось и десятка черносотенцев, которые встали бы на защиту царя.

Как только аппарат самодержавия был сломан, все эти „многомиллионные союзы русского народа" исчезли как дым.

Монархия изжила себя. Вместе с ней история обрекла на смерть и те социальные группы, которые были с ней тесно связаны, питались одними корнями из одной почвы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	8
I. Духовенство и царизм	7
II. Духовенство и землевладение	30
III. Массовая борьба и активная контр-революция	49
IV. Наступление контр-революции	75
V. Победы контр-революции и торжество реакции	106
VI. Сумерки контр-революции	136

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

В издании „АТЕИСТА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

(список изданий, имеющихся в продаже)

„Мысли В. И. Ленина о религии“ (4-е изд.). 1 р. 25 к.
„Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии“ (2-е изд.). 2 р. 75 к.
„Избранные мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии“. 50 к.
„Мысли Г. В. Плеханова о религии“. 2 р. 25 к.
„Занимательная библия“—Лео Таксиля, пер. с франц., под ред. В. А. Шишакова (2-е изд.). 2 р. 75 к.
„Светский календарь Вел. Франц. революции“—И. Вороницына (2-е изд.). 25 к.
„ИСТОРИЯ АТЕИЗМА“ — И. Вороницына. Изд второе. Вып. I — Атеизм в древности. Свободомыслие в Германии XVII и первой половины XVIII столетия. 1 р. 25 к. Вып. II — Борьба с религией во Франции в первую половину XVII столетия. Философская битва. 1 р. 25 к. Выпуск III — Борьба с религией и атеизм в эпоху Франц. революции. 1 р. Вып. IV — Немецкое Просвещение в его зависимости от франц. Просвещения и революции. Религиозное свободомыслие в России в XVII веке. 2 р. 50 к. Выпуск V — Утопический социализм и религия. „Петрашевцы и религия“. 2 р. 25 к.
„Секуляризация церковных имуществ“ — Е. Грекулова (3-е изд.). 60 к.
„Церковь и просвещение в России“—С. А. Каменева (2-е изд.). 1 р. 25 к.
„ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ“ — Д. Фрэзера. Вып. 1 — Магия и религия. Пер. с французск. с пред. проф. П. Ф. Преображенского. 2 р. Вып. II—Табу запреты. 1 р. 50 к. Вып. III — Умирающие и воскресающие боги растительности. 2 р. 25 к. Вып. IV — Богоедство и жертвоприношение. 3 руб.
„Руины“ — атеистический памфлет Вольнея. Пер. с франц. с пред. и примечаниями В. С. Рожицына (2-е изд.). 1 р. 50 к.
„Илия пророк“ — Н. Румянцева (3-е изд.). 60 к.
„Миф об Иоанне Крестителе“ — Н. Румянцева (2-е изд.). 30 к.
„Папа римский в роли спекулянта“ — проф. С. Г. Лозинского (3-е изд.). 55 к.
„Святой Василий Грязнов — защита подмосковских акул текстильной промышленности“ — И. Шпицберга (4-е изд.). 30 к.
„Великий шантаж“ (Мощи новозаветных и ветхозаветных героев) — Н. Румянцева (4-е изд.). 60 к.
„Легенда о христе в классовой борьбе“ — Б. Кандидова (3-е изд.). 60 к.
„Лев Толстой, как столп и утверждение поповщины“ (антитолстовская хрестоматия) (3-е изд.). 1 р. 25 к.
„Содержание Корана“ — Л. Климовича (2-е изд.). 75 к.
„Декабристы и религия“—И. Вороницына (2-е изд.). 60 к.
„Жила ли дева Мария“ — Н. Румянцева (3-е изд.). 50 к.
„Нравы русского духовенства“ — Е. Грекулова (3-е изд.). 40 к.
„Воздвижение и первый спас“—Н. Румянцева (2-е изд.). 20 к.
„Первоначальное христианство“ — Г. Брандеса. 60 к.
„Существовал ли Иисус христос?“ — Э. Мутье-Руссэ (3-е изд.). 65 к.
„Катастрофы на земле“ — С. Кузнецова. (2-ое изд.). 40 к.
„Что говорят религия и наука о жизни“ — А. Михайловича (2-е изд.). 45 к.
„Жрец Тарквиний“ — С. Поливанова, трагедия в 3 д. (2-е изд.). 30 к.
„Чудо в посаде“ — С. Поливанова. Ком. над. ком. в 3 д. (2-е изд.). 30 к.
„Из истории святой инквизиции в России“—Е. Грекулова (2-е изд.). 75 к.
„Как произошел человек“—проф. Б. Н. Вишневского. 1 р. 10 к.
„Социальные корни антисемитизма в Средние века и в Новое время“—проф. С. Г. Лозинского. 1 р. 80 к.

„Развитие и жизнь земного шара"—С. Кузнецова (2-е изд.). 45 к.
„Происхождение пасхи"—Н. Румянцева (2-е изд.). 60 к.
„Преображение господне"—Н. Румянцева. (2 изд.) 20 к.
„Вознесение, троица и духов день"—Н. Румянцева (2-е изд.). 35 к.
„Крепостное право, церковь и революция"—М. Темкина (2-е изд.). 20 к.
„Паломничество брата Грамзальбуса"—Л. Вехтера. Пер. с нем. 1 р. 20 к.
„Монахиня"—роман Дени Дидро. Пер. с франц. 1 р.
„Ведьма"—роман Мишле. Пер. с франц. 1 р. 70 к.
„Трактат с трех обманщиках (Моисей—Христос—Магомет)". I. книга 1598 г., пер. с латинского II. Трактат XVIII века, пер. с франц. Н. Цветкова. Вступительная статья И. Вороницына „История атеистической книги". 75 к.
„Антихрист как образ"—Б. Кисина. 30 к.
„Дьявол"—М. Геннинга. 40 к.
„Вопрос об историчности христа в свете археологии" — А. Дмитрева (2-е изд.). 20 к.
„Церковь и крепостное право в России"—В. Писарева. 80 к.
„Откуда произошли животные"—П. В. Серебровского. 1 р.
„Церковные колокола на службе магии и царизма"—проф. П. Гидулянова (2-е изд.). 60 к.
„Поэт Некрасов и религия"—Г. Покровского. 45 к.
„Первоначальная христианская литература"—Ван-Эйсинги. 65 к.
„Как произошел растительный мир на земле по библии и по науке"—академика В. Комарова (2-е изд.). 65 к.
„Есенин, есенинщина и религия"—Г. А. Покровского (2-е изд.). 50 к.
„История русской церкви"—проф. Н. М. Никольского. 2 р.
„Атлас по истории религий"—568 иллюстраций. Составлен при участии: проф. А. А. Захарова, проф. Е. Г. Кагарова, проф. В. К. Никольского, доцента С. Л. Урсыновича и отв. ред. АТЕИСТА—И. А. Шпицберга. 3 р.
„Первобытное мышление"—П. Леви-Брюля. С предисловием от редакции АТЕИСТА, академика Н. Я. Марра, проф. В. К. Никольского и автора. 3 р.
„Крещение, благовещение, сретение"—Н. Румянцева. (2 изд.). 30 к.
„Богородица в русской литературе"—Б. Кисина. 35 к.
„Ислам на службе контреволюции"—К. Г. Василевского. 50 к.
„Загробная жизнь, как предмет спекуляции, или об индульгенциях в римско-католической церкви и в православии"—проф. П. В. Гидулянова. 1 р. 25 к.
„Талмуд, его социальные корни и приверженцы"—М. Шахновича. 75 к.
„Отрицание историчности Иисуса в прошлом и в настоящем"—А. Древса. 1 р.
„Парижская Коммуна и церковь"—Я. Михайлова. 70 к.
„Лурд—величайшая в мире фабрика шантажей"—Жанна Боннефона. 80 к.
„Попы в роли провокаторов, тюремщиков и погромщиков"—Д. Венедиктова. 1 руб.
„Церковь и московское восстание 1905 г."—Б. Кандидова. 40 к.
„Сон отца Акакия"—С. Поливанова—водевиль в 1 действии, с музыкой, пением и танцами. Музыка Зин. Компанеец. 50 к.
„Пауки и мухи"—Ф. Благова—антирелигиозное обозрение в 20 явлениях, с пением. 30 к.
„Масляница"—Н. Румянцева. 35 к.
„Сектантство и мировая война"—Б. Кандидова. 35 к.
„Церковь и идея самодержавия в России"—А. Дмитрева. 2 р. в переплете с пересылкой.

КОНСЕРВАЦИЯ
28.06.04